

Владимирский государственный университет

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ
В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ**

Хрестоматия

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Хрестоматия

Владимир 2022

ББК 67.3(2)41

УДК 340.15

Г72

Авторы-составители: И. Д. Борисова, А. А. Ошмарин

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, доцент
зав. кафедрой публично-правовых дисциплин Факультета права
и управления Владимирского юридического института ФСИИ России
Д. А. Зыков

Доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры международного права
и внешнеэкономической деятельности
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
С. С. Новиков

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Государство и право России в период централизации :
Г72 хрестоматия / авт.-сост.: И. Д. Борисова, А. А. Ошмарин ; Вла-
дим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во
ВлГУ, 2022. – 156 с. – ISBN 978-5-9984-1531-9.

Рассматриваются вопросы объединения древнерусских земель в единое государство, эволюции государственного и общественного строя, правовой системы. Содержит теоретический материал, практические задачи (казусы), задания для самостоятельной работы, рекомендуемую литературу, глоссарий.

Издание предназначено студентам очной и очно-заочной форм обучения направлений подготовки 40.03.01 – Юриспруденция, 40.05.04 – Судебная и прокурорская деятельность, может быть полезно преподавателям высших учебных заведений юридической направленности, а также всем, кто интересуется историей государства и права России.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 50 назв.

ББК 67.3(2)41

УДК 340.15

ISBN 978-5-9984-1531-9

© ВлГУ, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплина «История государства и права России» является базовой юридической дисциплиной, которая изучает процесс формирования и эволюции институтов государства, механизмов осуществления государственной власти, становление и развитие системы права Российского государства, отдельных её отраслей, институтов и норм права. Это позволяет в дальнейшем успешно осваивать отраслевые юридические дисциплины. Важная цель изучения дисциплины – выявление особенностей и общих закономерностей возникновения, развития и смены типов и форм государства и права России.

Период централизации – один из важнейших этапов в становлении и развитии государственности и правовой системы России, определивший специфику, истоки государственно-правовых явлений и институтов.

Материал хрестоматии в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины «История государства и права России» раскрывает основные вопросы темы «Государство и право России в период централизации», а именно – предпосылки и этапы формирования единого Русского государства, трансформации государственного строя (переход к княжеско-подданническим отношениям, изменения статуса главы государства, формирование путевой и приказной систем управления и др.), изменение социальной структуры общества, формирование единого правового пространства и эволюция институтов публичного и частного права.

Рассматриваются классические и современные точки зрения на актуальные и проблемные вопросы, связанные со становлением и развитием государства и права централизованного Российского государства. В заключительной части приводятся библиографический список литературы, по которой был составлен основной текст пособия, а также рекомендательный библиографический список.

Дидактический аппарат издания включает в себя вопросы и задания для самоконтроля, практические задания для самостоятельной работы, задачи (казусы), темы рефератов. В конце книги приведен терминологический словарь (гlossарий).

Костомаров Н. И.
НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(Извлечения)

VI

Понятно, что при периодических посещениях татар, при нередких набегах литовцев, а вдобавок при частых княжеских усобицах русское народонаселение было малочисленно, бедно и приучено к вечному страху за свое существование, а потому сделалось способным к безгласному и бессмысленному повиновению грозе и силе и составляло готовый материал для единоводержавия, как только обстоятельства могли сложиться удобно для его возникновения.

Несмотря на всеобщее порабощение политической жизни, русская страна была слишком обширна и наполнена труднопроходимыми делями и болотами. При этих качествах долго сохранялись некоторые признаки древнего быта, признаки личной свободы человека до известной степени. Бояре и слуги (прежняя дружина) назывались вольными людьми, могли оставлять службу одному князю и переходить к другому, и даже их имения оставались нетронутыми, находясь во владениях прежнего князя. Такое условие мы встречаем в договорных грамотах между князьями. Но не следует слишком обольщаться этим и воображать, чтоб свободное положение этих вольных людей было очень прочно и ограждено от произвола. Действительно, бояре и вольные слуги могли свободно переходить от князя к князю, когда их князь, заключавшие между собою договоры, жили в мире; когда при этом договоры заключались между сильнейшими, такое условие было выгодно для сильнейшего: от слабого будут перебежать вольные люди к сильному, потому что у сильного окажется лучше служить; и это право, как скажем после, очень помогло усилению московских князей. Но там, где князья не жили в ладах между собою, такое право было неприменяемо, особенно когда князья надеялись на милость Орды. Само собою разумеется, что князь, не затруднявшийся с татарскими полчищами разорять земли своего соперника и истреблять его подданных за то, что эти люди не по своему выбору, а по приговору судьбы признают власть последнего, не стеснился бы отнять имение у боярина, который, прежде служивши ему, перешел на службу к его

врагу. Впрочем, в литературе того времени есть признаки, показывающие, что переходы бояр и вольных слуг от князя к князю стали считаться уже несправедливым делом, и нравоучители вооружались против отъезда, как против измены. Это по крайней мере говорилось в московском княжении по отношению к тамошним князьям: московские князья не любили, чтоб от них отъезжали бояре, а чужих к себе принимали охотно. Другой признак личной свободы существовал для низшего класса, крестьян или черных людей, и состоял в праве земледельцев оставлять земли одного боярина и переходить на земли другого. Обычай этот был полезен для народа тем, что землевладельцы, нуждаясь в работниках, естественно должны были привлекать их льготами и вообще предоставлением хороших условий жизни. Но и тут, как в деле бояр и вольных слуг, не должно представлять себе, чтобы от этого все крестьяне на самом деле пользовались во всякое время правами, обеспечивающими за ними свободу и благосостояние. Не все, не всегда и не везде крестьяне сохраняли за собою право вольного перехода. Князья прежде всего лишили этого права крестьян, живших на тяглых княжеских землях; в тягло могли прибывать свежие рабочие силы, а из тягла убывать не смели; такого порядка, по крайней мере, как нам известно, держались московские князья, начиная с Калиты, по отношению к своим тяглым (т. е. обязанным доставлять им разные доходы) людям и, давая грамоты на земли монастырям и частным владельцам, ставили условие, чтоб и получившие грамоты не принимали к себе на земли княжеских тяглых волостных людей, зато позволяли им преимущественно принимать переселенцев из иных княжений. Князья других княжений следовали, естественно, тому же правилу и позволяли землевладельцам перезывать людей из иных княжений, а не из своей отчины. Кроме того, по особой милости князья давали землевладельцам, особенно монастырям, право, по которому принадлежащие им крестьяне не могли переходить с занимаемых ими земель. Таким образом, во времена господства крестьянских переходов уже многие из крестьян лишены были права перехода и, следовательно, по закону были крепки земле. Кроме крестьян, по особым распоряжениям потерявших право перехода и, следовательно, в сущности личную свободу, были еще на Руси холопы: люди полные (рожденные от рабов), люди купленные, люди кабальные (сами себя запродавшие). Все такие люди находились под произволом

господ до такой степени, что не допускался никакой донос или жалоба холопа на своего «государя». Если бы случилось, что государь поколотил холопа так сильно, что холоп от побоев умер, – государь не отвечал за это. Такие невольные люди не только наполняли боярские и княжеские дома в качестве слуг, но были поселены на землях, работали на своих государей по воле последних и составляли значительную часть сельского населения. Хотя церковь не переставала оказывать свое благотворное влияние и многие из князей и бояр, ради спасения души, пред смертью отпускали на волю всех своих рабов, но рабство от этого не уменьшалось, потому что свободные люди часто продавали самих себя в неволю: состояние свободного человека нередко было до того несносно, что он для своего облегчения шел в рабство, и чувство свободы до такой степени иссякло, что отпущенные на волю пользовались милостью господина для того только, чтобы снова продать себя в холопы.

Крестьяне свободные, имевшие право перехода с земли на землю, назывались сиротами и могли пользоваться своим нравом только с ограничениями. Таким образом, только однажды в год дозволено было уходить (отказываться), именно за неделю до Юрьева осеннего дня и в продолжение недели после этого дня. Кто почему-нибудь не успевал воспользоваться этими двумя неделями, тот обязан был оставаться у прежнего помещика целый год без прекословия. Приняв в соображение тогдашнюю многоземельность и сравнительное малолюдство, что можно усматривать в таком явлении, как шатание безземельного народа из одного чужого владения в другое чужое же? Конечно, нищету, утеснения, всеобщую тягость, ничем не огражденное горькое положение народа. Почему, в самом деле, эти сироты, вместо того чтоб, сиротствуя, ходить от одного владельца к другому, не селились где-нибудь на пустопорожных землях и не жили либо общинами, либо в качестве мелких частных собственников? Оттого, что вся земля, какого бы она ни была свойства – заселенная или пустопорожная, удобная или неудобная, пашня, сенокос, лес, болото, – вся была в распоряжении у князя: она дарована была ему от хана, истинного государя, владельца, собственника всех покоренных русских земель. Где земля была пуста и не приносила никаких доходов, там она в действительности никому не принадлежала, но как скоро на ней поселялись, как скоро ее начинали обрабатывать люди, так тотчас

князь покажет над нею право, потянет новопоселенных в тягло или утвердит за монастырем либо за частным лицом. Всякое поземельное владение, находясь в области княжения такого или другого князя, давалось или держалось по милости князя и от него зависело – будь это многоземельная боярская вотчина или десять четей надела бедного крестьянина черной общины. Князь налагал на жителей своего княжения какие хотел дани и поборы, освобождал от них тех, кого ему угодно было освободить и пожаловать льготой. Давать земли и оставить их во владении и пользовании он мог и хотел только так, чтоб от этого происходила выгода ему самому; поэтому, кроме монастырских и церковных имений, которые давались князьями в видах спасения собственных их душ, следовательно, в ожидании выгод не на сем, а на том свете, – все остальное давалось с обязанностью либо служить князю ратным делом, либо доставлять князю выгоду работами и данями. Отсюда вытекало, что бояре, дети боярские и вообще вольные владельцы земли, получая от князя право на поземельную собственность, обязаны были за то служить ему, и потому они делались исключительно служилым сословием, именно потому что были землевладельцы. За услуги или в видах выгод, ожидаемых от их службы, князь некоторых из них освобождал от тех повинностей и даней, которые оставались лежащими на других: то было, однако, не право, не какая-либо постоянная сословная привилегия, а единственно проявление воли и милости князя, так точно, как и обложить тех или других данями и повинностями зависело от княжеского произвола. Бояре имели право продавать, закладывать, завещать свои вотчины; существовали основанные на древних обычаях правила, определявшие отношения этих вотчин к роду владельцев, но все это не придавало боярскому сословию полной свободы и независимости от княжеского произвола. Будучи недоволен за дурную службу себе или за неповиновение, князь всегда мог отнять у боярина его вотчину и распорядиться ею по желанию. На тех землях, которые не составляли частной собственности и не были раздаваемы никому во владение, князь держал упомянутых выше черных, или тяглых, волостных людей. То были, вероятно, потомки древних свободных сельских общин, с постоянными отливами и приливами населения в это сословие; со времени татарского завоевания на них-то преимущественно легла тягость дани, которую должна была нести порабощенная Русь. В XIII веке, по

татарском завоевании, они были подвергаемы поголовной переписи, или «числу», и назывались поэтому численными людьми. Но так как переписи впоследствии не повторялись, между тем население возрастало, особенно в Московской земле, куда вследствие невзгод, обуревавших соседние русские земли, прилиvalo народонаселение из последних, то образовались и умножались тяглые люди, не подвергнутые перечислению, а численные люди сделались только отделом, или частью, всего сословия тяглых волостных людей. Некоторое время они отличались тем, что князья при дележе своих княжений не полагали в раздел численных людей, а завещали последующим князьям блюсти их заодно, но впоследствии это было утрачено; численные люди пошли в раздел зауряд с остальными тяглыми и потеряли свое особенное наименование.

Тяглые волостные крестьяне с землями составляли как бы зародыш государственного достояния, в отличие от княжеского, именно потому, что доходы, получаемые от них, назначались на дань татарам, следовательно, на такой предмет, которого существование не зависело от князя. Но так как ханы поручили собрание дани самим князьям и последние платили дань в разных размерах, определяемых огулом, а раскладка дани на подданных предоставлялась князю, то через то самое тяглые люди попали в безусловную зависимость от князей. Они платили уже дань не хану, а своему князю, а князья в своих договорах между собою говорили, что в случае, когда Бог переменит Орду, то есть когда они освободятся из-под власти завоевателей, дань, которая платилась хану, должна сделаться достоянием князей. Отсюда понятно, как свои собственные князья заступали для народа место иноплеменных завоевателей. Князья брали с тяглых людей дань уже не в том размере, в каком нужно было им самим заплатить хану, а по произволу, наблюдая свои собственные выгоды. Кроме дани, тяглые волостные люди были обложены работами, производимыми по размету под надзором сотских и старост, да еще облагались множеством разнообразных поборов; названия их известны нам преимущественно из грамот, даваемых князьями тем, которые по особой княжеской милости освобождались от поборов. Таковы были: писчая белка, мыто, тамга, восьминичье, костки, ям, подводы, явленное, закосное, ставление княжеских дворов, кормление княжеских коней и пр., и пр. Были еще, сверх того, определенные князем поборы в пользу княжеских намест-

ников, волостелей, доводчиков и праветчиков, а в случае судного дела они платили князю, по старине, судные пошлины. Все эти поборы простирались и на боярские, и на всякие имения, если они не были освобождены особыми льготными княжескими грамотами. Что такие разнообразные поборы и повинности вели не к благосостоянию, а к утеснению народа, показывает, во-первых, уже то, что князья из желания облегчить некоторых, к кому особенно благоволили, избавляли их от этих поборов и повинностей; во-вторых, то, что жители, не вынося тягостей, нередко разбегались, а иные, чтоб избежать тягла, отдавались противозаконно в холопство; в-третьих, наконец, то, что впоследствии в XVI веке разнообразные поборы были заменяемы огульною платою, и при этом правительство само высказывало, что при прежних порядках, которые оно тогда устраняло, народ сильно был угнетен и особенно терпел от злоупотреблений со стороны наместников, волостелей и их подручников. Много веков нес народ такой горький для него строй тягла без исхода. Частые разорения, которые постигали его и от татарских нашествий, и от набегов литвы, и от междоусобных распрей собственных князей, довершали его бедственное положение. Не быть в зависимости от землевладельца для русского крестьянина значило нести тягло и подвергаться тяжелым поборам и работам, да еще быть прикованным к месту. Конечно, лучше было в качестве «сироты» ходить от владельца к владельцу. Сирота все-таки лично был свободнее тяглового человека; тягло в древности было истинное подобие той неволи, которую впоследствии называли крепостным правом, и во многом было тяжелее последнего, испытанного народом при других условиях жизни и нравов.

Но и положение «сироты», в сущности, несмотря на видимую личную свободу, было очень часто не лучше, а иногда и хуже положения не только тяглового человека, но настоящего раба: об этом, к счастью для истории, сохранились любопытные свидетельства духовных, вопиявших за горькую участь как рабов, так и сирот, называемых в этих свидетельствах подручными. Обыкновенно крестьянин приходил к землевладельцу в нищете и нужде; условия, которые предлагал ему землевладелец, вначале могли быть необременительны: крестьянин мог обязываться платить хозяину только оброк за пользование землею и более никаких обязанностей на себя не принимать; но, будучи в стеснительном положении, он для своего обзаведе-

ния принужден бывал делать долги и имел неосторожность сделать заем у владельца той земли, на которой поселялся, на срок за проценты (рост), очень высокие по обычаю того времени, поддерживавшемуся редкостью и дороговизною серебра. Срок платежа приходил, и крестьянин не в состоянии был выплатить. Тогда он должен был согласиться работать владельцу за долг; иногда же он с первого дня займа условливался платить владельцу рост работою; и тогда при достижении срока платежа, не в силах будучи заплатить капитала, крестьянин должен был подвергаться новым, более стеснительным условиям. Работу в таком случае оценивал владелец: крестьянин, находясь по отношению к нему в состоянии неоплатного должника, во всем ему уступал; владелец, естественно соблюдая свои выгоды, оценивал крестьянскую работу елико возможно низко. Крестьянский долг не мог покрыться этою работою. Новый рост увеличивал долг; крестьянин, обремененный работою на владельца, имел слишком мало свободного времени на работу для себя и не в силах был выплатить положенного вначале по условию оброка за землю, и вот на сумму этого невыплаченного оброка насчитывался новый рост, и владелец, при невозможности получить его с крестьянина деньгами, обременяет за него крестьянина еще новою работою. Наконец, приходит к тому, что крестьянин все свое время тратит на работу владельцу, и владелец помыкает ими и его семьею, как невольниками, хотя и оставляет за ними звание свободных людей. Но это звание для бедняков уже не преимущество, а тягость. Чтоб избавиться от безвыходного положения неоплатного должника, крестьянин с своею семьею часто шел в холопство, иногда к кому-нибудь другому, а иногда к тому же самому владельцу, у которого состоял в неоплатном долгу: в том и другом случае его положение временно казалось выгодным; в первом – он избавлялся от заимодавца и мог получить от покупателя его свободы еще какую-нибудь надбавку сверх суммы, покрывавшей его прежний долг; в последнем – господин, приобретая юридически в рабы того, кого он уже держал в рабстве в действительности, давал ему за это некоторое облегчение. Но случалось и так, что господин, за следующий ему долг высосавши всю силу крестьянина и не нуждаясь в юридическом его порабощении, прогонял его вон чуть не голого. Тем крестьянам, которые первоначально, приставая к владельцу, заключали с ним более выгодные для себя условия и, главное, могли обходиться без того, чтоб делаться должниками владельца земли, было,

разумеется, лучше, но и тогда сильнейший всегда имел возможность притеснить слабейшего, а на таком суде, где все было продажно, сильнейший скорее оказывался прав, чем его слабый соперник. Вообще же лучшим доказательством печального состояния сирот служит то, что они повсеместно и охотно «закладывались», шли в законное рабство и мало дорожили своей свободой. Льготнее было тем сиротам, которые селились на княжеских нетяглых землях, в селах, не входивших в разряд тяглых волостей. Кроме последних, князья, особенно московские, приобретали себе имения, которыми владели в качестве таких же собственников-вотчинников, какими были и бояре: эти имения назывались селами и слободами, в отличие от тяглых, именуемых волостями; они-то послужили началом того разряда имений, которые впоследствии назывались подклетными, дворцовыми, а в более позднее время – удельными. Их накопление было одною из важнейших причин обогащения, а через то самое и возвышения московских великих князей. Приобретая повсюду земли, они называли на них сирот и предоставляли им значительные временные льготы: оттого эти княжеские села и слободы процветали более других населенных местностей Руси, но зато в них скорее и прочнее, чем где-нибудь, ограничивалась свобода перехода. Уже в XV веке, жалуя частным лицам имения, князья ставили условием, чтобы владельцы не принимали к себе людей ни из волостей, ни из княжеских сел, дозволяя, впрочем, самим себе принимать людей из волостей и имений других князей. Мало-помалу жители этих сел попадали всякого рода поборам, которым подвергались тяглые волости, и отличались от последних более по имени и по некоторым формам управления, чем по житейскому быту крестьян.

Городов в смысле корпораций особого сословия, с особыми правами, кроме северных народоправных, в татарской Руси не существовало; торговля и промышленность до такой степени были ничтожны и отличались первобытными приемами, что занимавшиеся ими не могли подняться до значения и прав, высших над крестьянскими. Посады, как называлось тогда то, что мы теперь называем городами, где преимущественно сосредоточивались торговля и промыслы, причислялись к тяглым волостям; промышленный или торговый человек отличался от пашенного только тем, что участие его в тягле измерялось не землею, а промыслами.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чём Н. И. Костомаров видел причины возникновения единой державы на Руси?
2. Какие признаки личной свободы сохранялись, по мнению Н. И. Костомарова, у бояр и вольных слуг? Почему они сохранялись «до известной степени»?
3. Какие признаки личной свободы сохранялись у крестьян?
4. Что такое право крестьянского отказа? Как оно реализовывалось?
5. Какова была политика князя в отношении частного землевладения?
6. Какими обременениями были обложены тяглые волостные люди? Была ли разница в их выполнении в отношении Орды и русских князей?
7. Почему Н. И. Костомаров считал, что положение сирот было хуже положения не только тяглых людей, но и рабов?
8. Что такое села и слободы? Какую роль они играли в имущественных отношениях князей?
9. Что Н. И. Костомаров говорил о городах периода татарской Руси?

Зимин А. А.

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XV – XVI СТОЛЕТИЙ (ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ) (Извлечения)

Социально-экономический строй России

Феодальное землевладение на рубеже XV – XVI вв., представленное большим разнообразием форм, характеризуется серьезными сдвигами в структуре. На Руси существовали тогда в основном четыре вида феодального землевладения: светское, церковно-монастырское, дворцовое (обслуживавшее нужды Государева двора) и, наконец, чернососное. Землевладение светских и духовных феодалов росло прежде всего за счет земель, принадлежавших «черным» крестьянам. Захват крестьянских земель был типичным явлением того времени.

Судьбы крупного светского землевладения были противоречивы. С одной стороны, происходил процесс раздробления крупных боярских латифундий, сокращение, а с начала XVI в. и ликвидация податных привилегий светских феодалов, а с другой – рост новых магнатских владений лиц, тесно связанных с великокняжеским двором. Источником формирования дворцового землевладения было владение княжеских слуг («служни земли»). С. Б. Веселовский датировал выделение дворцовых земель из черносошных последней четвертью XV в.

Для светского землевладения характерна была лоскутность владений, разбросанность по нескольким уездам. Корни этого явления уходили в глубокую древность и связаны были с происхождением «первовотчин» бояр в центральных уездах и расширением их земельных богатств по мере объединения земель Москвой. Рост боярских семей приводил к раздроблению вотчин. Приходилось изыскивать новые вотчины. Росла мобилизация земельной собственности, а тем временем значительно повысились цены на землю. Земель же для служилых людей не хватало.

В годы правления Ивана III (после 1485 г.) особым уложением запрещалось продавать иногородцам вотчины в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Рязани и на Белоозере. Возможно, аналогичные мероприятия коснулись и владений суздальских, ярославских и стародубских княжат. Это уложение, имевшее целью поставить предел процессу дробления княжеского землевладения, вряд ли было осуществлено. Во всяком случае его пришлось подтверждать Василию III и Ивану Грозному.

Наряду с вотчинным землевладением было распространено и землевладение подведомственных князьям всевозможных военных и административных слуг «под дворским». Оно было целиком обусловлено службой и носило условный характер. Слуги «под дворским» (посельские, дьяки, ключники) набирались как из свободных, так иногда и из холопов, приобретавших свободу.

Представление о «безусловном» характере землевладения вотчинников ошибочно. Вотчинники обязаны были службой феодалу. Условное землевладение слуг (свободных и несвободных) и условное вотчинное землевладение стали истоками формирования поместной системы в конце XV в. Ранняя история поместья остается недостаточно изученной. Не ясно, например, было ли первоначально поместье

пожизненным владением или безусловным. А. Я. Дегтярев показал, что на раннем этапе основная масса поместий переходила от отца к сыну. Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев считают, что «на раннем этапе развития поместной системы элементы условности владения поместьем сказывались сильнее, чем на последующих» (в частности, отсутствовало право завещания поместных земель). В дальнейшем же происходило «сближение поместья с вотчиной», которое привело к их окончательному слиянию. Эти тезисы представляются нам недоказанными. Поместье и вотчина, происходя из одного корня, на известном этапе разошлись. К сожалению, определить условия поместной службы и поместного владения на рубеже XV – XVI вв. пока крайне трудно. В ходе осуществления поместной реформы в Новгороде землю получило примерно 2500 помещиков. В результате значительно упрочились владельческие позиции рядового дворянства, что содействовало повышению боеспособности войска.

Ликвидация самостоятельности Великого Новгорода привела к конфискации земель у новгородских бояр. Часть бояр была переселена в центральные районы страны и слилась с массой детей боярских (например, Лашинские в Рязани). Некоторые из новгородских бояр (например, Амосовы), став владельцами земель на Двине, в дальнейшем трансформировались в черносошных крестьян.

Кризис переживало непомерно выросшее в предшествующий период церковно-монастырское землевладение. Нуждаясь в землях для испомещения массы служилых людей, правительство Ивана III обратило взоры на огромные земельные богатства церкви. В связи с присоединением Новгорода к Москве оно провело там ликвидацию владычных и монастырских земель. Конфискован был ряд земель и у пермского епископа. Правительство снисходительно рассматривало земельные претензии крестьян к монастырям, будучи заинтересованным в сохранении фонда черносошных земель. В конце XV в. в отдельных монастырях происходил спад стяжательской деятельности. <...>

Особой формой феодального землевладения было землевладение черносошных, или государственных, крестьян. Верховным собственником их земель был великий князь, но крестьяне обладали известными правами на распоряжение своими землями. Они могли их продавать, менять, завещать, но при условии, что эти земли не выйдут из тягла.

Более полутора десятка лет шла дискуссия о природе черносошного землевладения. Начал ее И. И. Смирнов, выступив против тезиса Л. В. Черепнина о феодальном характере землевладения и отстаивая мысль о том, что землевладение государственных (черносошных) крестьян было свободным. Точку зрения А. В. Черепнина разделяли А. Д. Горский, С. М. Каштанов, Н. Н. Покровский, А. М. Сахаров. Мнение И. И. Смирнова поддержали Г. Е. Кочин, Ю. Г. Алексеев, Н. Е. Носов, А. И. Копанев. Компромиссную точку зрения высказал А. Л. Шапиро, исходивший из представления о расчлененном характере собственности на землю при феодализме. Своим оппонентам отвечал Л. В. Черепнин.

Дискуссия была заметным явлением в советской исторической науке. В ее ходе еще раз были обсуждены теоретические основы изучения проблемы крестьянского землевладения в феодальную эпоху, внимательно рассмотрены все известные к тому времени сведения актовых источников, высказывалось много тонких наблюдений по отдельным аспектам взаимоотношений крестьян между собой и с феодальным государством. В частности, были отчетливо показаны различные формы мобилизации крестьянских земель (купля, продажа, мена). Весьма плодотворной представляется мысль Н. Е. Носова о том, что именно черносошное землевладение создавало больше возможностей для развития страны по предкапиталистическому пути. Думается, нет уже такой несовместимости и между взглядами сторонников самых «крайних» точек зрения: ведь А. И. Копанев и Ю. Г. Алексеев сделали впечатляющую оговорку, что они имеют «в виду “свободу” относительную – свободу в рамках феодального общества, в котором крестьянство в целом занимает низшую ступень лестницы и является непривилегированным, приниженным классом».

Итак, авторы включают «свободное» крестьянство в рамки крестьянства феодального общества в целом и фактически рассматривают его как феодально-зависимое. Спор их с оппонентами – чисто терминологический. Разница в положении черносошного и частновладельческого крестьянина обуславливалась и тем, кто являлся его господином (государь, светский феодал или духовная корпорация), и формами его эксплуатации, но суть оставалась все та же. Конечно, при этом следует иметь в виду, что фискальный гнет государства (в отличие, скажем, от поборов помещика или вотчинника) давал все же

больше возможностей для развития крестьянского предпринимательства и складывания условий предкапиталистического развития страны. Этот процесс для чернососного севера России отчетливо прослеживается в работах А. И. Копанева и Н. Е. Носова.

Социальная структура Русского государства отражала незавершенность процесса централизации и формирования сословий. Наверху ее находился полновластный великий князь, далее следовали его ближайшие родичи – удельные и служилые князья, сохранявшие остатки суверенных прав. Следующую прослойку феодальной аристократии составляла княжеско-боярская знать. Она обладала правами на занятие высших должностей (в том числе в Боярской думе, в войске, на наместничествах и пр.). Рядовая масса служилых людей разделялась на Государев двор и детей боярских, служивших «с города» (центра уезда, где располагались их земли). Основная масса администраторов-кормленщиков и военачальников набиралась из дворовых детей боярских, как правило происходивших из старинных служилых фамилий. В стадии формирования находилась прослойка администраторов-дьяков, представители которой стремились, получив вотчины и поместья, влиться в состав дворовых детей боярских.

Имели свои права-привилегии и представители духовенства, которое разделялось на черное (монашество) и белое (служители церкви). Высшая прослойка духовенства – «князья церкви» (епископат) были близки к представителям феодальной светской аристократии и к великому князю, хотя и имели свои корпоративные интересы. Положение массы рядового белого духовенства практически ничем существенно не отличалось от положения крестьян и посадских людей. В средние века, писал Ф. Энгельс, сельским и городским священникам «как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы...».

Сословие горожан находилось в стадии формирования.

Основную массу населения страны составляли холопы и крестьяне. Холопы разделялись на две группы – слуги (или «приказные люди») и «страдные (или «деловые») люди». Первые составляли челядь господина, входили в число его администраторов и военных слуг; вторые обрабатывали господскую запашку и занимались ремесленной деятельностью. Основная масса холопов переходила к своим господам по наследству. Холопов покупали, брали в полон, холопами ста-

новились по полным грамотам, которые докладывались местной администрации (докладные). С конца XV в. из среды полных «людей» выделяется группа кабальных (упоминаются в 1479 г.). Их появление объяснялось усилением феодального гнета. Обнищавшие крестьяне вынуждены были поступать во временное (кабальное) холопство, составляя кабалу на взятые в долг деньги. Полные холопы в отличие от крестьян считались собственностью феодала. Роль их в социально-политической структуре общества была значительной. Холопы-послужильцы, отпущенные на свободу, входили в состав господствующего класса (значительная их часть испомещена была в Новгороде): дьяки, казначеи, посельские становились органичной частью государственного аппарата. Холопы-страдники обеспечивали феодалу обработку его пашни, а другие «деловые люди» в условиях господства натурального хозяйства доставляли необходимые для него продукты ремесленной деятельности. Если рядовой феодал имел один-два десятка холопов, то такие, как кн. И. Ю. Патрикеев, – до полутора ста.

В литературе существовало мнение, что с конца XV в. начинается массовый отпуск холопов на свободу, порожденный изживанием рабства. Но отпускали на свободу всех своих холопов, как правило, те феодалы, у которых не было родичей, наследников. К XVI в. численность холопов у феодалов не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Незавершенность крестьянского закрепощения делала применение труда холопов совершенно необходимым. Их эксплуатация отличалась особой жестокостью, что вызывало учащавшиеся побег подневольных людей. Труд холопов находил все более широкое применение на растущей барской пашне. Некоторые феодалы давали своим «людям» особые наделы, тем самым как бы подготавливая слияние холопов с крестьянами в единую крепостную массу.

Основную часть сельского населения на рубеже XV – XVI вв. звали крестьянами. Это наименование закрепилось за ними в тяжелые годы ордынского ига. Вопрос о категориях крестьянства в XV в. еще не вполне ясен. Долгое время господствовала точка зрения Б. Д. Грекова, считавшего, что крестьяне тогда делились на «старожильцев» (феодално-зависимых крестьян) и «новоприходцев». Старожильство, по Б. Д. Грекову, было этапом в закрепощении крестьян и определялось не количеством прожитых лет, а существованием отношения крестьянина к господину. В данном случае Б. Д. Греков модифицировал представления П. И. Беляева.

Л. В. Черепнин показал, что источники XV в. не знают термина «новоприходцы». По его мнению, «старожильцы» – это «основное крестьянское население феодальных вотчин или государственных земель, противопоставляемое... крестьянам, вновь призванным феодалами в свои имения из других княжеств». Отчуждение населенных пунктов означало в первую очередь отчуждение «старожильцев». Развернутый разбор взглядов Б. Д. Грекова дал Г. Е. Кочин. По Кочину, термины «старожильцы» и «пришлые» – «слова бытового, житейского языка – о крестьянах одних и тех же деревень: об издавна здесь живущих и только что поселившихся»; разница между ними «лишь в количестве льготных лет». Под этими наименованиями, по его мнению, не было никаких особых категорий крестьянства. И. Я. Фроянов высказал предположение, что во время судебных процессов «старожильцами» просто назывались свидетели, долгое время проживавшие на определенной территории, и в этом качестве выступали не только крестьяне. Ими могли быть и дети боярские, и монастырские слуги, и посадские люди. Соображения Г. Е. Кочина и И. Я. Фроянова заслуживают серьезного внимания. Конечно, сохранившиеся правые грамоты относятся в первую очередь к земельным делам, поэтому и большинство «старожильцев» там – крестьяне. «Подвижность» населения была незначительной. Крестьяне из поколения в поколение сидели на землях отцов и дедов без всякого законодательного принуждения. Переходы, переманивание крестьян касались близлежащих районов. В этом отношении очень убедительны наблюдения Н. Н. Масленниковой над северным материалом первой половины XVI в.

Преувеличивать степень закрепощенности крестьянства в XV в. нет оснований. Выделение отдельных отграниченных друг от друга (в правовом отношении) категорий крестьян – дело более позднего времени. Это, в частности, видно и на изучении так называемого серебряничества. Б. Д. Греков видел в серебряниках одну или «несколько категорий феодально-зависимых людей», попавших в зависимость в результате закабаления их «за серебро». В понятие «издельного серебра» у Грекова входила и денежная рента. По мнению Л. В. Черепнина, серебряники не составляли особой категория крестьянства. «Серебро издельное» могло быть и денежным оброком, и деньгами, розданными феодалами в долг под условием погашения его работой на

барщине. «Серебро» в отдельных случаях могло означать и денежный оброк. И вместе с тем «серебреник – это задолжавший крестьянин, обязанный расплатиться с землевладельцем». Последнее определение, на наш взгляд, лучше всего передает суть отношений серебреничества. И. И. Смирнов и Ю. Г. Алексеев связывают «издельное серебро» с превращением крестьянина в издольщика-серебреника. Тезис о «серебре» как денежном оброке вызвал возражение Г. Е. Кочина. Распространение серебреничества свидетельствовало о процессе обнищания крестьянства, о привлечении задолжавших крестьян к барщине («изделью»). Серебреничество было одним из источников складывавшегося в конце XV в. служилого холопства.

В то же время в источниках встречается еще одна категория сельских жителей – бобыли (непашенные и нетяглые люди). Впервые их упоминают псковская летопись под 1500 г. и писцовая книга Шелонской пятины (конец XV – начало XVI в.). О росте обеднения и обезземеливания крестьян говорит и распространение испольтчины (половничества), когда крестьянин, потеряв свою землю, переходил на службу к феодалу и отдавал ему часть урожая, полученного на землях последнего. Этот процесс был особенно распространен в северных районах страны. Нехватка земли приводила к тому, что крестьяне (как волостные, так и владельческие) «наймовали» землю у феодалов и тем самым способствовали хозяйственному освоению новых территорий. «Новины», «росчисти», «притеребы» упоминаются в различных источниках.

О мирской организации владельческих крестьян данные очень скупы, больше известно о черносошной волости. Во главе ее находились сотские (сотники) или старосты. Иногда сотский упоминался наряду со старостой. Встречались также пятидесятские и десятские. Все эти волостные администраторы генетически восходят к представителям старинной сотенной общинной организации, сложившейся на заре классового общества.

Волость осознавала свое право на владение обрабатываемой ею землей, признавая верховным собственником земли великого князя. Так, в конце XV в. староста одной из волостей на побережье Кубенского озера говорил: «...земля Бураково наша волостная, Залеская, черная тяглая изстаринны».

Волость состояла из крестьянских деревень. Волошане совместно распоряжались лесными угодьями, лугами, на севере и рыбными ловлями, давали крестьянам (пришлым) землю для заведения хозяйства или внаем. Волость ведала раскладом («разрубом») государственных податей, наместничьих кормов, повинностей. Центром волостного управления был «столец» (волостная канцелярия-казна). В волости решались и мелкие судебно-административные дела. Из среды ее жителей выделялись «люди добрые – старожильцы», свидетели на судебных процессах, «судные мужи», участвовавшие в судопроизводстве. Крестьяне-волошане обладали правом продажи земель. Словом, функции волости были значительны. Интересы князя в волости представлял дворский.

Развитие феодального землевладения и складывание общерусского государственного аппарата приводили к росту эксплуатации крестьянства. XIV и XV столетия Б. Д. Греков рассматривал как время развития ренты продуктами, а с конца XV в. находил тенденцию к переходу от оброчной системы к барщинной. К. В. Базилевич считал ведущей с конца XV в. денежную ренту, но известно также его более позднее и осторожное высказывание: «По отношению к концу XV и началу XVI в. можно говорить лишь о спорадическом появлении денежной ренты».

А. П. Пьянков полагал, что в XIV – XV вв. наряду с рентой продуктами существовали и барщинные повинности крестьян. А. Д. Горский добавил и наличие денежной ренты, причем для конца XV – начала XVI в. отметил «увеличение удельного веса денежных платежей в общем комплексе повинностей, главным образом среди государственных повинностей». Л. В. Черепнин в осторожной форме («хотя бы и гипотетически») высказал мысль о развитии барщинного хозяйства как одной из предпосылок развития Русского централизованного государства. На материалах новгородского поместья конца XV – первой половины XVI в. Р. Г. Скрынников говорит об увеличении барщины в этот период. Г. Е. Кочин сомневался в широком распространении барщины в XIV – XV вв. и дал иную интерпретацию данных, на которые опираются Горский, Пьянков, Черепнин, говоря о существовании барщины. Он считает, что речь должна идти о так называемой десятинной пашне. Крестьяне засеивали на господина одну из шести своих десятин, что соответствовало выплате оброчного

шестого снопа. В конце XV в. средний крестьянский надел в Северо-Восточной Руси равнялся, очевидно, пяти десятинам пашенной земли в одном поле, т. е. 15 в трех полях. Наличие «хлеба стоячего» в житницах у феодалов само по себе еще не свидетельствует о его происхождении. Сплошное исследование материала новгородских писцовых книг дало основание говорить только о небольшом увеличении барщины в числе крестьянских повинностей. Господствующей была рента продуктами. Этот же вывод подтвердил и А. Я. Дегтярев на основе изучения новгородского поместья.

Различие в оценках динамики и форм развития феодальной ренты на рубеже XV – XVI вв. объясняется в первую очередь объективными причинами – скудостью сохранившихся материалов. Если для Новгородской земли как будто можно полагать, что говорить о развитии крестьянской барщины в изучаемое время еще рано, то разрозненные источники по Северо-Восточной Руси не уполномочивают на какие-либо категорические суждения. И все же хочется высказать несколько соображений в порядке постановки вопроса.

Барщинная форма эксплуатации крестьян была прежде всего распространена в вотчинах духовных феодалов (в их распоряжении не было холопов, которые обрабатывали господскую пашню у вотчинников и помещиков). Все остальные виды «изделия» (например, сенокос, городовое дело у черносошных крестьян) не имели определяющего значения. Для частновладельческих крестьян отсутствуют в XV в. и сведения о натуральном оброке, хотя, конечно, он мог взиматься (вспомним кормы, шедшие наместникам и волостелям).

Обращает внимание и наличие значительных денежных средств у феодалов. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты покупки земли, цена которой к концу XV в. значительно возросла, и духовные грамоты. Так, в конце XV в. боярин В. Б. Тучко-Морозов отдал распоряжение раздать после его смерти 123 руб. из денег, полученных за продажу господского хлеба и за счет «серебра», которое его сын «ис тех сел... на людех вымет». Богатства феодалов могли в значительной степени создаваться и при помощи денежной ренты. За это предположение говорит структура кормов, взимавшихся княжескими администраторами (а кормления перерастали иногда и во владения земель). Основные поборы в пользу кормленщиков шли деньгами. «Дань», взимавшаяся Казной с черносошных и дворцовых кре-

стьян, также перерастала в денежную ренту. В конце XV в. происходил перевод ряда государственных натуральных повинностей (в том числе ямской) на деньги. Денежную ренту обычно связывают с интенсивным развитием товарного производства в стране. Но А. В. Данилова показала, что в Новгородской земле источником роста денежных оброков служили сельские промыслы, а хлебопашество сохраняло еще натуральный характер. Наблюдения над окладными единицами могут дать дополнительные аргументы для обоснования предположения, что денежная рента конца XV в. генетически восходила к дани и имела ведущее значение среди форм эксплуатации крестьян. «Выть» в XIV – XV вв. носила не поземельный, а подворный характер. Крестьянские повинности определялись не размерами земельных наделов, а исчислялись по количеству крестьянских хозяйств. Отсутствие в XIV – XV вв. в Северо-Восточной Руси писцовых книг с указанием земельных площадей также (наряду с другими причинами) объясняется тем, что налоги начислялись на крестьянский двор, а не на определенное количество земли. Наконец, и в соседних странах именно денежная рента стала преобладающей формой эксплуатации крестьянства (в Чехии в XIV в., а в Польше этот вид ренты получил интенсивное развитие в первой половине XV в.).

В условиях господства натурального хозяйства значение денежной ренты сильно отличалось от того, какое она имела в период разложения феодально-крепостнического строя. И все же денежная рента в сравнении с другими формами эксплуатации крестьян давала известные возможности для более интенсивного развития производительных сил.

В конце XV в. резко возросли государственные подати и повинности. Их состав обстоятельно изучен А. Д. Горским. В их число (достигавшее 20) входили: дань (основной прямой налог), ям, «писчая белка» (писцам), обязанность ставить дворы, выполнять городовое дело, служить с подводами, косить сено, кормить государственных посланцев – «ездоков», платить корм наместникам. Значительным было и число торговых пошлин: мыт (проездная пошлина), тамга (торговая), пятно (за клеймение лошадей), явка (за предъявление товара), гостиное. Весь этот комплекс податей и повинностей существовал, наверное, и в XIV в., т. е. был весьма архаичен. К этому надо до-

бавить еще и судебные пошлины. В последние десятилетия XV в. размеры кормов и поборов, как полагает А. Д. Горский, увеличились.

Таким образом, к рубежу XV – XVI вв. намечались серьезные сдвиги в социально-экономическом положении крестьянства. Завершалось (в основных чертах) освоение земель Северо-Восточной Руси. На повестку дня встали вопрос о земле и сопряженные с ним проблемы совершенствования земледелия и усиления феодального гнета. Вопрос, по какому пути пойдет в дальнейшем экономическое развитие страны, не был решен. Противоборствовали две тенденции – рост денежной ренты и спорадически начавшееся складывание крестьянской барщины. Эта неопределенность положения отразилась и на законодательстве. В Судебнике 1497 г. только регламентировался крестьянский выход, но не было его решительного ограничения.

Усиление феодального гнета вызывало обострение борьбы крестьянства против своих господ и княжеской администрации. Пассивной формой крестьянского сопротивления был уход от феодалов. Крестьяне подавали жалобы на захват их земель господами. Стремясь отстоять свои земли, захваченные феодалами, они основывали на них поселения. Запахивалась и засеивалась земля феодалов, закашивались владельческие луга, переносились ограды, производились самовольные порубки леса. Дело доходило до убийства холопами и крестьянами своих господ. Особенно резкий подъем антифеодальной борьбы относится к 80-м годам XV в.

В средние века с занятием земледелием была неразрывно соединена домашняя промышленность. Крестьянин обеспечивал себя всем необходимым – одеждой, обувью, жилищем. Он строил избы и хозяйственные постройки, добывал и обрабатывал железо, варил соль. Холсты и полотна, изготовлявшиеся в его хозяйстве, не только шли на одежду, но и входили иногда в счет оброков. С плотническим ремеслом знакомы были практически все крестьяне, но появлялись и специалисты-профессионалы – плотники, бочарники, ведерники. Кое-что из произведенного крестьянин вез на продажу. Сохранились известия о торговле крестьян лошадьми, о том, что монастырские крестьяне ездили торговать «з житом и з животиною, с чем ни буди, какой товар ни повезут». На Белоозере «уездные люди» торговали рыбой. Подобные отрывочные сведения связываются в целостную картину, если учесть, что для уплаты и денежной ренты, и многочисленных

денежных пошлин, и государственных податей крестьянам нужны были деньги, которые они могли получить только продавая продукты своего труда. <...>

В вотчинном ремесле большую роль играли холопы. Из числа несвободных «людей» известны не только специалисты тонких профессий («серебряные мастера»), но и портные, кузнецы, сапожники, плотники, бронники и т. п. С. Герберштейн писал в начале XVI в., что в Московии «все домашние работы делаются руками рабов».

Товарное производство было в первую очередь связано с развитием городского ремесла и торговли.

<...>

Развитие ремесла сопровождалось и оживлением торговли. Вся страна была покрыта сетью мелких местных рынков, связанных еще подчас с географическим разделением труда, а также с особенностями истории Руси периода феодальной раздробленности. Центром льноводства были Новгородские и Псковские земли. Пушшиной славились Пермь и Печора. В Вотской и Ижорской землях добывали железо. В Калуге делали добротную деревянную посуду. Постепенно в ходе преодоления политической раздробленности и общего подъема экономики налаживались торговые связи между различными районами страны. Так, на Белоозеро ездили торговые люди из Московской, Тверской и Новгородской земель.

Развивалась внешняя торговля. Широкий размах приобрела торговля со странами Востока. Она велась водным путем по Волге через Казань и сухопутным – с Крымом, особенно с Кафой и Азовом. На Восток из России поступали льняные и шерстяные ткани, одежды, меха, оружие, ремесленные изделия. В Кафе в 1498 – 1501 гг. находилось несколько русских торговцев: один из них был скорняком, другой кожевником, третий колпачником. В обмен привозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни, пряности. Ногайцы продавали в Москве табуны лошадей. Торговые сношения с Польшей, Великим княжеством Литовским, немецкими городами и Ливонией развивались, несмотря на частые войны. Русские купцы активно торговали в Риге, Смоленске, а также, возможно, в Кракове, Познани и Лейпциге. В европейские страны поступало из России преимущественно сырье (воск, меха, пенька, лес). Приобретали там благородные металлы, селитру, суконные ткани, вино, оружие. Зарубежную

торговлю вели не только крупные купцы-сурожане, но и мелкие торговцы-ремесленники.

Подъем ремесла и торговли сопровождался ростом городов. Число их на рубеже XV – XVI вв. можно установить только приблизительно. Источники не дают достаточно точных сведений. В основу подсчетов мы кладем список городов России первой половины XVI в., составленный нами в 1955 г., внося в него необходимые коррективы. Центр насчитывал примерно 57 городов. К этому нужно добавить 12 новгородских и 14 псковских городов, а также не менее шести поморских городов (упомянутых Герберштейном) и, возможно, Тотьму, Соликамск и Чердынь – всего, следовательно, девять. Существовали в изучаемое время не менее четырех рязанских и поволжских городов (Переславль, Старая Рязань, Перевитеск, Касимов), Тула, Алексин и, возможно, еще несколько, о которых нет определенных известий. Итого примерно сто городов. В результате войн с Великим княжеством Литовским к ним добавилось 8 городов Украины, 18 городов заоцкой и литовской Украины, 11 северских – итого 37 городов. Всего, следовательно, в начале XVI в. было примерно 140 городов. Число внушительное. А. М. Сахаров за XIV – XV вв. (до 80-х годов XV в.) насчитывал всего 73 города Северо-Восточной Руси (он не учитывал новгородско-псковские и муромо-рязанские), причем с социально-экономической характеристикой – всего 29. Так или иначе, но рост числа городов несомненен.

О численности населения в городах определенных сведений нет. <...>

Города в Русском государстве различались и по социально-экономической сущности, и по функциям. Прежде всего они являлись административными центрами уездов и средоточием их торговой и ремесленной жизни. Население городов-крепостей преимущественно состояло из гарнизона. В Псковской земле города считались «пригородками» Пскова. На юго-западе страны они стали опорными пунктами в степи, куда стекалось окрестное население во время набегов крымских и ордынских татар. На севере возникали города-посады. Существовало небольшое число частновладельческих городов (Оболенск, Стародуб Ряполовский, Шуя). Герберштейн сообща-

ет, что Иван III начал их ликвидацию и это дело было закончено Василием III.

Город состоял из различных элементов населения. Жили в нем феодалы со своей челядью. Размещались там и гарнизоны, и наместники с административным аппаратом. В городах находились монастыри и церкви с белым и черным духовенством и кормившейся около них нищей братией. Наряду с основной массой «черных» (государственных) сотен и слобод, в которые были организованы ремесленники, существовали частновладельческие («белые») слободы, наделенные всевозможными податными льготами. Иван III начал решительную борьбу с иммунитетными привилегиями белослободчиков. Продолжили ее Василий III и Иван IV. Организация ремесленников в городах имела черты корпоративного устройства, напомилавшего западноевропейские цехи. Так, Кузьма и Демьян считались покровителями кузнецов, а церкви, посвященные этим святым, были их патрональными. Процесс имущественного расслоения на посаде приводил к появлению городской бедноты, кормившейся случайными заработками, наймом в мастерских и железоделательном производстве, на соляных варницах и водном транспорте. Одновременно складывается посадская верхушка и возникают богатые купеческие семьи. В конце XV в. в зарождавшемся Сольвычегодске обосновались первые Строгановы, ставшие позднее крупнейшими торгово-промышленными людьми. Купцы-сурожане Саларевы, торговые люди Таракановы, Сырковы, С. Хозников, И. И. Афанасьев, Ф. Р. Сузин, И. В. Подушка составляли верхушку купечества. Многие из них стали основателями купеческих фамилий, сохранивших торговое могущество на протяжении всего XVI в. Большинство из них входили в высшую купеческую корпорацию – гостей. Они вели крупную оптовую торговлю со странами Запада и Востока. Корпорация «суконников» закупала сукна и другие товары на Западе. Купечество широко привлекалось для выполнения внешнеторговых поручений государя и сбора торговых пошлин (как правило, отдававшихся «на откуп»). Правда, сведений об участии наиболее богатой части купечества (гостей) в финансово-административной деятельности для конца XV в. нет. Во главе купеческих корпораций стояли старосты. Купцы стремились войти в состав феодальной знати и приобретали для этого землю.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие виды феодального землевладения существовали на Руси на рубеже XV – XVI вв.?
2. Какие тенденции развития крупного светского землевладения выделял А.А. Зимин в XV – XVI вв.?
3. Что такое «лоскутность» владений? В чем А. А. Зимин видел ее причины?
4. Какие меры предпринимали московские князья для предотвращения раздробления земель?
5. Почему А. А. Зимин считал, что представления о «безусловном» характере землевладения вотчинников ошибочно?
6. Какую политику проводил Иван III в отношении земель Великого Новгорода и церковных земель?
7. В чем суть научной дискуссии о природе черносошного землевладения?
8. Как отражалась незавершенность процесса централизации на социальной структуре?
9. Охарактеризуйте статус княжеско-боярской знати в период централизации.
10. Можно ли духовенство отнести к привилегированным сословиям?
11. В чем заключались особенности правового статуса холопов в централизованном государстве?
12. Какие категории крестьян существовали в период централизации?
13. Какие формы зависимости крестьян в период централизации выделял А. А. Зимин?
14. Какие серьезные сдвиги намечались в социально-экономическом положении крестьянства на рубеже XV – XVI вв.?
15. Что А. А. Зимин говорил о развитии ремесла и торговли в период централизации?
16. Как в период централизации развивались города?

Государь всея Руси

Падение ордынского ига в 1480 г. имело для истории России во многом определяющее значение. Оно свидетельствовало о том, что на востоке Европы создается мощное государство, которое способно противостоять натиску наследников Чингис-хана. Отныне это государство отряхнуло прах зависимости от ханов и приступило к решению стоявших перед ним важнейших задач, и прежде всего к завершению объединительного процесса.

К началу 80-х годов наряду с Великим княжеством Московским в Северо-Восточной Руси существовали два великих княжества (Тверское и Рязанское) и одна феодальная республика (Псков). Самостоятельная Тверь представляла особую опасность, поскольку тверские князья упорно искали поддержку своему противостоянию московским государям в Великом княжестве Литовском, в состав которого входила значительная часть исконных русских земель. Сложность состояла и в том, что основные земли Северо-Восточной Руси, которые находились под верховной властью Ивана III, были как бы исполосованы уделами его родичей. Ростов находился «до живота» (смерти) во владении его матери княгини Марии (в иночестве Марфы). В Угличе и Волоколамске княжили его братья Андрей Большой и Борис, проявившие «шатость» во время событий 1480 г. Вологда находилась в распоряжении Андрея Меньшого, а Верея и Белоозеро были княжением двоюродного брата Ивана III Михаила Андреевича.

Удельные родичи были связаны с Иваном III серией договорных грамот. Они признавали его старейшинство, обязывались придерживаться его внешнеполитической ориентации и участвовать в военных акциях против его врагов. Все это так. Но договоры оставались только договорами и могли быть в любое время нарушены. Включение в состав единого государства последних независимых или полузависимых государственных образований после 1480 г. стало основной политической задачей, без успешного решения которой невозможно было приступить к борьбе за воссоединение русских земель с более грозным противником – Великим княжеством Литовским. После того как ордынский хан Ахмат отошел с Угры, тем самым признав свое поражение, 28 декабря 1480 г. Иван III вернулся из Боровска в Москву. Здесь его ожидал сюрприз. В столицу прибыли послы двух крамольных братьев великого князя – Андрея Большого и Бориса Волоцкого,

которые ожидали уплаты по векселю. Ведь за участие в общерусской борьбе с Ахматом Иван III обещал им выделить дополнительные земли из наследия умершего в 1472 г. брата Юрия.

Ивану III пришлось выполнить взятые им обязательства. Он пожаловал Андрея Большого Можайском, Андрея Меньшого – Серпуховом, а Бориса – Суходолом и селами Марии Голтыевой. Впрочем, это было только предварительное соглашение. Докончания Ивана III с Андреем и Борисом, заключенные в феврале 1481 г., рисуют несколько иную картину. Можайск Андрей Большой получил (по предварительному варианту речь шла о Калуге). Села Голтыевой упоминаются и в докончании Бориса. А вот о Суходоле и речи уже не шло. Аппетиты братьев урезали. В формуляр докончания внесены были лишь небольшие поправки. Докончания 1481 г. носили временный характер. Разработкой формуляра подобных документов правительство занялось в 1481 – 1482 гг. Но великий князь потерял не так уж много, тем более что приобрел он в то время больше. 5 июля 1481 г. умер Андрей Васильевич Вологодский (Меньшой). По завещанию этого бездетного князя весь его удел перешел к Ивану III.

Первой ласточкой наступления на права удельных князей был договор 4 апреля 1482 г. Ивана III с кн. Михаилом Андреевичем Верейским. Согласно его тексту, князь завещал после своей смерти Белоозеро великому князю. Это было значительным ущемлением прав сына Михаила Андреевича – Василия. Осенью 1483 г. кн. Василий вместе с женой бежал в Литву. Поводом был следующий эпизод. Выдав племянницу замуж за кн. Василия, Софья Палеолог отдала ей в приданое «саженье», принадлежавшее когда-то первой жене Ивана III. Однако после женитьбы сына – наследника престола – Ивана Ивановича на Елене Стефановне (начало 1483 г.) Иван III пожелал одарить сноху драгоценностями матери Ивана Молодого. Поэтому он решает отобрать «саженье» у жены Василия Верейского. Узнав об этом, Василий бежал в Литву. Эпизод интересен не только для истории отношений Ивана III с удельными князьями, но и для понимания роли при великокняжеском дворе самой Софьи.

После побега кн. Василия Иван III 12 декабря 1483 г. заключил последнее (пятое) докончание с его отцом. Согласно его тексту, теперь уже кн. Михаил обязывался передать весь свой удел после смерти Ивану III. Это обязательство было закреплено в завещании князя,

составленном летом 1485 г. Формула об Иване III как душеприказчике в завещаниях удельных князей, по словам Л. В. Черепнина, «создала правовую основу для подчинения последних».

В начале 80-х гг. изменилась ситуация и в Рязани. В январе 1483 г. умер великий князь рязанский Василий Иванович. Он был женат на сестре Ивана III – Анне и придерживался промосковской политики. Старший сын Василия – Иван после смерти отца получил великое княжество, а младший – Федор – удел в Перевитеске, Старой Рязани и треть Переяславля. Через полгода после смерти отца Иван Васильевич Рязанский заключил с Иваном III докончание, аналогичное московско-рязанскому договору 1447 г. Рязанский князь признавал себя «молодшим» по сравнению с московским государем (своим дядей) и лишался самостоятельности в сношениях с Ордой. Последний пункт был особенно важным: от позиции рязанского князя зависела безопасность центральных районов России в случае ордынско-московского конфликта. В целом же Рязань низводилась на положение обычного удельного княжества, и Иван Васильевич лишь номинально мог считаться великим князем (преимущественно во внутри-рязанских делах). Фактической правительницей в Рязани была вдова княгиня Анна.

Число удельных князей продолжало уменьшаться. Зимой 1482/83 г. в «железах» на Вологде, где обычно содержались опальные княжата, умер старинный враг Василия Темного серпуховско-боровский князь Василий Ярославич. 4 июня 1485 г. скончалась княгиня – вдова Мария (в иночестве Марфа), передав вторую половину Ростова сыну – Ивану III.

Бурные события происходили в 1483 – 1486 гг. во Пскове. Еще 6 мая 1483 г. горожане пожгли дворы у посадников. В 1484 г. почему-то «в крепость» посадили крестьян («смердов»), но неясно, государственных, что скорее всего, или частновладельческих. Об их выступлении в летописях ничего не говорится. И вместе с тем посадников «из заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь (архив Пскова. – А. З.) вложили на сенех со князем Ярославом, а Псков того не ведает». 13 июня дело дошло до того, что посадника Гаврила «убита... всем Псковом на вечи». Тогда же «смерда» казнили. В сентябре в Москву для разъяснения псковских событий прибыли посадник Григорий Яковлевич Кротов с боярами. Они просили Ивана III, чтобы он

«отдал своея нелюбки, что казнили смердов; и он въсполевся, велел смердов отпустить, а посадников откликати и животы отпечатати, а князю Ярославу добити чолом».

Таким образом, государь держал сторону князя Ярослава Оболенского (псковского наместника) и смердов. Вернувшись во Псков, посадники доложили об этом на вече, но «псковичи, черные люди, тому веры не няше». Итак, противниками Ярослава и смердов выступают посадники и псковские черные (посадские) люди. Следующее посольство (декабрь) посадника Якова Ивановича успеха не имело, ибо боярское руководство, «ехавши биша чолом князю великому, а смердов не отпустя, ни посадников не откликав». Летом 1485 г. в Москву опять приехали посадники, чтобы продолжить разговор о смердах. На этот раз делегацию возглавил Иван Агафонович. Иван III не любил повторять то, что уже однажды говорил, и заявил, что делегация явилась «бездельно», велел отпустить смердов, вернуть «животы», «добити чолом» князю Ярославу и прислать смердов в Москву. Решительная позиция Ивана III грозила тяжелыми последствиями. У всех был в памяти новгородский пример. Поэтому «оттоле начат быти брань и мятеж велик межю посадники, и бояры, и житьими людьми: понеже сии вси въсхотеша правити слово князя великого, смердов отпустить, а посадников откликати, а мертвая грамота, списана на них, выкнути, а князю Ярославу добити чолом о печаловании». Очевидно, мятеж «черных» людей вспыхнул потому, что верхушка Пскова решила капитулировать. В конце концов Иван III настоял на своем. В Москву прибыло посольство от «молодых» «черных» людей с согласием выполнить требования государя. Посольство Ивана Агафоновича 1486 г. просило, чтобы Иван III держал Псков «по старине». Псковичи покаялись в том, что «били смердов, чрез повеление великого князя». Великий князь милостиво их простил. Итак, Псков был приведен к покорности. Иван III решительно поддержал тех, кто был заинтересован в «смердах».

В 1483 – 1484 гг. сходные события произошли в Новгороде, где Иван III «ополелся» на «житьих людей», обвинявшихся в «уклонении» к Литве.

В середине 80-х годов главным вопросом для Ивана III была ликвидация тверской занозы. Тверь накануне падения переживала трудные времена. Небольшое по размерам, княжество к тому же рас-

падалось на уделы. В начале 60-х годов там были Зубцовский и Холмский уделы. Не вполне ясно положение князей Микулинских и Дорогобужских. Вероятно, князь Михаил, как и Иван III, вел борьбу за объединение княжества, что вызывало недовольство тверской (и особенно удельной) знати. Возможно, ему подчинялся Кашин. В 60-е годы начались переходы тверских княжат на московскую службу. Уже тогда в Москву перебрался «князь-изгой» Данила Дмитриевич Холмский (Холм, очевидно, находился во владении его старшего брата Михаила). Кн. Данила стал одним из виднейших полководцев московского государя. В 1469 г. он участвовал в походе на Казань, в 1471 г. фактически возглавлял поход на Новгород, в 1474 г. принес присягу на верность Ивану III, в 70-х годах наместничал во Владимире, в 1480 г. командовал войсками на Оке. Женат он был на дочери И. И. Заболоцкого и выдал свою дочь за видного боярина Ивана Владимировича Ховрина. Словом, связи его с Москвой стали нерасторжимыми. В мае 1476 г. на московскую службу перешла большая группа тверских бояр, среди них Григорий Никитич Бороздин, его брат Иван Никитич Жито (с кашинцами), Василий Данилов, Василий Семенович Бокеев, трое «Карповичи», Дмитрий Иванович Киндырев и иные «с многие». Все они стали надежной опорой Ивана III в борьбе с Тверью.

К 80-м годам резко обострились в Тверском княжестве и классовые противоречия, вылившиеся в антицерковное движение. Еретическое вольномыслие в Твери имело давнюю традицию, восходя во всяком случае к XIV в. Около 1461 – 1477 гг. архимандриту Тверского Отроча монастыря Вассиану пишет послание о Троице его брат Иосиф Волоцкий. Послание было недвусмысленно направлено против еретиков, которые хотели «троицу утаити». Став тверским епископом, Вассиан в 1483 г. устанавливает культ мощей епископа Арсения, который прославился решительной борьбой с ересью. Это было ответом «церкви на выявившееся в Твери религиозное брожение». Широтой религиозных взглядов отличался и выдающийся тверской купец-путешественник Афанасий Никитин.

В такой обстановке Михаил Борисович вынужден был отказаться от конфронтации с Москвой и поддерживать с нею добрососедские отношения. Он был связан с Иваном III как родственными связями (московский государь в первом браке был женат на его сестре), так и договорными. Его ближайший сподвижник кн. М. Д. Холмский в

1471 г. выдал дочь за кн. Бориса Волоцкого. По dokonчанию 1462 – 1466 гг. Михаил Борисович хотя и признавался «братом» Ивана III, но обязывался поддерживать его внешнеполитический курс, особенно борьбу с Ордой. Этой линии тверской князь старался придерживаться неукоснительно. Его воеводы участвовали в двух походах на Новгород: в 1471 г. в их числе был кн. Ю. А. Дорогобужский, в 1477 г. с «тверской силой» ходили кн. М. Ф. Телятевский и кн. М. Б. Микулинский. Михаил Тверской высылал своих воевод (в том числе кн. М. Д. Холмского и И. А. Дорогобужского) и для борьбы с Ахматом в 1480 г. Так продолжалось до 1483 г. Еще в январе этого года в Твери был милостиво принят посол Ивана III – П. Г. Заболоцкий, сообщивший о свадьбе наследника престола Ивана Ивановича и Елены Стефановны. Этот брак представлял известную опасность для бездетного тверского князя. Иван Иванович приходился (по женской линии) ему племянником, а жена князя Ивана была племянницей первой супруги тверского князя. Словом, князь Иван приобрел еще больше прав на наследование Тверского княжества.

Но вот в феврале 1483 г. скончалась супруга Михаила Борисовича (дочь литовского князя Семена Олельковича), и тверской князь решил, не теряя времени, по традиции обратиться к Литве и жениться на «внуке» (родственнице?) великого князя Казимира. Брак должен был сопровождаться заключением литовско-тверского союза, который в тех условиях приобретал антимосковскую направленность. Согласно договору (повторявшему аналогичное dokonчание 1449 г.) тверской князь обязывался стоять «за один» с Казимиром против всех его недругов, что ввиду приближавшейся русско-литовской войны означало и против Москвы. 10 октября 1483 г. в Тверь пробыл посол Ивана III В. Гусев. Он привез известие о рождении у Ивана Ивановича первенца Дмитрия. Настойчивое напоминание тверскому князю о его возможных московских наследниках вызвало в новой обстановке резкую реакцию. По приказу Михаила Гусев был выслан из Твери. Это означало фактический разрыв отношений с Москвой. Очевидно, к тому времени союзный литовско-тверской договор был уже составлен или во всяком случае велись переговоры о его заключении, и князь Михаил рассчитывал в случае начала военных действий с Москвой на литовскую помощь.

План «мирного» присоединения Твери оказался под угрозой провала. После тщательной подготовки Иван III зимой 1484 г. «разверже» мир с Тверью. Причинами объявлялись намерение Михаила «жениться... у короля» и заключение с ним договора («целова ему»). О ходе дальнейших событий существуют две версии. Согласно псковской, московские воеводы с «множеством вой» «плениша всю землю их (литовского и тверского великих князей. – А. З.) и взяша 2 города и сожгоша». После этого князь Михаил и запросил мира. Официальная московская летопись сообщает, что послана была всего-навсего «порубежная рать» и тверской князь запросил мира, просто узнав об этом. Л. В. Черепнин предпочитает вторую версию, считая первую основанной на недостоверных слухах. Рассказ псковской летописи представляется более вероятным. В московском варианте о действиях рати не говорится ни слова. Умолчание очень странное.

Во всяком случае военная демонстрация возымела действие, а Казимир от выполнения своих договорных обязательств уклонился. Князю Михаилу пришлось капитулировать. В октябре – декабре 1484 г. было заключено новое московско-тверское dokonчание. И хотя в его основу был положен договор 1462 – 1464 гг., в текст внесены были существенные изменения. Теперь Михаил Борисович переставал считаться «братом» Ивана III, а становился его «меньшим братом», т. е. из великих князей фактически низводился на положение удельного. Он отказывался от всяких претензий на новгородские земли (в частности, на новоторжские). Сношения с Ордой ставились под контроль великокняжеской власти. Наконец, Михаил Борисович обязывался порвать dokonчание с Казимиром.

Однако dokonчание 1484 г. закрепило только передышку. Михаил Борисович не намерен был примириться со столь унижительными условиями договора, а Иван III понимал необходимость окончательного решения тверского вопроса. Прошло немного времени, и москвичи перехватили гонца тверского князя к Казимиру. Иван III отреагировал немедленно. Несмотря на челобитья епископа Вассиана и кн. Михаила Холмского, пытавшихся смягчить великокняжеский гнев, началась подготовка к решающему походу на Тверь.

Весной 1485 г. из Москвы вернулась в Рязань правительница княжества вдова Анна. Ее возвращение можно связать со стремлением Москвы укрепить свои позиции в вассальных княжествах накануне

тверского похода. Летом того же года старший сын Анны Иван женился на дочери кн. Василия Бабич-Друцкого – Аграфене. В июле в Новгород отправлен был гонец к наместнику Якову Захарычу с распоряжением идти ратью на Тверь. Походу придан был общерусский характер. В нем приняли участие братья Ивана III Андрей и Борис. Возможно, в случае успеха великий князь обещал выделить часть тверских уделов как Борису и Андрею, так и Михаилу Андреевичу Верейскому. 21 августа 1485 г. Иван III во главе огромного войска в сопровождении братьев выступил в поход. «Нарядом» (пушками) руководил Аристотель Фиораванти. Причиной похода объявлялось то, что князь Михаил посылал грамоты к Казимиру, поднимая его на Русь.

Судьба Твери была предreshена, тем более что Казимир не имел сил поддержать союзника. Это сразу же поняли многие представители тверской знати, сохранявшие дотоле верность князю Михаилу. Началась новая волна побегов из Твери. Летом 1485 г. на московскую службу перешли удельные князья А. Б. Микулинский (женатый на дочери кн. Михаила Верейского) и И. А. Дорогобужский. Иван III щедро их наградил. Кн. Иосиф Андреевич получил в вотчину-кормление Ярославль, а кн. Андрей Борисович – Дмитров. Впрочем, Дмитров кн. Андрей потерял уже на следующий год, а Иосиф лишился Ярославля к апрелю 1496 г.

Московский летописец с известным преувеличением сообщает, что к Ивану III прибыли «бояре вси... тверьские служити», ибо у них было много обид на князя Михаила «о землех». 10 сентября 1485 г., подойдя к Твери, рать подожгла тверские посады. Следующей же ночью князь Михаил, «видя свое изнеможение», бежал в Литву, а его бояре били челом Ивану III. Кампания была закончена. 12 сентября к Ивану III приехал епископ Вассиан Тверской с боярами. Ворота города были открыты. 15 сентября государь с наследником Иваном въехал в Тверь.

Верный своей осторожной политике, Иван III, как и в случае с Новгородом, не спешил предварять события. Он создал в Твери какое-то подобие удела во главе с Иваном Ивановичем (фактически он поставлен был «на великом княжении на тферском»). Вместе с тем он «бояр тверских много и князей на Москву свел». Наместником при Иване Молодом оставлен был боярин В. Ф. Образец-Добрынский.

Покинув Тверь, 29 сентября Иван III прибыл в Москву. Вскоре Казимир прислал в столицу весть, что князь Михаил якобы бежал из Литвы на московский рубеж. Сразу же на пограничье были выставлены заставы. Во главе их поставили кн. И. Ю. Патрикеева и Юрия Захарьича «с силою». Они стояли под Старицей до рождества. От «языка» узнали, что тверского князя подговаривали его бояре, стремясь сами бежать от него. Но замысел Михаила вернуть свою «отчину» остался неосуществленным, и он повернул снова в Литву. Зимой 1485 г. в заточение на Вологду был брошен ближайший сподвижник тверского князя кн. М. Д. Холмский, якобы «про то, что покинул князя своего у нужи, а целовав ему, изменил». Тогда же «поймал» Иван III и мать тверского князя (ее отправили в заточение в Переславль).

Триумфальная победа над Тверью означала конец затяжной борьбы со старинным соперником Москвы в деле объединения русских земель. С ликвидацией самостоятельности Тверского Великого княжества Московское превращалось в общерусское. Это было закреплено и в титулатуре. Уже в июне 1485 г. Иван III именовался государем «всея Руси». Теперь этот титул стал употребляться повседневно. Создание единого Русского государства тем самым получило официальную санкцию. Новый титул великого князя означал не только итог и закрепление предшествующего объединительного процесса. Ведь русские земли входили в состав Великого княжества Литовского, а Казимир считал себя не только великим князем литовским, но и великим князем русским. Поэтому, провозглашая себя великим князем «всея Руси», Иван III как бы заявлял свои претензии на верховное господство над всеми русскими землями, в том числе и входившими в состав Великого княжества Литовского. Неизбежность столкновения с Литвой была очевидной.

Победа над Тверью привела к дальнейшему наступлению Ивана III на права его удельных братьев. После смерти Михаила Андреевича (9 апреля 1486 г.) Верея и Белоозеро перешли к Ивану III. 20 августа 1486 г. он заключил новое окончание с братом Борисом, а 30 ноября – с Андреем. В том же году была составлена и копияная книга, содержащая окончания Москвы с Тверью и Рязанью и послужившая основой для договоров государя с братьями. Иван III отныне признавался не только «старейшим» братом удельных князей, но и их «господином», великим князем «всея Руси». Братья оконча-

тельно отказывались от претензий на земли, недавно присоединенные Иваном III (в том числе на владения Андрея Вологодского, Михаила Верейского и Тверь).

Но и после составления докончания Ивана III с кн. Андреем Углицким их отношения оставались напряженными. В конце 1487 г. боярин Андрея Углицкого Образец сообщил князю, что Иван III хочет его «поймать». Можно понять испуг брата московского государя и его первоначальное решение бежать из Москвы, где он тогда находился. Но все же он решил пойти на риск и спросить о причинах гнева у самого державного владыки. Иван III поклялся «богом и землею и богом сильным, творцом всея твари» (клятва довольно необычная для ортодоксального православного человека), что у него и мысли подобной не было. Выяснилось, что это «пошутил» некий Мунт Татищев, которого кн. Андрей держал в «нелюбках». За ложь шутнику хотели было вырезать язык, но митрополит его «отпечаловал».

Эхом борьбы с удельно-княжескими порядками были события зимы 1488 г. Тогда на торгу были биты кнутом чудовский архимандрит и кн. Василий Ухтомский за подделку данной грамоты в Спасо-Каменный монастырь на вклад земли после смерти князя Андрея Вологодского. Кн. Василий в свое время составлял и текст самой духовной кн. Андрея.

Укрепил свои позиции Иван III и на северо-востоке страны – в районах, издавна связанных с Новгородом. И здесь он был верен политике «поэтапного» включения земель в состав государства. Так, в Перми вплоть до 1505 г. правила местная княжеская династия, признававшая вассальную зависимость от Москвы. На склонах Среднего Урала располагалось племенное княжество вотяков (манси), а на Оби обитала югра (остяки, ханты). Пелымские (мансийские) князья находились в даннических отношениях к Перми. В 1481 г. пелымский князек Асыка осадил Пермь и убил одного из пермских князей (Михаила Ермолича). В ответ на это в 1483 г. на Асыку «да и в Югру на Обь великую реку» совершен был большой поход северной рати (вологжан, устюжан, белозерцев и др.), который возглавили И. И. Салтык и кн. Ф. С. Курбский. В результате Асыку удалось разбить. Воеводы побывали на реках Тавде, Иртыше и Оби. В декабре того же года на Выми при участии пермского епископа Филофея был заключен мир и югорские князья принесли присягу (шерть) Ивану III.

Вскоре была приведена к покорности и Вятка. В марте 1486 г. вятчане осадили Устюг. В 1487/88 г. готовился ответный поход, были поставлены заставы, присланы войска. 11 июня 1489 г. под Хлынов отправилась большая рать во главе с кн. Д. В. Щеней. В ней участвовали не только москвичи, но и жители северорусских земель (воложане, устюжане, белозерцы и др.), а также татары. В результате похода вятчане и арские князья были приведены к крестному целованию. Вятка была окончательно присоединена к Русскому государству.

И все же успехи объединительной политики не были достаточно прочными. Условия для полного экономического и политического слияния земель в единое целое еще не созрели, а удельные традиции имели еще прочные корни. Все это осложнялось положением при великокняжеском дворе. Там противоборствовали две группировки феодалской знати. Одна из них сделала своим знаменем наследника престола Ивана Ивановича Молодого (род. 15 февраля 1458 г.). Средоточием другой стало окружение второй супруги Ивана III «грекини» Софьи Палеолог, у которой 26 марта 1479 г. родился сын Василий, а 23 марта 1480 г. – Юрий. Еще Контарини (1476 г.) сообщил, что Иван Иванович «в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспинной», т. е. с Софьей. Но эта немилость была временной. В 1477 г. Иван Иванович выступает соправителем отца.

<...>

Но кто же после смерти Ивана Молодого станет наследником престола – малолетний Дмитрий-внук или сын Софьи Палеолог княжич Василий? За спиной первого стояла его мать Елена Стефановна, за спиной второго – Софья Палеолог. Борьба между этими двумя властными женщинами, опиравшимися на различные придворные группировки, еще предстояла. Сначала чаша весов как будто склонялась в пользу Василия. Во всяком случае после разгрома новгородских еретиков он к октябрю 1490 г. получил право распоряжаться в тверских землях (безусловно, в Зубцове), хотя без титула великого князя. В сентябре 1491 г. Иван III решает произвести описание земель в Тверской земле «по-московски в сохи». Для этой цели в Тверь, Старицу, Зубцов, Клин, Холм, Новый Городок, Кашин были посланы писцы. С. М. Каштанов считает, что примерно в то время Василий был лишен тверского княжения. С 1492 г. в противовес ему Иван III

начинает выдвигать внука Дмитрия. Борьба претендентов на московский престол только начиналась.

С наступлением на тверскую обособленность С. М. Каштанов связывает и окончательное решение углицкого вопроса. Клялся-то клялся в 1487 г. великий князь, что зла иметь на Андрея не будет, но что-то между братьями не сложилось. Развязка наступила в 1491 г. 19 сентября Андрей Васильевич в очередной раз приехал в Москву. Не успел он осмотреться, как на следующий же день был схвачен и посажен на казенном дворе в «железа». За его детьми на Углич послали В. И. Патрикеева («да с ним многих детей боярских»). Княжичи Иван и Дмитрий Андреевичи также были схвачены и заточены в Переславле, где их держали в «великой истоме». Велено было «поймать» и бояр кн. Андрея. Припомнили князю все – и его сговор с братьями Борисом и Юрием, и переписку с Казимиром, и то, что он не послал своих «воев» на ордынских царевичей. Иными словами, Андрей обвинялся в нарушении докончания с Иваном III. Князь Андрей умер «в железех» на том же казенном дворе в ноябре 1493 г. Одновременно послан был боярин Данила Иванович за кн. Борисом на Волок. В Москву прибыл князь 7 октября «в тузе» (печали) со своими детьми. Ему удалось добиться помилования «ради неухищренного нрава», и 10 октября он уехал восвояси «в радости».

Итак, к 1491 г. на Руси были ликвидированы все уделы, кроме Волоцкого. Впрочем, дальнейшие события показали, что до конца удельной системы было еще далеко.

Внешнеполитическая ситуация в 80-е годы для России складывалась благоприятно. Расстановка сил была предельно ясной. Москве и Крыму противостояли Великое княжество Литовское и ордынские наследники Ахмата («Ахматовы дети»). Добрососедские отношения с Крымом обеспечивали России мир на южных рубежах страны, а частые вторжения крымских войск в пределы Великого княжества Литовского создавали там тревожную обстановку.

Новым фактором, существенно повлиявшим на судьбу Восточной Европы, было значительное усиление Османского султаната. Подчинив Сербию и Валахию, османы вторглись в Центральную Европу. Султан Баязид II (1481 – 1512) после захвата Килии и Белгорода (Аккермана) принудил Стефана Великого в 1489 г. признать протекторат султана над Молдавией. В орбиту османского влияния попал и

Крым. Османско-крымская опасность сдерживала попытки Казимира противоборствовать с Иваном III. Зато государь «всея Руси» успешно налаживал дипломатические связи с соседями Казимира, окружая его кольцом союзников. Неудачей окончились и дипломатические усилия Казимира добиться разрыва московско-крымского союза. Не оказал существенного влияния на отношения Менгли-Гирея с Москвой и переход на русскую службу его братьев Нур-Доулата с сыном Бердибеком и Айдара в феврале 1480 г. Айдар той же весной отправлен был в заточение на Вологду, Бердибек был зарезан каким-то татаринем, а Нур-Доулат получил в кормление Касимов, где и умер около 1491 г.

Показателем действительности русско-крымского союза были продолжавшиеся набеги крымских войск на земли Литовского княжества и Польши, особенно на Подолье и Волынь (осень 1480 г.). Положение Казимира осложнялось и тем, что в самом Литовском княжестве было неспокойно. В 1480 – 1481 гг. возник очередной заговор княжат при участии Ю. Гольшанского, Михаила Олельковича, Ф. И. Вельского, которые хотели перейти на сторону Ивана III со своими владениями по р. Березину. Михаил Олелькович в 1470 г. небольшое время княжил в Новгороде. Королю удалось раскрыть заговор и 14 августа 1481 г. казнить Гольшанского и кн. Михаила. Ф. И. Бельский бежал на Русь, где получил в кормление пограничные с Литвой волости Демон и Мореву. До 15 августа 1482 г. выехал на Русь и кн. И. Глинский. Когда посольство Богдана Саковича в 1482 г. изложило Ивану III требования Казимира передать ему Великие Луки и Новгород, это было пустой декларацией.

Новый дипломатический шаг Ивана III (посольство Юрия Шестака в марте 1482 г.) содействовал тому, что Менгли-Гирей совершил опустошительный набег на Украину, в результате которого 1 сентября 1482 г. был сожжен Киев. Обеспечив себе южный фланг, Иван III мог обратить внимание и на восточный. В связи с известиями о «шатости» Алегама в 1482 г. русские войска предпринимают поход к Казани. Акция задумана была серьезно. В походе участвовала и артиллерия, которой руководил Аристотель Фиораванти. Но войска дошли только до Нижнего Новгорода, так как, узнав о движении русских, казанский царь подчинился Ивану III. Замирение оказалось кратковременным. В 1485 г. на Казань посланы были войска кн. В. И. Оболенского и Юрия Захарыча, которые поставили на место

Алегама его младшего брата малолетнего Мухаммед-Эмина. Он пробыл в Казани недолго и в конце 1485 – начале 1486 г., спасаясь от преследования противников, бежал в Москву. В Казани снова воцарился Алегам. Вскоре в столицу Русского государства прибыла депутация казанской знати. Казанцы жаловались, что «меншицин сын» (Алегам) хотел их «перетеряти», но они «в поле убежали». Реакция Ивана III была скорой и однозначной: весной 1486 г. под Казань направлена была рать князей В. Оболенского и В. Тулупа, которая снова водворила на престол Мухаммед-Эмина.

Обстановка осложнилась в 1487 г., когда энергичная мать Мухаммед-Эмина – Нур-Салтан вышла снова замуж, но на этот раз за самого Менгли-Гирея. Это создавало опасность прочного крымско-казанского союза. Как раз в то время беспокойный Алегам в союзе с ногайцами снова захватил Казань, изгнав оттуда младшего брата. И вновь Мухаммед-Эмин обратился с просьбой о помощи к Ивану III. 11 апреля (по другим данным, 24 апреля) на Казань были посланы крупные силы во главе с князьями Д. Д. Холмским, И. А. Дорогобужским, А. В. Оболенским, С. И. Ряполовским и др. 18 мая войска прибыли под Казань. Осада города была длительной, но успешной. 9 июля Алегам сдался на милость победителей. 20 июля в Москву пришла весть, что Казань взята. На престол был опять посажен Мухаммед-Эмин. Алегама удалось схватить и отправить в заточение на Вологду. Его мать, братьев и сестер сослали в Карголом на Белоозеро. Крамольных князей и уланов казнили. Участников похода (бояр и детей боярских) Иван III щедро наградил («изжаловал»).

Казанское взятие 1487 г. было событием огромного значения. Хотя тогда и не последовало непосредственного включения Казани в состав Русского государства, но с тех пор, несмотря на противодействие части татарской знати, Казань входит в фарватер русской политики. Наиболее дальновидные князья и мурзы начинают понимать несомненные выгоды для себя союза с могущественной Россией.

Благоприятно для Русского государства складывались и отношения с соседями на северо-западе. Война с Ливонией 1480 – 1481 гг. завершилась победным походом русских войск. Он начался в феврале 1481 г. и продолжался четыре недели. Взятые были города Каркус и Тарваст, а также посад г. Феллина. 1 сентября 1481 г. между воюющими сторонами было заключено перемирие сроком на 10 лет. По

традиции русскую сторону представляли Новгород и Псков, ливонскую – Орден и дерптский епископ. Договор 1481 г. в основных чертах повторял предыдущее соглашение между сторонами (1474 г.). Он должен был обеспечить необходимые условия для беспрепятственной торговли русских купцов в Ливонии. Перемирие с Ливонией неоднократно подтверждалось (в 1484, 1485, 1487, 1489 гг.). 15 февраля 1491 г., когда десятилетний срок перемирия истекал, в Москву прибыл посол магистра Семен Борг (Семион Вармцарь). Но переговоры затянулись. Новый договор удалось подписать только в 1493 г. Он повторял условия договора 1481 г. и содержал пролонгацию перемирия еще на 10 лет. Таким образом, в 80-х гг. русско-ливонские отношения развивались в общем нормально.

Иван III заинтересован был в сохранении дружественных торговых связей с ганзейскими городами. В 1487 г. Дерпт и Ревель заключили договор с Новгородом, т. е. по существу с Русским государством. Он должен был гарантировать беспрепятственную торговлю обеих сторон, что отвечало их взаимным интересам. В 1488 г. новгородский наместник распорядился установить контроль над торговлей ганзейцев солью и медью. Ганзейские купцы в начале 1489 г. прибыли в Москву и обратились с жалобой к Ивану III. Но их обращение реальных последствий не имело. Назревал конфликт, ибо действия ганзейцев противоречили интересам русских купцов, на страже которых неукоснительно стоял государь.

Крупных успехов русская дипломатия добилась на юго-западе. Зажатые между Османским султанатом, Польшей и Империей, Венгрия и Молдавия искали себе союзника в лице московского государя, понимая его все возрастающую роль в восточноевропейских делах.

В апреле 1480 г. молдавский господарь Стефан III (1457 – 1504) направил посла в Москву, а оттуда выехал «человек молодой» к его двору. Переговоры шли о союзе между державами, который должен был закрепить брак дочери Стефана Елены и сына Ивана III – Ивана Молодого. В апреле 1481 г. в «Волохи» снова были отправлены послы вместе с побывавшими в Москве посланниками Стефана. Послы А. М. и П. М. Плещеевы вернулись в Москву вместе с долгожданной Еленой Стефановной в декабре 1482 г. Свадьба ее с наследником русского престола состоялась в январе 1483 г. Сохранилось послание Стефана Ивану III, написанное около 1484 г. Затем сведения о русско-

молдавских отношениях на некоторое время обрываются. Положение Молдавии резко ухудшилось. К 1485 г. османы совершили ряд набегов в глубь страны. На следующий год Стефан попытался найти поддержку у Казимира. В 1489 г. он признал зависимость от Турции. С 1490 г. снова начался интенсивный обмен посольствами. В феврале 1490 г. в «Волохи» посылался Прокофий (Скурат) Зиновьевич (его брат Иван в 1482 г. входил в состав посольства А. М. Плещеева). Затем в августе 1490 г. состоялась миссия И. Д. Лихарева, который вернулся в январе 1491 г. с молдавским послом Стецко. Наконец, в июле 1491 г. Прокофий Зиновьевич вновь отбыл ко двору Стефана.

Налаживались отношения с венгерским королем Матвеем Корвином (1458 – 1490). В 1482 г. от него прибыло посольство. С ответной миссией отправлен был выдающийся дипломат дьяк Федор Курицын, вернувшийся до августа 1485 г. Он привез от короля окончательные грамоты, содержащие утверждение «братства и любви» между державами.

Усилившийся натиск Османского султаната заставил в конце концов искать контактов с Россией и могущественную Империю. Империя в то время также вела напряженную борьбу с Матвеем Корвином, который летом 1485 г. даже взял имперскую столицу – Вену. В 1486 г. Москву посетил эмиссар императора Фридриха III и его сына Максимилиана Николай Поппель. В Империи отчетливо не представляли себе далекой Московии, считая ее чуть ли не вассалом Польши. Первый визит Поппеля оказался безрезультатным. К имперскому агенту в Москве отнеслись с подозрением. Не большего достиг Поппель и во время второй миссии в январе 1489 г. Иван III решил сам его не принимать и доверил переговоры кн. И. Ю. Патрикееву, кн. Д. В. Щене и Якову Захарьичу. Заявления Поппеля о «любви и дружбе» как-то не гармонировали со стремлением Империи взять под покровительство Ливонский орден. Настороженно отнеслись в Москве и к сватовству к одной из дочерей Ивана III (мужем ей прочили маркграфа Баденского). Наконец, уж полной бестактностью и совершенным непониманием реального положения вещей было предложение Ивану III королевской короны, принятие которого превратило бы Россию в вассала Империи. Федору Курицыну было поручено прочесть декларацию, в которой четко заявлялось о полном суверенитете власти русского государя. Впрочем, от продолжения переговоров в дальнейшем Москва не отказывалась.

В марте 1489 г. Поппель был отпущен. Вместе с ним к императору отправили посольство во главе с Юрием Траханиотом. Суть его переговоров с Георгом фон Турном (Делатором), уполномоченным для этой цели императором Фридрихом, не известна. Оба они вернулись в Москву, где фон Турн 18 июля 1490 г. был удостоен великокняжеской аудиенции. Турн стремился добиться односторонней помощи России римскому королю Максимилиану в борьбе за возвращение ему Венгерского королевства. В 1490 г. умер Матвей Корвин, и венгерская корона досталась сыну Казимира Владиславу Чешскому. Это приводило к новой расстановке политических сил в Центральной и Восточной Европе. Союз двух Ягеллонов упрочил свои позиции. Во время переговоров с фон Турном вопрос о том, кто станет венгерским королем, не был еще окончательно решен, но реальная опасность польской кандидатуры существовала. Поэтому интересы Империи и России в данном случае совпадали, и Иван III согласился заключить союзный договор с Максимилианом. Составлен был проект договора, который Юрий Траханиот и дьяк Василий Кулешин повезли к Максимилиану. Утвердив договор, Максимилиан 23 июня 1491 г. отпустил послов в обратный путь. Однако Пресбургский мир Максимилиана с Владиславом (7 июля 1491 г.) сделал нереальным русско-имперский договор.

Значительно более успешными были русско-итальянские связи, опиравшиеся на давнюю традицию торговли России с итальянскими колониями в Крыму и греко-итальянское окружение Софьи Палеолог. Женитьба Ивана III способствовала новым выездам «фрягов» на Русь, известным еще до вступления его на престол. В свите Софьи прибыли Юрий и Дмитрий Траханиоты, ставшие видными дипломатами и деятелями культуры. Приезжали архитекторы, пушечники, мастера-рудознатцы, врачи. В 1485 г. из Царьграда выехал Иван Раль с детьми, грек из Морей, принадлежавший к ближайшему окружению Палеологов. В том же году в Милан и Венецию отправился Юрий Траханиот. 24 июня 1486 г. Ивану III написал дружественное письмо миланский герцог Джан Галеаццо Мариа.

В 1487/88 г. в Венецию были посланы дети Ивана Раля Дмитрий и Мануил Ралевы. Они прибыли в Венецию 3 сентября 1488 г. с богатыми подарками и сообщением о блистательной казанской победе. 18 ноября они присутствовали на папской мессе в Риме. В 1490 г.,

успешно выполнив миссию, Ралева вернулись. С ними приехал брат Софьи Палеолог Андрей Фомич (уехал обратно зимой того же года) и большая группа мастеров: Пьетро Антонио Солари (будущий строитель Кремля), его ученик Замантонио, пушечник Яков, серебряник Христофор с двумя учениками из Рима, Альберт Немчин из Любека, Карл с учениками из Милана, грек Петр Ранк, органист чернец Иван Спаситель (в 1493 г. перешел в православие, женился и был пожалован селом) и лекарь «мистро» Леон Жидовин из Венеции. Старейшиной мастеров был Петр Фрязин. Следующее посольство в Милан и Венецию отправилось в мае 1493 г. С миссией поехали Мануил Ангелов и дьяк Данила Мамырев. Приезд русских послов в декабре 1493 г. Лодовико Моро, миланский правитель, стремился использовать для повышения своего престижа. Вернулись послы в 1494 г. с мастером-оружейником Пьетро и тремя миланцами, один из которых, Алоизио Каркако, был крепостных дел мастером. Мирные торговые и культурные связи России и Италии на рубеже XV – XVI вв. приносили обильные плоды.

Присоединение Твери, решение казанской проблемы, ликвидация уделов, успехи внешней политики были и сами по себе фактами большого исторического значения. Но в ходе объединительного процесса 80-х годов одновременно закладывались предпосылки для решения важнейшей проблемы – борьбы за возвращение русских земель, находившихся под эгидой великого князя литовского. Правда, для того чтобы приступить к этому делу, необходимо было привести к покорности возможного союзника Литвы – Новгород, все еще проявлявший признаки самостоятельности.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какое значение для истории России имело падение ордынского ига?
2. Какие проблемы стояли перед московскими князьями на пути централизации?
3. Как были связаны московские князья с удельными князьями? Проиллюстрируйте эту связь конкретными примерами из текста.
4. Когда и как московские князья начинают наступление на права удельных князей? Проиллюстрируйте это конкретными примерами из текста.

5. Как происходило присоединение Новгорода к Московскому княжеству?

6. Как происходило присоединение Твери к Московскому княжеству?

7. Как происходило присоединение Пскова и Рязани к Московскому княжеству?

8. Почему А. А. Зимин считал, что успехи объединительной политики не были достаточно прочными?

9. В каких направлениях развивалась внешняя политика Московского государства в период централизации? Какие успехи были достигнуты? Какие были неудачи?

Вернадский Г. В.
РОССИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА
(Извлечения)

Боярская дума и секуляризация церковных земель

Хотя во второй половине правления Ивана III и произошел глубокий социальный переворот, который должен был выдвинуть класс средней аристократии (дворянство), правительство и органы центральной администрации еще находились тогда в руках бояр. Однако в среде этого социального класса произошли серьезные перемены. Наряду с древними родами московского боярства трон теперь окружали служилые князья. Одни являлись потомками Рюрика, другие – Гедимины.

Вскоре две аристократические группы – служилые князья и нетитулованные бояре – слились, образовав единую правящую группу, в целом называемую боярство. Процесс урегулирования отношений между ними протекал не всегда гладко, поскольку некоторые представители древних боярских фамилий не желали уступать новичкам и продолжали требовать себе высших постов в армии и органах управления. В 1500 г., во время литовской кампании, боярин Юрий Захаревич Кошкин отказался принять на себя командование сторожевым полком, когда князь Данила Щеня (потомок Гедимины) был назначен командующим главным полком. Кошкин заявил, что не пристало ему подчиняться Щени – «охранять князя Данилу», как он выразился.

Иван III ответил, что Кошкин должен охранять не князя Данилу, а самого великого князя (другими словами, что каждый военачальник служит государству, а не непосредственному начальнику). Кошкин в этом случае подчинился приказу великого князя, но в целом Ивану III не удалось разрушить аристократические традиции в армии и правительстве. В конце концов была разработана сложная система чинов и соответствующая ей табель о старшинстве княжеских и боярских родов. Система стала называться местничество (буквально «порядок мест»), законность системы вынуждены были признавать и великий князь, и боярство.

Боярство совместно с великим князем правило Русью через государственный совет, известный в современной историографии как боярская дума. Членов этого органа великий князь назначал из ведущих княжеских и боярских фамилий, и в своем выборе он был связан традицией. Как мы знаем, в 1471 г. при подготовке к походу против Новгорода великий князь советовался и с боярам, и с дворянством. Это собрание можно рассматривать как прототип Земского собора, введенного внуком Ивана III – Иваном IV Грозным. В правление Ивана III подобный эксперимент, насколько нам известно, не повторялся. Бояре были еще могущественны, дворянство недостаточно сильно.

Не имея возможности ввести постоянный дворянский совет в противовес влиянию боярской думы, Иван III использовал другие средства для контроля за боярской администрацией. Он все более и более полагался на дьяков (государственных секретарей), обычно избираемых из людей незнатного происхождения. Некоторые из них, такие как Федор Курицын, были учеными людьми, многие получили по русским стандартам того времени хорошее образование. Великий князь мог назначить и сместить дьяка без консультаций с боярской думой; успех дьяка по службе, таким образом, зависел от его собственных способностей и лояльности к великому князю. Большинство дьяков были людьми весьма одаренными, а некоторых со всей ответственностью можно назвать выдающимися государственными деятелями. Они служили в качестве секретарей как великого князя, так и боярской думы, и при Иване III думные дьяки признавались полноправными членами думы. Им обычно поручалось управление великокняжеской казной и приказом иностранных дел, а также, как можно видеть из Судебника 1497 г. (ст. 1), они участвовали в деятельности верховного суда.

Боярская дума являлась высшим правительственным органом Великороссии. Она служила законодательным советом и руководила как внутренними, так и внешними делами, а также занималась проблемами руководства армией. Великий князь председательствовал на заседаниях думы, когда считал это необходимым, обычно если предполагалось утверждение и обнародование важных решений. Рядовыми заседаниями руководил один из бояр, называемый первосоветником. Мы можем назвать его председателем и главой думы. Большую часть правления Ивана, до 1499 г., этот пост занимал князь Иван Юрьевич Патрикеев.

Мы бы ошиблись, если бы поверили, что бояре думали только о своих классовых интересах. Московские бояре явились важнейшим фактором построения Великого княжества Московского. Теперь они, вместе со служилыми князьями, превращали его в Великорусское государство. Бояре всем сердцем поддерживали великого князя в его политике объединения. Они также оказались готовы сотрудничать с великим князем в деле увеличения дворянского ополчения и снабжения дворянства землей, пока не были затронуты их права на собственные земли.

Каким бы значительным ни казался земельный фонд, полученный от Новгорода, его не хватало для полной реализации поместного плана. Кроме того, весь новгородский земельный фонд находился в одном регионе, Северной Руси. Он мог служить базой для защиты Новгородской и Псковской областей от балтийских немцев и шведов. Однако другие потенциальные театры войны – литовский на западе и татарский на юге и юго-востоке – тоже требовали внимания. Необходимо было более пропорциональное распределение поместных земельных владений по всей территории Великороссии, чтобы в случае необходимости обеспечить готовность дворянской армии. Таким образом, требовалось больше земель для дворянства в центральной части Великороссии, а также в ее западных и юго-восточных пограничных районах.

Успех секуляризации церковных и монастырских земель в Новгородской области вдохновил Ивана и его советников на рассмотрение возможности секуляризации хотя бы части церковных земель на основной территории самого Великого княжества Московского.

Следует отметить, что в течение правления Ивана III церковь Московии, хотя и стала независимой от патриарха константинопольского и превратилась в национальную Русскую Церковь, не смогла четко определить свои взаимоотношения с растущим Русским государством. Великий князь московский считался ее защитником. Более того, во многих случаях, а особенно при выборе митрополита, Иван III вел себя как глава церковной администрации. Митрополита избирал епископский собор, однако с одобрения великого князя. Однажды (в случае с митрополитом Симоном, 1494 г.) Иван торжественно провел вновь посвященного прелата к митрополичьей кафедре в Успенском соборе, таким образом подчеркнув прерогативы великого князя.

Принимая во внимание большую роль Ивана III в руководстве Русской Церковью, достижение по крайней мере частичной секуляризации церковных земель в Московии казалось вполне вероятным. Огромное значение имел также тот факт, что право монастырей владеть землей и другими богатствами подвергалось по моральным и религиозным соображениям сомнению целой группы самих священников. Наиболее известными в этой группе были так называемые заволжские старцы, представлявшие мистическое течение мысли в русском православии того периода. Они испытали влияние учений видного византийского богослова XIV в. Св. Григория Паламы и его последователей.

Проблему церковных земель широко обсуждали и миряне, и духовенство. Многие миряне, включая некоторых бояр, одобрительно относились к деятельности заволжских старцев, направленной на духовное возрождение и очищение церкви. Сын Ивана Патрикеева Василий, постриженный в монахи в 1499 г., стал известным старцем под именем Вассиана. Возможно, что весь род Патрикеевых сочувствовал этому течению.

Право монастырей владеть землей ставило под вопрос и другое религиозное движение, которое фактически отрицало весь институт Православной Церкви: «ересь жидовствующих». Начало ему положил ученый иудей (возможно, караим) Захария, появившийся в Новгороде в 1470 г. В этой ереси существовало несколько ответвлений, варьирующихся от караизма до рационалистического отрицания церковных догматов и обрядов. Несколько высших чиновников в Москве, включая дьяка Федора Курицына, тайно поддерживали это движение.

Маловероятно, что Иван III лично сочувствовал ереси по религиозным соображениям. Но он, несомненно, считал полезным для своей политики по меньшей мере один из ее принципов – отрицание права церкви владеть землей. Как защитник православной церкви Иван III не имел возможности открыто поддерживать деятельность этого движения. Более того, согласно общепринятым понятиям того времени, он должен был подавить его жестокими мерами. В 1375 г. новгородское правительство, не колеблясь, применяло высшую меру наказания к трем лидерам более раннего еретического движения, так называемым стригольникам. Иван III, напротив, пока было возможно, избегал применения крутых мер против еретиков.

Судя по всему, архиепископ Геннадий Новгородский узнал о существовании этой ереси в конце 70-х гг. XV века. Однако только в 1487 г., собрав больше информации, он взял под стражу двух священников и двух дьяков, обвинив их в богохульстве. Всех четверых он отправил в Москву, прося великого князя и митрополита наказать их. В Москве трое обвиняемых были признаны виновными в хулении святых икон, а один оправдан. В целом вопрос о ереси не поднимался. В 1488 г. троих (двух священников и одного дьяка) наказали кнутом, а затем всех четверых отослали обратно в Новгород. Геннадий получил указание провести дальнейшее расследование, но в то же время ему запретили применять к подозреваемым пытки или делать ложные обвинения. О расследовании по распространению ереси в Москве приказа не поступало. 26 сентября 1490 г. в сан митрополита московского был посвящен монах Зосима, подозреваемый в тайном сочувствии ереси. С другой стороны, под давлением архиепископа Геннадия и других консервативных священников, требовавших жестоких мер, в Москве был созван собор (церковный совет) для обсуждения мер по прекращению дальнейшего распространения ереси.

Собор допросил еще нескольких новгородских священников и дьяков, обвиненных архиепископом Геннадием во время следствия. Сам Иван III не стал участвовать в заседаниях и представлять великокняжескую власть послал трех бояр (включая князя Патрикеева) и одного дьяка. Всех обвиняемых признали виновными, и священников лишили сана. Всех приговорили к телесным наказаниям и для исполнения приговора отправили обратно в Новгород. В самой Москве в это время никто из приверженцев этого течения не был ни схвачен, ни допрошен.

Геннадий и его последователи не удовлетворились такими половинчатыми мерами и организовали травлю митрополита Зосимы, обвинив его не только в еретических взглядах, но и в пьянстве. В 1494 г. Иван III позволил Зосиме тихо оставить пост, а затем, как уже говорилось, назначил его преемником Симона. Симон был убежденным православным, однако человеком робким, готовым подчиняться приказам Ивана III. Все понимали, что в основе своей терпимое отношение к ереси не изменится, пока у власти будет находиться Иван III.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие изменения в среде аристократии Московского государства произошли в период правления Ивана III?
2. Что такое местничество? Каковы причины его появления?
3. Что такое боярская дума? Какой статус в государственном управлении она занимала?
4. Какие средства использовал Иван III для контроля за боярской администрацией?
5. Почему в центральной части Великороссии требовалось больше земель для дворян? Каким образом решалась эта проблема?
6. Каковы были взаимоотношения великого князя с церковью?
7. Что такое ереси? Какие из них получили распространение в период централизации? Как к ним относились князья и церковь?

Рост имперской идеологии

Объединение Великой Руси и подъем авторитета великого князя московского при Иване III и Василии III привели, как уже было сказано, к глубоким изменениям в русском правительстве и управлении, а также к утверждению дворянского класса, который стал краеугольным камнем русской армии. Новые отношения между великим князем и его подданными, а также изменившееся международное положение Москвы способствовали формированию новых представлений о природе власти великого князя – т. е. новой идеологии. Как мы знаем, Иван III во второй половине своего царствования официально утвердил за собой титул «Государь Всея Руси». Василий III сохранил этот титул. Каждый из них время от времени использовал титул «царь», который в 1547 г. будет официально введен сыном Василия III – Иваном IV Грозным.

Три сочетающиеся друг с другом элемента составляли содержание понятия о власти великого князя. На первом месте мы имеем традиционную идею (требующую теперь нового смыслового наполнения) о передаче великокняжеской власти от отца к сыну, т. е. принцип отчины (престолонаследия). Во-вторых, Московия освободилась от сюзеренитета монгольских ханов; таким образом, великий князь стал независимым правителем, или, если воспользоваться славянским переводом византийского императорского титула, самодержцем. Здесь мы имеем принцип национальной независимости. В-третьих, в 1453 г. Византийская империя была разрушена оттоманскими турками. Это повлекло существенные изменения в положении великорусской православной церкви, а также и в положении великого князя как православного христианского правителя. Эти перемены глубоко повлияли на религиозные аспекты власти московских государей.

Хотя Иван III отличался чрезвычайно развитым чувством собственного достоинства и великодержавными амбициями, он предпочитал, как мы знаем, во всех своих предприятиях действовать осторожно. Он не любил чрезмерной пышности или многословного прославления своей власти. Его главная мысль, которую он выразил в своем отчете немецкому посланнику в 1489 г., заключалась в том, что основной источник великокняжеской власти – «милость Божья». «Нам не нужно наград ни от кого». Женильба на Софье Палеолог позволила Ивану III претендовать на константинопольский трон, но он никогда не придавал этому большого значения; он был заинтересован только в возвеличивании московского трона. Однако он сознавал, что падение византийской монархии накладывает на него определенную ответственность и обязанности, а также дает ему определенные права, особенно в отношении управления русской православной церковью. С этой точки зрения знаменательна его роль в посвящении в сан митрополита Симона в 1494 г. Не случайно в конце 1490-х гг. византийский двуглавый орел появился на московском государственном гербе. В последние годы царствования Ивана III двуглавым орлом, наряду с всадником с копьем, украшали великокняжеские печати. При Василии III двуглавый орел стал изображаться на одной стороне печати, а всадник – на другой.

Новые представления о достоинстве государевой власти были отчетливо выражены в церемонии коронации внука Ивана III – Дмитрия в 1498 г. Очевидно влияние на эту церемонию византийских образцов. Однако ритуал венчания Дмитрия на великое княжение скорее был сходен с восхождением на престол византийского «цезаря» (kaisar, по-славянски – «кесарь»), нежели с коронацией императора. Следует заметить, что Дмитрий был коронован как великий князь, а не царь, но слово «царство» употреблялось во время церемонии в значении «царствование».

Церемония возведения Дмитрия на престол состояла из следующих важных моментов: благословение митрополита; упоминание Иваном III принципов престолонаследия и старшинства; торжественное слово митрополита; передача митрополитом регалий Ивану III и возложение регалий Иваном на Дмитрия; наставление Дмитрия митрополитом; и наставление Ивана III. Заключительное слово Ивана так записано в летописи: «Внук Дмитрий пожаловал есми тебя и благословил великим княжеством; и ты имей страх в сердце, люби правду, и милость, и суд праведен, и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве». Здесь любовь к справедливости и забота о греко-православной церкви (и народе) выделены как основные характеристики в идеального русского государя. В начале речи подчеркнут личностный момент: именно он, Иван III, жалует Дмитрия великим княжением. Вероятно, Иван III не мог провести четкого различия между своей властью и своей особой или, скорее, он был убежден: государственная власть и он сам – единое целое. Эта путаница была чревата серьезными последствиями. Не было установлено различия между обязанностью правителя и прихотью человека. Мы знаем, что вскоре после этого Иван III сместил Дмитрия и вместо него «благословил» на великое княжение Василия. Здесь со всей очевидностью проявилось слабое место в новых представлениях о власти государя Всея Руси. Последствия этой ошибки сказались во времена царствования сына и внука Ивана III.

Не делать различий между властью государя и властью человека (носителя государевой власти) психологически было естественным даже для такого великого и предусмотрительного правителя, каковым был Иван III. Вероятно, на Ивана повлияли отголоски византийских политических идей на Руси. Согласно дьякону Агапету, жившему в

шестом веке, «хотя телесно император подо всем остальным людям, во власти он подобен Богу». Можно предположить, что учение Агапета произвело на Ивана III впечатление, когда он (или тот, кто читал ему), обнаружил это высказывание либо в списке славянской «Пчелы», либо в списке Лаврентьевской летописи (цитата приводится там в связи со смертью Андрея Боголюбского).

Идея о божественной природе государя получила значительное развитие во время царствования Василия III. Герберштейн отмечал, что когда русских спрашивали о каком-либо непонятном или сомнительном деле, они обычно отвечали, что «Бог и великий князь знают». Псковичам во время ареста в Новгороде по приказу Василия III сказали, что они взяты «Богом и великим князем».

Именно в период царствования Василия III были разработаны подробные теории о высоком происхождении государевой власти, главным образом – религиозными писателями. Иосиф Санин, который вел переписку с Василием III по поводу ереси жидовствующих, возможно, привлек его внимание к точке зрения Агапета. Не менее важными были сочинения бывшего митрополита киевского, Спиридона, а также писания настоятеля Филофея из Пскова.

Тверич Спиридон был возведен в сан митрополита Руси и направлен в Киев патриархом константинопольским около 1480 г. Великий князь Казимир не признал его и взял под стражу. Распространились слухи, что Спиридон подкупил турецкие власти, чтобы те позволили возвести его в сан. Позднее Спиридону удалось бежать в Москву, но и там он не был признан. Под именем Савва он обосновался в Ферапонтовом монастыре в районе Белоозера на севере Руси. Спиридон был образованным человеком и автором нескольких посланий и религиозных трактатов. В одном из своих сочинений он пытался рассмотреть Русское государство в контексте мировой истории. В нем (написанном в начале царствования Василия III) он отстаивал мысль о том, что Рюрик, предок великих русских князей, жил в Пруссии и был потомком римского императора Августа, брат которого Прусс якобы воцарился в стране, которая в честь него стала называться Пруссией. Спиридон говорил также, что корона (обычно называемая «шапкой») и остальные регалии великих князей были присланы князю Владимиру Мономаху Киевскому греческим императором Константином Мономахом. Вероятно, Спиридон был знаком с леген-

дами о Рюрике, которые, скорее всего, возникли в Новгороде, а также с легендами об истоках русских регалий, которые, по всей видимости, ходили в Киеве во времена Олельковичей. Во всяком случае, предположения Спиридона – это историческая фантастика, а не прагматическая история. В определенном смысле, однако, они делали историю, поскольку оказали влияние на московские политические теории.

Представляется, что Герберштейн был знаком с сутью утверждений Спиридона. Он говорил, что шапку, относившуюся к русским регалиям, первоначально носил Владимир Мономах. Он также утверждал, что, согласно русским, Рюрик и его братья происходят от римлян. В 1540-е гг. послание Спиридона было переписано и популяризировано под названием «Сказание о князьях Владимирских». Это «Сказание» играло важную роль в идеологии Московского царства при Иване Грозном.

Теория о третьем Риме, как мы знаем, была сформулирована Филофеем, настоятелем Елеазаровского монастыря в Пскове, его письме Василию III (1510 г.). Филофей говорил: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Филофей объяснял, что после падения первого Рима центр истинного христианства переместился во второй Рим (Константинополь); а после взятия Константинополя турками – в третий Рим – Москву.

В новое время теория Филофея подверглась грубой и неверной трактовке. Суть ее свели к имперским притязаниям Москвы, ее стремлению властвовать над всем миром. Филофей имел в виду совершенно иное. Он вкладывал в свою теорию эсхатологический смысл. Поскольку первые два Рима были разрушены, Москва оставалась единственным прибежищем православного христианства, и великий князь московский оставался единственным православным правителем в мире. Таким образом, на него ложились новые обязанности и ответственность. Он должен был охранять последнее пристанище православной христианской церкви и сделать Русь истинно христианской державой. Именно в таком состоянии духа Василий III и митрополит Варлаам принимали в 1518 г. Максима Грека. Но Максим верил во второй Рим, а не в Москву, и вскоре попал в опалу. Новый эксперимент по созданию православного христианского царства был принят Иваном IV Грозным и митрополитом Макарием в конце 1540-х – 1550-е гг. Формула Филофея отчетливо прозвучала на церемонии коронации Ивана IV.

Во всяком случае, во время правления Василия III Русь идеологически готовилась к тому, чтобы стать царством.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Когда на Руси официально появляется титул «царь»?
2. Какие три сочетающиеся друг с другом элемента составляли содержание понятия о власти великого князя?
3. Какие перспективы открыла перед Иваном III женитьба на Софье (Зое) Палеолог?
4. Из каких важных моментов состояла церемония возведения Дмитрия (внука Ивана III) на престол?
5. В период правления какого московского князя получила наибольшее распространение идея о божественной природе государя?
6. Какие идеи о происхождении княжеской власти развивал Спиридон?
7. Кто автор концепции «Москва – третий Рим»? В чем состоит ее суть?
8. Почему Вернадский считал, что идеи Филофея подверглись неверной трактовке?

Беляев И. Д.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

(Извлечения)

Судебник 1497 года. Судебник Ивана III имеет иной характер, чем все предшествующие памятники, поэтому с него и начинается новый период истории законодательства. Главная задача его состоит в том, чтобы сообщить всем судам определенную и однообразную форму и централизовать их. В нем хотя и стоит на первом плане разделение суда на разные виды, как это было и в прежних законодательных памятниках, но эти суды служат представителями централизации и тяготеют к одному главному суду; они не стоят каждый особняком, а составляют высшие и низшие инстанции одного и того же суда, из коих последние подчинены первым, а первые или высшие – верховному суду великого князя.

По Судебнику суд для всех жителей Московского государства был равен и одинаков; по нему все были в ведении одного суда: бояре, купцы, крестьяне, служилые и неслужилые люди, и никому не было привилегии в суде. Главная задача Судебника состоит в устройстве суда и сообщении ему большего однообразия, согласно с основными началами централизации. Собственно же юридических верований и воззрений русского народа Судебник не изменяет, а оставляет их такими, какими они были в Русской Правде и других памятниках прежнего времени; важных новых законов Судебник в себе не содержит, поэтому одновременно с ним во многих местностях России имела силу Русская Правда и разные уставные грамоты. Впрочем, Судебник содержит и некоторые новые узаконения, выработанные современной ему жизнью; но эти узаконения служат только дополнением и дальнейшим развитием начал, высказанных в прежних памятниках, притом же число этих новых узаконений в Судебнике весьма незначительно, и они не имеют большой важности. Согласно с содержанием Судебника его можно разделить на две половины: в первой из них говорится о порядке суда, а во второй содержатся различные новые узаконения, которых или вовсе нет в Русской Правде, или которые подверглись здесь значительным изменениям.

Первая половина Судебника 1497 года подразделяется на пять отделов.

I. О судеустройстве и судопроизводстве. Судебник 1497 г. делит суд на следующие виды: а) суд великого князя, б) суд боярский, в) наместничий, или волостельский и г) святительский. Из этих видов суда только четвертый представляет отдельный, независимый суд, которому было подчинено все духовенство и все лица церковного ведомства; прочие же три вида суда суть не что иное, как степени или инстанции одного и того же суда. Из них низшей степенью был наместничий суд, средней – боярский, а высшей – великокняжеский; а посему главное различие этих судов заключалось не в роде дел, подлежавших им, а в составе суда и в количестве судных пошлин.

А. Наместничий, или волостельский, суд состоял из наместника в городах или волостеля в уездах как представителей правительственной власти на суде и дворского или старосты и лучших людей как представителей общества. По Судебнику ни наместник, ни волостель

без дворского, старосты и лучших людей не могли судить. Далее, к составу наместничьего суда принадлежали: тиун, на котором лежало начальное производство судебного дела, и дьяк, который занимался письмоводством.

Судебные пошлины от наместничьего суда по Судебнику делились на три разряда: 1) *Пошлины от иска*. В Судебнике сказано, что от иска наместник и его тиун получали против истцова, т. е. столько, сколько получит истец, если он будет оправдан, если же истец будет обвинен, то наместнику шло по 2 алтына с искового рубля, а тиуну по 8 денег. 2) *Пошлины от судебного поединка*. Ежели суд назначит поединок, а тяжущиеся помирятся, не бившись, то наместнику и тиуну взять половину против истцова, а ежели побьются, то наместнику и тиуну взять против истцова. 3) *Пошлины от правых грамот, от холопских правых грамот и отпусковых*. От правой грамоты наместнику с тиуном от печати с рубля 2 ½ алтына, а дьяку за письмо с рубля 3 деньги. От холопшей правой грамоты наместнику с тиуном от печати 2 ½ алтына с головы, а дьяку за письмо 3 деньги с головы. Те же пошлины полагались и при явке холопшей отпусковой и купчей на холопа.

В. *Боярский суд* состоял из боярина или окольничего и дьяка; представители же от земщины здесь были те же, какие и на наместничьем суде, потому что суд боярский был только высшей инстанцией наместничьего суда. Пошлины на боярском суде были также трех видов: 1) *Пошлины от иска*. Боярину полагалось по 2 алтына с рубля, а дьяку по 8 денег «с виноватого» без различия – будет ли это истец или ответчик. 2) *Пошлины от судебного поединка*. Здесь по Судебнику принимались три разных момента: а) ежели тяжущиеся помирятся, не выходя на поле, то пошлины прежние, т. е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег; б) ежели они помирятся, выйдя на поле, то в таком случае к прежним пошлинам прибавляются еще полевые пошлины, именно: окольничему, который должен присутствовать при поединке, с рубля четверть, или 50 денег, дьяку 4 алтына с деньгой и недельщику четверть или 50 денег с рубля и сверх того вязчего 2 алтына; в) а ежели тяжущиеся, выйдя на поле, вступят в бой, то в иск по заемному делу или по драке боярину с дьяком взять от суда на побежденном прежние пошлины (т. е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег с рубля), а

собственно полевых денег окольниковому взять полтину с рубля, дьяку 50 денег и недельщику полтину, а вязчего 4 алтына; а ежели иск был в разбое, душегубстве, поджоге или татьбе, то на побежденном поправлялось: окольниковому полтина от рубля, да доспех, т. е. оружие побежденного, а недельщику и дьяку прежние пошлины; равным образом и боярину с дьяком за производство дела пошлины прежние.

3) *Пошлины от грамот*: а) от правой грамоты: боярину от печати по 9 денег с рубля, дьяку от подписи 1 алтын, подьячему от письма 3 деньги с рубля; б) от докладного списка: боярину за печать с рубля по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги с рубля, подьячему за письмо по 2 деньги с рубля; в) от холопьею правой грамоты и отпускнуей: боярину от печати 9 денег с головы, дьяку за подпись алтын, подьячему за письмо 3 деньги.

С. Суд великого князя. На этом суде присутствовал или сам великий князь, или его сын, или боярин, которого назначал великий князь; кроме того, на этом суде были еще: дьяк и подьячий, а при выдаче правых грамот и других – печатник. Судные пошлины в этом суде были те же, какие и в боярском, исключая пошлины от докладного списка, именно: дьяку с рубля по алтыну и 2 деньги с рубля подьячему; а за печать с рубля 9 денег.

II. Формы суда. По Судебнику грамоты, выдаваемые судом, были следующие: 1) *Правая грамота.* Так называлась копия с окончательного решения суда, по которому одна сторона признавалась оправданной, а другая виноватой. Правая грамота состояла собственно из трех частей, из коих в первой части прописывался весь ход судебного дела и все судебные доказательства, представленные в суде: грамоты, акты, показание свидетелей и пр.; во второй заключался судебный приговор; в третьей – исполнение судебного решения. В исках о владении она выдавалась как документ на право владения и в случае вторичных споров представлялась на суд как доказательство. К правой грамоте прикладывалась печать великого князя или боярина, или наместника, смотря по тому, чьим судом решалось дело; она подписывалась дьяком, бывшим на суде, а писалась подьячим. В правой грамоте прописывались также имена судей от правительства и от общества, участвовавших в суде. 2) *Докладные списки.* Они по форме были одинаковы с правыми грамотами, только в них не прописыва-

лось исполнение судебного решения, а только ход судебного дела и судебный приговор; они выдавались собственно для приведения решения суда в исполнение. К докладному списку прикладывалась печать судьи, решавшего дело, и сверх того он утверждался подписью дьяка, бывшего на суде. 3) *Судные списки*. Так назывались те бумаги, в которых прописывалось судебное дело в том порядке, в каком оно производилось, со всеми допросами и показаниями тяжущихся и их свидетелей. Это была, собственно, записка тиуна, представляемая судье, по которой он и решал дело. Судный список обыкновенно прописывался в начале докладных и правых грамот. 4) *Холопыи правые грамоты и отпускные*. Они выдавались холопам, которые по суду признавались свободными. Грамоты эти по Судебнику утверждались печатью судьи и подписью дьяка, и вообще они имели одинаковую форму с другими правыми грамотами, только выдавать их могли те из наместников, которые имели право боярского суда, или те бояре в Москве, которые заведовали холопьем судом. Отпускные по Судебнику признавались действительными только в том случае, если были написаны рукой господина, отпускавшего холопа. 5) *Бессудные грамоты*. Они были одинаковы с правыми грамотами и докладными списками и имели ту же силу, но выдавались они только одной стороне, и притом тогда, когда не было суда вследствие неявки в суд одной из тяжущихся сторон; грамоты эти выдавались дьякам без доклада судье, таким образом, дьяк, рассмотрев срочные грамоты, представленные явившейся стороной, и прождав другую сторону семь дней после срока, на восьмой день выдавал бессудную грамоту за своей подписью и за печатью судьи. 6) *Срочные*. Так назывались те судебные бумаги, которые выдавались тяжущимся для явки в назначенный срок на суд. По Судебнику они делились на два вида: на срочные простые и срочные отписные. Простыми срочными назывались те, в которых назначался первый срок для явки в суд, а отписными те, в которых по просьбе тяжущихся им назначалась отсрочка для явки в суд. По Судебнику те и другие срочные выдавались дьяком за его подписью и со взятием определенной пошлины. 7) *Приставные*. Так назывались те грамоты, которые выдавались судом недельщикам или приставам для вызова в суд тяжущихся. По Судебнику приставная подписывалась дьяком и выдавалась иногда одна по нескольким делам, ежели вызываемые жили в одном городе.

III. О вызове в суд и судебных сроках. Для вызова в суд на великокняжеском и боярском суде посылались недельщики, а на наместничьем доводчики или пристава. По Судебнику вызов в суд производился следующим порядком: во-первых, истец подавал в суд челобитную, в которой прописывал, чего стоит его иск, и просил выдать приставную память для вызова в суд ответчика. Такая челобитная принималась дьяком, который вместе с недельщиком рассматривал, стоит ли иск тех издержек, которые потребуются для вызова в суд ответчика. (Для определения этой стоимости недельщик имел таксу, в которой было расписано, сколько потребуется издержек для вызова в суд ответчика из того или другого места). Если оказывалось, что предъявленный иск стоит издержек по вызову, то дьяк подписывал приставную грамоту, за что и получал определенную пошлину – и отдавал ее недельщику; а если иск оказывался не стоящим издержек, то приставная не выдавалась и суд отвергал этот иск. Во-вторых, по получении приставной грамоты недельщик или сам отправлялся за ответчиком, или посылал за ним своего помощника. Приехав в город или волость, прописанные в приставной, недельщик или его помощник должен был представить приставную наместнику или волостелю, а те передать ее местному доводчику, который и приводил недельщика к ответчику. Ответчик по прочтении приставной должен был дать недельщику поручную запись, что он явится на суд в срок. Если же он не мог дать поручной записи, то недельщик арестовывал его и держал у себя до времени производства суда.

Судебные сроки. Тяжущиеся могли отложить срок суда на определенное время; для этого им выдавалась срочная память. По Судебнику дозволялось три срока для явки в суд, с теми условиями только, чтобы требующие срока вносили за это определенную плату. Кроме того, тяжущимся дозволялось вместо себя присылать в суд поверенных. Если кто из тяжущихся не являлся в суд в назначенный срок, то на него выдавалась бессудная грамота. Впрочем, эта грамота выдавалась не прежде, как по истечении 7 дней, на 8 день после срока. Все судебные издержки и пошлины доправлялись на виноватом, хотя первоначально, например, для вызова ответчика платил тот, кто начал иск.

IV. О судных доказательствах. По Судебнику судебными доказательствами признавались: 1) *Письменные документы.* Относительно этих доказательств мы знаем только, что они признавались на суде, но какие именно документы признавались доказательствами, что требовалось для удостоверения в их подлинности, этого Судебник не определяет; он, вероятно, предоставляет решать это самим судьям. 2) *Показания свидетелей.* От свидетелей Судебник требует, чтобы они были очевидцами и говорили правду, а иначе они платили иск истцу и все издержки по суду. По вызову в суд свидетели немедленно должны являться, не разбирая, могут или не могут они свидетельствовать; в противном же случае с них взыскивались все убытки истца и все пошлины и издержки по суду. По Судебнику показание свидетелей имело такую силу, что если оно не подтверждало показаний истца, то он терял иск. Они даже имели право требовать для подтверждения своих показаний судебного поединка с другим свидетелем, с истцом или ответчиком. 3) *Крестное целование.* По Судебнику оно допускалось только в случае спора между русскими и чужеземцами, причем предоставлялось на волю ответчика, самому ли целовать крест или предоставить это истцу. Между русскими крестное целование допускалось только тогда, когда не было других судебных доказательств или когда истец или ответчик отвергали показания свидетелей противной стороны. 4) *Поле или судебный поединок.* Судебный поединок должен был совершаться при окольном и дьяке, которые, приехав на поле, должны были спросить у бойцов, кто у них стряпчие или поручники, и приказывали этим лицам присутствовать при поединке, но никакого оружия при себе не держать; людей посторонних окольных и дьяк должны были удалять, а в случае сопротивления отдавать их в тюрьму. Судебник допускает поединок не только между истцом и ответчиком, но и между их свидетелями. Если истцом или ответчиком был малолетний или старый, женщина, поп, чернец или черница, то им дозволялось нанимать за себя бойцов, но в таком случае и противная сторона могла также представить за себя наемного бойца. Свидетель не имел права поставить за себя бойца, но точно так же если свидетелем был старый, больной, увечный, малолетний и проч., то им дозволялось выставлять на поединок вместо себя наймитов, но их наймиты предварительно обязаны были целовать крест; в таком случае и противная сторона могла выставить наемного бойца.

V. О порядке суда по уголовным делам. Этот суд по Судебнику принимает новый характер, или, по крайней мере, новую форму. Судебник в делах по татьбе, разбою, душегубству, ябедничеству и другим преступлениям представляет совершенно новый, не известный прежде взгляд на преследование уголовных преступников. Он назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т. е. смотря по тому, первый или не первый раз уличается в преступлении преступник. Для дознания этого по Судебнику употреблялся повальный обыск. Если по повальному обыску оказывалось, что уличаемый в преступлении «лихой человек», т. е. что он уже несколько раз попадался в преступлении, то какое бы преступление он ни совершил, хотя бы его уличали в самой незначительной краже, его казнили за это смертной казнью, наравне с головником, разбойником, поджигателем и церковным татем. В Судебнике сказано: «а будет ведомый лихой человек, и того велети казнити смертною казнию». Но если кто в первый раз был уличаем в краже, но не церковной, то его по Судебнику должно было казнить только торговой казнью (бить кнутом), а имение его продать для удовлетворения истца и для уплаты пошлины судье; если же у него нет имения, то его самого выдать истцу головою на продажу. Судебник оказывает такое доверие к общественному мнению, что и без поличного и без суда предписывает обвиняемому в краже платить все то, что на нем будет искать истец, ежели 5 или 6 человек «добрых людей» под крестным целованием назовут его вором; а если бы тот был пойман с поличным, то хотя бы он попался и в первый раз, но если 5 или 6 добрых людей под крестным целованием называли его лихим человеком, то по Судебнику обвиняемый приговаривался к смертной казни. Так же сильно высказывается в Судебнике доверие к общественному мнению и в случае татевных оговоров; так, ежели бы вор на суде кого оговорил своим соучастником, то такого только тогда дозволялось приводить в суд и подвергать пытке, когда общество отзывалось о нем как о человеке подозрительном, а если общество давало о нем хороший отзыв, то он отдавался на поруки.

Вторая половина Судебника 1497 года заключает в себе узаконения частного гражданского права, а именно; 1) о купле, 2) о займах, 3) о крестьянском выходе или отказе, 4) о поземельном владении, 5) о холопстве и 6) о наследстве.

О купле. Относительно купли Судебник говорит, что ежели кто купит на торгу что-нибудь новое, кроме лошади, то для него достаточно представить двух или трех свидетелей, при которых купил, чтобы очистить себя и оправдаться перед теми, кто стал бы называть покупку своей собственностью. Столько же свидетелей достаточно и в таком случае, если бы кто купил что «на чужой земле», т. е. в другом городе. А ежели бы кто не мог представить двух или трех свидетелей, то он в случае иска очищался присягой и освобождался от иска. Впрочем, для покупки лошадей Судебник указывает иной порядок, именно, по Судебнику лошадь должна покупаться при пятенщике, пятнившем ее и записывавшем в книгу с подробным обозначением примет ее, купивший же лошадь не при пятенщике мог лишиться ее в случае иска.

II. О займах. Судебник, кажется, оставляет неприкосновенными все прежние узаконения о займах; он обращает внимание только на один случай, именно, на случай несостоятельности между купцами. Судебник так же, как и Русская Правда, делит несостоятельных купцов на несчастных и виноватых. Но здесь Судебник вводит новое начало, не известное в Русской Правде, начало строгой администрации и судебных форм: он требует обысков для доказательства справедливости показаний несчастного должника. Если назвавший себя несчастным несостоятельным должником по обыску оказался действительно таким, то ему выдавалась великокняжеским дьяком полетная грамота за княжеской печатью, по которой он обязывался выплатить по срокам один только капитал без процентов; оказавшийся же несостоятельным по своей вине выдавался головой истцу на продажу.

III. О крестьянском отказе или о переходе крестьян от одного землевладельца к другому. Закон Судебника строго отличает крестьян от наймитов. Наймит по Судебнику поступал на службу к известному землевладельцу на срок или с условием определенных работ в пользу последнего, напротив, крестьянин садился на землю бессрочно; наймит, не исполнив условной работы или не дожив срока, лишался наемной платы; для крестьянина же закон назначает срок, когда он свободно мог оставить своего владельца или владелец мог сослать его – это за неделю до осеннего Юрьева дня и спустя неделю после Юрьева дня. По Судебнику, крестьянин для свободного перехода от одного

землевладельца к другому должен был исполнить относительно его одно условие – заплатить ему за пожилое. Плата за пожилое в малолесных местах назначалась в 4 руб. за двор, а в лесистых – полтина, притом этот платеж был разделен на четыре доли, так что крестьянин, прожив один год, платит только один рубль или четверть двора, проживший два года – полдвора и т. д.

IV. О поземельном владении. В 1-й статье этого отдела Судебника говорится об изгородах. По Судебнику изгороди между селами и деревнями должно делать смежным владельцам пополам. А в случае если от худой изгороди случится какой убыток, то за это отвечает тот владелец, чья изгородь. В отхожих же лугах, между чужими пашнями, изгородь должен делать владелец пашни, а не тот, кому принадлежит луг. Во 2-й статье настоящего отдела говорится о межах. В Судебнике основанием для деления межей было принято право поземельного владения, поэтому межи в нем разделены на владельческие и общинные. За нарушение или порчу межей между разными владениями Судебник назначает торговую казнь, а за порчу межей в одном владении назначает только два алтына пени и сверх того взыскание за раны или побои, ежели бы портивший межу прибил при этом хозяина межи. В 3-й статье говорится о земской давности. Судебник вводит два рода земской давности – трехлетнюю и шестилетнюю. Трехлетняя давность полагается в исках по землям между вотчинниками (боярами и монастырями), между помещиками, которые владели казенными землями на поместном праве владения, и между крестьянскими общинами; т. е. в исках помещиков на помещиков и общин на общины и в исках между помещиками и общинами. А шестилетняя давность полагается только в исках на вотчинников, т. е. бояр и монастыри, черных или государевых земель.

V. О холопах. Узаконения Судебника о холопах почти одинаковы с подобными же узаконениями Русской Правды. По Судебнику признавались следующие три формы перехода из свободного состояния в холопство: 1) «по полной грамоте», т. е. когда кто сам продает себя в холопство; 2) по должности сельского тиуна или ключника, будет ли то с доклада или без доклада наместнику с боярским судом. При этом жена с детьми принявшего должность тиуна или ключника признавались в холопстве только в том случае, если они жили при отце своем, а если они жили не при отце, а у кого-либо из своих род-

ственников или сами по себе, то оставались свободными. Должность тиуна или ключника в городе не делала холопом того, кто принимал на себя эту должность; 3) женившийся на рабе или поступивший в чье-либо владение в приданое или по духовной также считался холопом. Холоп, взятый в плен татарами, если успевал бежать из плена, переставал быть холопом и делался свободным. Бежавшего холопа нельзя было взять без доклада наместнику с боярским судом и не взяв у него для этого беглой грамоты. Наместники же или волостели, не имевшие права боярского суда, не могли даже выдать бежавшего холопа его господину; а равно не могли выдать и беглой грамоты для отыскания бежавшего холопа. Это установлено было для того, чтобы дать возможность холопу избавиться от холопства бегством. В то время наместники с боярским судом были только в шести городах: в Москве, Новгороде, Пскове, Твери, Нижнем и Рязани. Следовательно, беглый холоп всегда имел много времени, чтобы скрыться, прежде чем господин его мог начать розыски.

VI. О наследстве. Судебник признает два вида наследства: по закону и по завещанию. Для наследства по завещанию Судебник не полагает никаких правил, вероятно потому, что дела по завещаниям тогда подлежали суду святительскому, который обыкновенно руководился Кормчей или Номоканоном. Относительно же наследования по закону он принял совсем другие начала, чем те, какие мы видели в Русской Правде. Судебник предоставляет право наследования по закону, во-первых, сыновьям, во-вторых, если сыновей не было, – дочерям и, в третьих, за неимением сыновей и дочерей наследовали другие родственники по степеням родства, кто ближе к умершему.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем, по мнению И. Д. Беляева, состояла главная задача Судебника 1497 г.?
2. Какова, по мнению И. Д. Беляева, структура Судебника 1497 г.?
3. Какие виды судов закреплены в Судебнике 1497 г.?
4. Кто входил в состав наместнического суда?
5. На какие разряды делились пошлины от наместнического суда?
6. В чем состояло отличие боярского суда от наместнического?
7. В чем заключалась специфика суда великого князя?

8. Какие процессуальные документы, выдаваемые судом, зафиксированы в Судебнике 1497 г.?
9. Что такое правая грамота? Как она оформлялась?
10. Что такое докладные списки и судные списки?
11. Что такое холопы правые грамоты и отпускные?
12. В каких случаях выдавалась бессудная грамота?
13. Что такое срочные и приставные грамоты?
14. Как проходил вызов сторон в суд?
15. Кто такие недельщики? Какие функции они выполняли?
16. Какие виды доказательств были закреплены в Судебнике? В чем состояла их специфика?
17. В каких случаях вместо себя можно было выставить наймита?
18. Какая новая форма процесса появляется в Судебнике?
19. Какие новые нормы в области вещных, обязательственных и наследственных отношений закреплял Судебник?
20. Что такое крестьянский отказ? Какие требования к нему предъявлял Судебник?
21. Какие сроки исковой давности в поземельных спорах были зафиксированы в Судебнике?
22. Какие изменения в правовом положении холопов отражены в Судебнике?

Ключевский В. О.
КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ
(Извлечения)

Лекция XXVII

ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Изучая политические последствия основного факта периода – превращения Московского княжества в великорусское государство, я указал действие этого факта на политическое сознание московского государя и великорусского общества. Этот факт утвердил в уме московского государя новый взгляд на свою власть, как и в умах великорусского народа новый взгляд на своего государя. Почувствовав себя на высоте национального властителя, московский государь страшно вырос в своих собственных глазах, как и в глазах своего народа. Но,

заронив в умы новые политические понятия, тот же факт вызвал и новые политические отношения. Политическое объединение Велико-россии глубоко изменило положение и взаимные отношения классов объединенного русского общества, и прежде всего состав и настроение его верхнего слоя, боярства, а перемена в составе и настроении этого класса изменила его отношение к государю и изменила не в том направлении, в каком изменилось отношение к нему остального общества.

СОСТАВ БОЯРСТВА

Чтобы понять эту перемену, надобно припомнить положение московского боярства в удельные века. Уже тогда Москва привлекла к себе многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при каком другом княжеском дворе Северной Руси. С конца XIII столетия на берега реки Москвы стекаются со всех сторон знатные слуги и из соседних северных княжеств, и с далекого русского юга, из Чернигова, Киева, даже с Волыни, и из-за границы, с немецкого запада и татарского юго-востока, из Крыма и даже из Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже к половине XV в. московский великий князь был окружен плотной стеной знатных боярских фамилий. По старинным родословным книгам московского боярства таких фамилий можно насчитать до четырех десятков. Наиболее видные из них были Кошкины, Морозовы, Бутурлины и Челяднины, Вельяминовы и Воронцовы, Ховрины и Головины, Сабуровы и др. В своих отношениях к великому князю это боярство сохраняло тот же характер случайных, вольных советников и соратников князя по уговору, какими были бояре при князьях XII в. С половины XV в. состав московского боярства глубоко изменяется. Родословные боярские росписи XVI в. вскрывают эту перемену. К концу XVI в. по этим книгам на московской службе можно насчитать до 200 родовитых фамилий. Выключив из этого числа фамилии, основавшиеся в Москве еще до Ивана III, найдем, что более 150 фамилий вошло в состав московского боярства с половины XV в. По происхождению своему это боярство было очень пестро. Старые родословные книги его производят впечатление каталога русского этнографического музея. Вся Русская равнина со своими окраинами была представлена этим боярством во всей полноте и пестроте своего разноплеменного состава, со всеми своими русскими, немецкими, греческими, литовскими, даже татарскими и фин-

скими элементами. Важнее всего то, что решительное большинство в этом новом составе боярства принадлежало титулованным княжеским фамилиям. Усиленное собрание Руси Москвой с Ивана III сопровождалось вступлением на московскую службу множества князей, покидавших упраздненные великокняжеские и удельные столы. С тех пор во всех отраслях московского управления, в государевой думе советниками, в приказах судьями, т. е. министрами, в областях наместниками, в полках воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московского нетитулованного боярства. Эти князья, за немногим исключением, были наши Рюриковичи или литовские Гедиминовичи. Вслед за князьями шли в Москву их ростовские, ярославские, рязанские бояре.

РОДОСЛОВНЫЙ РАСПОРЯДОК

Столь пестрые и сбродные этнографические и социальные элементы не могли скоро слиться в плотную и однообразную массу. Новое московское боярство образовало длинную иерархическую лестницу, на которой боярские фамилии размещались уже не по уговору, а по своему служебному достоинству. Это достоинство определялось различными условиями. В Москве восторжествовала мысль, что князь только потому, что он князь, должен стоять выше простого боярина, хотя бы он был только вчерашним слугой московского государя, а боярин имел длинный ряд предков, служивших в Москве. Так давность службы была принесена в жертву знатности происхождения. Таково было первое условие. Но и князья не все выстроились в одну линию на московской службе: потомки прежних великих князей стали выше, потомки бывших удельных – ниже. Князья Пенковы всегда становились выше по службе своих ближайших родичей князей Курбских или Прозоровских, потому что Пенковы шли от великих князей ярославских, а Курбские и Прозоровские – от князей ярославских удельных. Итак, служебное положение титулованного слуги в Москве определялось его значением в минуту перехода на московскую службу. Таково второе условие. Последовательное применение этого второго условия приводило к одному исключению из первого, т. е. ставило иных князей ниже простых бояр. Многие удельные князья теряли свои уделы еще до перехода на московскую службу. В Москву они переходили уже со службы при каком-либо другом дворе, великокняжеском или удельном. Как слуги младших князей, они в Москве становились ни-

же здешних старинных бояр, служивших старшему из всех князей, каким считался великий князь московский как обладатель старейшей Владимирской области. Отсюда вытекало третье условие: московское положение князей, перестававших быть владетельными до перехода на московскую службу, равно как и положение простых бояр, переходивших в Москву из других княжеств, определялось сравнительным значением княжеских дворов, при которых и те и другие служили перед переходом на московскую службу. На этих условиях основывались правила родословного распорядка титулованных и простых слуг в Москве. Положение на московской службе определялось для владетельных князей значением столов, на которых они сидели, для простых бояр и служилых князей – значением дворов, при которых они служили. Следовательно, 1) потомок великих князей становился выше потомка удельных, 2) владетельный потомок удельного князя – выше простого боярина, 3) московский великокняжеский боярин – выше служилого князя и боярина удельного. Благодаря такому распорядку московское боярство в новом своем составе распалось на несколько иерархических слоев. Верхний слой образовали потомки бывших великих князей русских и литовских. Здесь встречаем князей Пенковых ярославских, князей Шуйских суздальских, старших князей Ростовских, литовских князей Бельских, Мстиславских и Патрикеевых, от которых пошли князья Голицыны и Куракины. Из старинного нетитулованного боярства Москвы в этом слое удержались одни Захарьины, ветвь старого московского боярского рода Кошкиных. Второй слой составил из потомков значительных удельных князей Микулинских из тверских, Курбских из ярославских, Воротынских, Одоевских и Белевских из Черниговских, Пронских из рязанских. К ним примкнули и знатнейшие фамилии старинного московского боярства: Вельяминовы, Давыдовы, Бутурлины, Челяднины и другие. Второстепенное московское боярство и потомство мелких удельных князей вместе с боярами из княжеств Тверского, Ростовского и других образовали третий и дальнейшие разряды. Впрочем, мы сейчас увидим, что по отношениям, установившимся в высшей московской служилой среде, легче было определить сравнительный служебный вес отдельных лиц и фамилий, чем провести точные отдельные черты между целыми разрядами.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

В новом своем составе московское боярство стало проникаться и новым политическим настроением. Первостепенная знать, ставшая во главе этого боярства, шла от бывших великих и удельных князей. Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в Северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой московского государя. Политическое объединение Северной Руси на первых порах выражалось только в единстве московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой местного управления, где еще довольно устойчиво хранились остатки удельного порядка. Власть московского государя становилась не на место удельных властей, а над ними, и новый государственный порядок ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений. Даже высшие местные управления в Твери, Ростове, Нижнем Новгороде и пр. не упразднялись, а только переносились в Москву и здесь продолжали действовать особняком, не сливаясь с центральными московскими учреждениями. Точно так же и удельные князья, переставая быть самостоятельными владетелями своих уделов, обыкновенно оставались в них простыми вотчинниками-землевладельцами, иногда очень крупными, и часто даже продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и рядили по старым местным обычаям и законам, сохраняли свои удельные полки, иные даже официально назывались удельными, а не служебными князьями. Еще при Грозном до опричнины встречались землевладельцы из высшей знати, которые в своих обширных вотчинах правили и судили безапелляционно, даже не отдавая отчета царю. Благодаря тому переход князя на московскую службу с удельного и даже великокняжеского стола не был для него крутым переворотом, потерей всего, чтоб имел он прежде. При дворе московского государя, в Кремле, он видел себя в новой обстановке, к какой не привыкли его владетельные предки; но у себя дома, среди своих дворовых слуг, в кругу Своего вотчинного хозяйства, этот князь не переставал чувствовать себя узлом прежних отношений, поддерживал прежние понятия и привычки. С другой стороны, титулованное боярство заняло все высшие должности в московском управлении, командовало московскими полками,

правило областями Московского государства. Известны случаи, когда бывший владетельный князь продолжал править своим княжеством в качестве наместника московского государя. Все это помогло новым, титулованным московским боярам, потомкам князей великих удельных, усвоить взгляд на себя, которого не имели старые, нетитулованные московские бояре. Последние были вольными и переходными слугами князя по договору; первые стали видеть в себе властных правителей земли государства по происхождению. Руководя всем в объединенной Северной Руси, потомки бывших великих и удельных князей и в Москве продолжали смотреть на себя как на таких же хозяев Русской земли, какими были их владетельные предки; только предки, рассеянные по уделам, правили Русской землей по частям и поодиночке, а потомки, собравшись в Москве, стали править всей землей и все вместе. Среди титулованного боярства XVI в. утверждается взгляд на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, доставшееся им от предков независимо от этого государя, установившееся само собою, ходом событий. Сами московские государи поддерживали среди них этот взгляд, не трогая их удельных порядков и преданий, и даже отец Грозного, недолюбливавший знатного боярства, признал его наследственное правительственное право, назвав своих советников в предсмертном к ним обращении «извечными боярами» своего дома. Увидев себя в сборе вокруг московского Кремля, новое, титулованное боярство взглянуло на себя как на собрание наследственных и привычных, т. е. общепризнанных, властителей Русской земли, а на Москву как на сборный пункт, откуда они по-прежнему будут править Русской землей, только не по частям и не в одиночку, как правили предки, а совместно и совокупно, – будут править все вместе и всей землей в совокупности. Значит, в новом московском боярстве предание власти, шедшее из удельных веков, не прервалось, а только преобразилось. Теперь, когда потомки прежних владетельных князей собрались в Москве, их прежняя власть, унаследованная от отцов, из одиночной, личной и местной превратилась в собирательную, сословную и всеземскую. Так московская боярская знать в новом своем составе усвоила себе и новый взгляд на свое политическое значение, знакомый боярству удельных веков, и по этому взгляду настроилась политически.

МЕСТНИЧЕСТВО

Итак, обратившись к изучению состава общества в Московском государстве XV – XVI вв., встречаемся еще с одним следствием основного факта этого периода. Образование национального великорусского государства отразилось в боярском сознании своего рода теорией аристократического правительства. Основное положение этой теории можно выразить так: московский государь для управления соединенной под его властью Русской землей призывает родовитых сотрудников, предки которых некогда владели частями этой земли. Объединение Великороссии, сообщив великому князю московскому значение всеземского, национального государя, и собранным под его рукой местным правителям внушило идею всеземского правительственного класса. Такой взгляд боярства на свое значение не остался только политическим притязанием, но облекся в целую систему служебных отношений, известную в нашей истории под названием местничества. Прежде чем обратиться к его изучению, объясню, что я разумею под московским боярством.

БОЯРСТВО КАК КЛАСС

Я пользуюсь этим словом не в том значении, какое оно имело на официальном московском языке XVI в. Тогда им обозначался не общественный класс, а высший служебный чин боярина: сказать кому боярство – значило объявить официально лицу, что оно пожаловано в бояре. Я говорю о боярстве в условном смысле верхнего слоя многочисленного военно-служилого класса в Московском государстве изучаемого времени. Для определения состава этого слоя можно принять за основание официальную родословную книгу, содержащую в себе поименные росписи важнейших служилых родов в порядке поколений. Этот Государев родословец, как он назывался, составлен был при Грозном, и на него опирались при разборе генеалогических споров московских служилых людей. Фамилии, помещенные в этом Родословце, назывались родословными. Эту родословную знать мы и называем московским боярством. Можно заметить два условия, или признака, принадлежности к этой знати. Фамилия входила в родословный круг, если приблизительно до начала XVI в., когда этот круг складывался, в своих поколенных рядах имела лиц, служивших в Москве боярами, окольничими и в других высших чинах. Потом, чтобы фамилия не выпала из этого круга, надобно было членам ее дер-

жаться на столичной службе, занимая высшие должности по центральному, областному и военному управлению. Изложу главные основания местничества. Этим словом в собственном смысле следует называть тот порядок служебных отношений, какой сложился между родословными фамилиями в Московском государстве XV и XVI вв.

МЕСТНИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО

Чтобы понять такое сложное и запутанное явление, как старинное московское местничество, надобно отрешиться от некоторых современных понятий о государственной службе или, лучше сказать, сопоставить тогдашние и нынешние условия назначения на правительственные должности. Теперь при назначении лиц на службу по одному ведомству их ставят в отношение равенства или подчинения одного другому по их сравнительной служебной годности, а эта годность определяется способностями, степенью школьной и служебной подготовки, заслугами, т. е. продолжительностью и успешностью прежней службы, и вообще личными качествами; по крайней мере другие соображения признаются побочными и негласными. Во всяком случае служебное отношение между назначаемыми лицами устанавливается при самом их назначении на должности и устанавливается на основании сравнительной оценки нужных для службы личных качеств, производимой начальством. В Москве XVI в. при замещении высших должностей служилыми людьми соображались не с личными качествами назначаемых, а с относительным служебным значением фамилий, к которым они принадлежали, и с генеалогическим положением каждого из них в своей фамилии. Князья Одоевские на службе по одному ведомству вообще ставились выше Бутурлиных: таково было взаимное иерархическое отношение обеих этих фамилий. Но старшие Бутурлины могли приближаться к младшим князьям Одоевскими даже равняться с ними, и сообразно с тем менялось их служебное соотношение. Значит, каждая родословная фамилия и каждое отдельное лицо такой фамилии занимали определенное и постоянное положение среди других фамилий и отдельных лиц, с которым должны были сообразоваться их должностные назначения и которое, следовательно, не зависело от этих назначений. Иерархическое отношение между сослуживцами не устанавливалось при их назначении на должности по усмотрению назначавшей их власти, а заранее указывалось помимо нее фамильным положением назначаемых. Это фамиль-

ное значение лица по отношению к другим лицам как своей собственной, так и чужих фамилий называлось его отечеством. Это значение приобреталось предками и становилось наследственным достоянием всех членов фамилии».

МЕСТНИЧЕСКИЙ СЧЕТ ПРОСТОЙ

Итак, повторяю, местническое отечество – это унаследованное от предков отношение по службе служилого лица и целой служилой фамилии к другим служилым лицам и фамилиям. Был выработан особый способ определять отечество с математической точностью. Отечество каждого высчитывалось. Правила этого вычисления – целая система, которую можно назвать местнической арифметикой. По двойственному назначению отечества, указывавшего отношение лица к его родичам и чужеродцам, и местнический счет был двоякий: простой – по родословцу, или лествицею, и двойной – по родословцу и по разрядам вместе. Мы уже знакомы с родословцем. Разрядами назывались росписи назначений на высшие должности придворные, по центральному и областному управлению, начальниками приказов, т. е. министерств, наместниками и воеводами городов, также полковыми походными воеводами и т. п. Эти записи велись в Разрядном приказе, соответствующем нынешнему Военному министерству, или, точнее, Главному штабу, и сводились в погодные разрядные книги. В 1556 г., как это выяснено г. Милюковым, составлен был Государев разряд – официальная разрядная книга за 80 лет назад, начиная с 1475 г. Счет по родословцу определял генеалогическое отношение лица к его родичам; этот счет был снят с отношений между членами старинного русского дома, т. е. семьи, состоявшей из отца с женатыми сыновьями или из живших вместе родных братьев с семействами. Члены такой сложной семьи строго соблюдали отношения старшинства, выражавшиеся, между прочим, в их рассадке за обеденным столом. Возьмем семью из родных братьев с детьми. Первое место принадлежало старшему брату, домохозяину, большаку, два за ним следующие – двум его младшим братьям, четвертое место – его старшему сыну. Если у большака был третий брат, он не мог сесть ни выше, ни ниже старшего племянника, был ему ровня (ровесник). Это равенство указывалось, вероятно, обычным порядком рождения: четвертый брат рождался обыкновенно около времени появления на свет первого сына у старшего брата и потому отчислялся уже ко второму поколению –

детей, тогда как три старших брата составляли первое поколение – отцов. Таким распорядком мест объясняются основные правила местнической арифметики. По этой арифметике старший сын от своего отца – четвертое место, т. е. между тем и другим должны оставаться два свободных места для второго и третьего отцова брата. Каждый следующий брат местом ниже предшествующего старшего, значит, родные братья садятся рядом в порядке старшинства. Из этих двух правил вытекало третье: четвертый из братьев или третий дядя равен старшему племяннику. Это правило выражалось формулой: «первого брата сын четвертому (считая и отца) дяде в версту», т. е. сверстник, ровня, ровесник (верста – мера, уравнение). Значит, они не сидели рядом, а должны были сесть врозь или насупротив. Общее основание этих правил: отечество каждого из родичей определялось его сравнительным расстоянием от общего предка. Это расстояние измерялось особыми местническими единицами – местами. Отсюда и самое название местничества. По местнической связи генеалогии со службой и место имело двойное значение: генеалогическое и служебное. В генеалогическом смысле это – ступень, занимаемая каждым членом фамилии на фамильной лестнице старшинства по его расстоянию от родоначальника, измеряемому количеством предшествующих ему в прямой восходящей линии рождений. Первоначальное понятие о месте в смысле служебном, очевидно, сложилось среди бояр за княжеским столом, где они рассаживались в порядке служебно-генеалогического старшинства; но потом это понятие было перенесено и на все служебные отношения, на правительственные должности. Отсюда употребляемое нами выражение искать места. Генеалогическое расстояние между лицами одной и той же или разных фамилий, назначенными на известные должности по одному ведомству, должно было соответствовать иерархическому расстоянию между этими должностями. Для этого каждая сфера служебных отношений, каждое правительственное ведомство, места в государственной думе, должности административные, городские наместничества, как и должности полковых воевод, были также расположены в известном порядке старшинства, составляли иерархическую лестницу. Вот, например, в каком порядке следовали одна за другой должности полковых воевод. Московская армия, большая или малая, ходила в поход обыкновенно пятью полками или отрядами. Это были большой полк, правая рука, передовой и сто-

рожевой полки, т. е. авангард и арьергард, и левая рука. Каждый полк имел одного или нескольких воевод, смотря по численному составу полка, по числу сотен, рот в нем. Эти воеводы назывались большими или первыми, другими или вторыми, третьими и т. д. Должности этих воевод по старшинству следовали в таком порядке: первое место принадлежало первому воеводе большого полка, второе – первому воеводе правой руки, третье – первым воеводам передового и сторожевого полков, которые были ровни, четвертое – первому воеводе левой руки, пятое – второму воеводе большого полка, шестое – второму воеводе правой руки и т. д. Если из двух родственников, назначенных воеводами в одной армии, старший по генеалогии, по отечеству, был двумя местами выше младшего, то при назначении старшего первым воеводой большого полка младшего надобно было назначить первым воеводой сторожевого либо передового полка, не выше и не ниже. Если его назначали местом выше, большим воеводой правой руки, старший родич бил челом, что такое повышение младшего родича грозит ему, челобитчику, «потерькой» чести, отечества, что все, свои и чужие, считавшиеся ему ровнями, станут его «утягивать», понижать, считать себя выше его на одно место, так как он стоял рядом, одним местом выше человека, который ниже их двумя местами. Если младшего назначали ниже, большим воеводой левой руки, он бил челом о бесчестии, говоря, что ему так служить со своим родичем «не совместно», что он «потеряет», а родич «найдет» перед ним, выиграет одно место. Привожу этот схематический пример, чтобы показать, как в лестничном счете генеалогия лиц должна была соответствовать иерархии мест.

СЧЕТ СЛОЖНЫЙ

Сложнее был счет, определявший местнические отношения между чужеродцами. Если члены двух разных фамилий назначались на службу, где они должны были действовать вместе с подчинением одного другому, они для проверки назначения высчитывали, какое между ними расстояние по служебному отечеству, принимая за основание обыкновенно службу своих «родителей», т. е. родственников по восходящей линии, как прямых, так и боковых. Для этого они брали разряды и искали в них случая, прецедента, такого назначения из прежних лет, где бы их предки также назначены были служить вместе. Встретив такой случай, они вычисляли ранговое расстояние, ка-

кое лежало между доставшимися их родителям должностями. Это расстояние принималось за основание для учета служебного отношения обеих фамилий, их сравнительного отечества, фамильной чести. Определив это отношение фамилий по разрядам, оба назначенных «совместника» брали свои родословные и по ним высчитывали свое генеалогическое расстояние каждый от того своего предка, который встретился на службе в найденном случае с предком другого совместника. Если расстояние это было одинаково у обоих совместников, то они могли быть назначены на такие же должности, т. е. с таким же иерархическим расстоянием, какое было между должностями их предков. Но если один из совместников дальше отстоял от своего предка, чем его соперник от своего, он должен был спуститься ниже соперника на соответствующее число мест. Если в найденном случае предки совместников, князь Одоевский и Бутурлин, служили первый большим воеводой большого полка, другой большим же воеводой левой руки, значит, князь Одоевский по фамильной чести относился к Бутурлину как отец к сыну, «был ему что отец», т. е. отделялся от него двумя местами, потому что большой воевода левой руки – четвертое место, как и старший сын от отца. Установив по разрядам общее служебное отношение фамилий, предстояло еще определить по родословной частное генеалогическое положение лиц, каждого в своей фамилии. Если потомок князя Одоевского отстоял от своего предка на шесть мест, а потомок Бутурлина от своего – на пять, то потомок Бутурлина не мог служить первым воеводой левой руки при назначении потомка князя Одоевского первым воеводой большого полка: Бутурлин должен был подняться на одно место выше. В постоянное местническое отношение фамилий по разрядам вводился изменчивый коэффициент поколений, определявший генеалогическое положение каждого отдельного лица в своей фамилии. Итак, родословцем определялось взаимное служебное отношение лиц одной и той же фамилии, разрядами – отношение разных фамилий, родословцем и разрядами вместе – отношение лиц разных фамилий.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Изложенной схемы местнического счета, думаю, достаточно, чтобы понять, как местничество осложняло должностные назначения. Особенно в распорядке мест полковых воевод дьякам Разрядного приказа трудно было составить подбор лиц, который предусматривал

бы все разнообразные генеалогические и разрядные отношения, примирал все возможные фамильные притязания. Редкая полковая роспись обходилась без споров, челобитий о счете мест, без жалоб на «поруху в отечестве». Путаница увеличивалась еще тем, что знатные молодые дворяне местничались с полковыми воеводами, к которым их прикомандировывали в штаб или для особых поручений. Этими затруднениями вызывались законодательные ограничения местничества. Так, приговором государя и боярской думы в 1550 г. с участием даже митрополита некоторые должности полковых воевод были изъяты из местнического счета, объявлены «без мест». Было, например, постановлено, что большому воеводе правой руки, который тремя местами был выше второго воеводы большого полка, до этого воеводы дела и счета нет, а первые воеводы передового и сторожевого полков не меньше воевод правой руки. Также и служба знатных дворян под командой менее знатного воеводы не ставилась им в счет при дальнейших назначениях, когда они сами становились воеводами. Иногда все назначения полковых воевод или при каком-либо придворном торжестве объявлялись без мест.

ИДЕЯ МЕСТНИЧЕСТВА

Из того же местнического счета открывается и идея местничества, строго консервативная и аристократическая. Позднейшие поколения родословных людей должны были размещаться на службе и за столом государя, как размещались первые поколения. Отношения между фамилиями, раз установившиеся, не должны были изменяться. Как некогда стали на службе отцы и деды, так должны стоять дети и все дальнейшие потомки. Итак, местничество устанавливало не фамильную наследственность служебных должностей, как это было в феодальном порядке, а наследственность служебных отношений между фамилиями. Этим объясняется значение правительственных должностей в местничестве. Должность сама по себе здесь ничего не значила: она была тем же по отношению к отечеству, чем служит арифметическое число по отношению к алгебраическому выражению, т. е. конкретной случайностью. Князь Одоевский готов был занять какую угодно должность, лишь бы Бутурлин с ним вместе стоял на должности еще ниже, и бывали случаи, когда одно и то же лицо в походах последовательно занимало полковые воеводские должности все в порядке понижения – это не было понижением лица по службе, а за-

висело от его местнического отношения к товарищам, воеводам других полков. Все дело было не в должности, а во взаимном отношении лиц по должностям. Следовательно, должности в местничестве имели значение, совершенно обратное тому, какое они имеют теперь. Теперь правительственное значение лица определяется его должностью, т. е. степенью власти и ответственности, с ней сопряженной; в местничестве генеалогическим положением лица указывалась должность, какую оно получало. Теперь по известной поговорке место красит человека; тогда думали, что человек должен красить свое место.

КОГДА ОНО СЛОЖИЛОСЬ

Князья Одоевские стали выше Бутурлиных и многих других старинных фамилий московского боярства в силу одного из указанных мною правил московского родословного распорядка, потому что в конце XV в. эти князья пришли в Москву прямо со своего удела. Московское местничество было практическим приложением этих правил к служебным отношениям московских служилых людей. Поэтому можно приблизительно определить время, когда оно сложилось. Элементы местничества встретим еще в удельные века при московском, как и при других княжеских дворах, заметим присутствие мысли о служебном старшинстве, найдем указания на застольное и должностное размещение бояр по этому старшинству, на их требование, чтобы их рассаживали за княжеским столом, как сидели их отцы, на признание случаев обязательными прецедентами. Но при удельной бродячести вольных служилых людей служебный их распорядок лишен был устойчивости. Положение их при княжеских дворах определялось временными личными договорами с князем. Лишь только бояре усядутся, уладятся местами и службой, новый знатный пришелец урядится с князем «в ряд и крепость возьмет», «заедет», сядет выше многих старых служак и спутает установившийся распорядок мест. В 1408 г. приехал в Москву на службу внук Гедимина литовского князь Патрикей. Сын его Юрий, ставший в Москве родоначальником князей Голицыных и Куракиных, «заехал», посажен был выше многих московских бояр, потому что великий князь московский, выдавая за него свою сестру, «место ему упросил» у своих бояр. У Юрия был старший брат князь Федор Хованский. На Юрьевой свадьбе его «посел», сел выше, старый московский боярин Федор Сабур, прапрадед которого вступил на московскую службу при Калите. Князь Хованский при

этом сказал Сабуру: «Сядь-ка повыше моего брата меньшого князя Юрья». «У твоего брата Бог в кике (счастье в кичке, в жене), а у тебя Бога в кике нет», – возразил Сабур и сел выше Хованского. Возможность завоевывать высокие места жениной кичкой, эта кичливость, прекратилась в Москве, когда при массовом наплыве сюда служилого княжья, сменившем прежние одиночные заезды, пришлось заменить личное соглашение князя с новым приезжим слугой «уложением», общим способом оценки служебного достоинства служилых людей. Только в Москве элементы местничества успели сложиться в целую систему, и его сложение надобно относить к эпохе, когда шел этот наплыв, т. е. к княжению Ивана III и его сына Василия. К этому времени стали готовы две основы местничества: личный уговор заменился уложением; исполнился комплект фамилий, между которыми действовали местнические отношения. С той поры собравшиеся в Москве боярские фамилии стали в стройные ряды. Поэтому линии предков, на служебные отношения которых потомки в местнических спорах XVI и XVII вв. ссылались в оправдание своих родословных и разрядных притязаний, обыкновенно не восходили раньше княжения Ивана III. Большая часть знатнейших московских фамилий, служивших главными звеньями местнической цепи, до Ивана III еще и не значилась в Московском родословце.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Теперь мы можем уяснить себе политическое значение местничества для московского боярства. Оно ставило служебные отношения бояр в зависимость от службы их предков, т. е. делало политическое значение лица или фамилии не зависимым ни от личного усмотрения государя, ни от личных заслуг или удач служилых людей. Как стояли предки, так вечно должны стоять и потомки, и ни государева милость, ни государственные заслуги, ни даже личные таланты не должны изменять этой роковой наследственной расстановки. Служебное соперничество становилось невозможным: должностное положение каждого было предопределено, не завоевывалось, не заслуживалось, а наследовалось. Служебная карьера лица не была его личным делом, его частным интересом. За его служебным движением следил весь род, потому что каждый его служебный выигрыш, каждая местническая находка повышала всех его родичей, как всякая служебная потеря понижала их. Каждый род выступал в служебных столкнове-

ниях как единое целое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную ответственность, круговую поруку родовой чести, под гнетом которой личные отношения подчинялись фамильным, нравственные побуждения приносились в жертву интересам рода. В 1598 г. князь Репнин-Оболенский по росписи занимал в походе место ниже князя Ив. Сицкого, чего ему не следовало делать по служебному положению своего рода, и не бил челом царю об обиде на Сицкого, потому что они с Сицким были «свояки и великие друзья». Тогда обиделись все его родичи, и князь Ноготков-Оболенский «во всех Оболенских князей место» бил челом царю, что князь Репнин то сделал, дружась с князем Иваном, чтоб тем его воровским нечелобитьем поруху и укор учинить всему их роду Оболенских князей от всех чужих родов. Царь разобрал дело и решил, что князь Репнин был на службе с князем Ив. Сицким по дружбе и потому один «виноват» князю Ивану, т. е. себя одного понизил перед Сицким и его родичами, а роду его – всем князьям Оболенским – в том порухи в отечестве нет никому. Таким образом, местничество имело оборонительный характер. Им служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества – наследственного положения. Вот почему бояре так дорожили местничеством: за места, говорили они в XVII в., наши отцы помирали. Боярина можно было избить, прогнать со службы, лишить имущества, но нельзя было заставить занять должность в управлении или сесть за государевым столом ниже своего отечества. Значит, местничество, ограничивая сферу своего действия родословными людьми, выделяло из военно-служилой массы класс, из которого верховная власть волей-неволей должна была преимущественно выбирать лиц для занятия правительственных должностей, и таким образом оно создавало этому классу политическое право или, точнее, привилегию на участие в управлении, т. е. в деятельности верховной власти. Этим местничество сообщало боярству характер правящего класса или сословной аристократии. Сама власть поддерживала такой взгляд на местничество, значит, признавала боярство такой аристократией. Вот один из многих случаев, где выразился взгляд на местничество как на опору или гарантию политического положения боярства. В 1616 г. князь Волконский, человек

неродовитый, но много служивший, бил челом государю, что ему по своей службе меньше боярина Головина быть невместно. Головин ответил челобитчику встречной жалобой, что князь Волконский его и родичей его обесчестил и опозорил, и просил государя «дать ему оборонь». По указу государя бояре в думе разобрали дело и приговорили послать князя в тюрьму, сказав ему, что он человек неродословный, а по государеву указу неродословным людям с родословными суда и счета в отечестве не бывает; что же касается до службы Волконского, то «за службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством». Итак, государь может сделать своего слугу богатым, но не может сделать его родовитым, потому что родовитость идет от предков, а покойных предков уже нельзя сделать ни более, ни менее родовитыми, чем они были при жизни. Так, когда московское боярство из пестрых, сбродных элементов стало складываться в цельный правительственный класс, его склад вышел своеобразно аристократическим.

НЕДОСТАТКИ ЕГО

Своеобразный отпечаток клали на аристократическое значение боярства два недостатка, какими страдало местничество. Вводя в государственную службу ценз породы, оно ограничивало верховную власть в самой щекотливой ее прерогативе, в праве подбора подходящих проводников и исполнителей своей воли: она искала способных и послушных слуг, а местничество подставляло ей породистых и зачастую бестолковых неслухов. Оценивать служебную годность происхождением или службою предков значило подчинять государственную службу обычаю, который коренился в нравах и понятиях частного быта, а в сфере публичного права становился по существу своему противогосударственным. Таким обычаем и было местничество, и государственная власть могла терпеть его, пока или сама не понимала настоящих задач своих, или не находила в неродословных классах пригодных людей для службы. Петр Великий смотрел на местничество строго государственным взглядом, назвав его «зело жестоким и вредительным обычаем, который как закон почитали». Так местничество поддерживало ежеминутную молчаливую досаду московского государя на свое боярство. Но, подготавливая вражду, оно не увеличивало, а скорее ослабляло силы класса, для которого служило главной, если не единственной политической опорой. Сплачивая родичей в от-

ветственные фамильные корпорации, оно разрознивало самые фамилии, мелочным сутяжничеством за места вносило в их среду соперничество, зависть и неприязнь, чувством узко понимаемой родовой чести притупляло чутье общественного, даже сословного интереса и таким образом разрушало сословие нравственно и политически. Значит, местничество было вредно и государству, и самому боярству, которое так им дорожило.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как изменился состав боярства в централизованном государстве?
2. Что В. О. Ключевский понимал под «родословным распоряжением»?
3. В чем состояли особенности политических настроений боярства в централизованном государстве?
4. Что такое местничество? Когда и в каких условиях оно возникло?
5. В чем состояли особенности местнических отношений?
6. Каковы были законодательные ограничения местничества?
7. В чем заключалось политическое значение местничества?
8. Какие недостатки местнической системы выделял В. О. Ключевский?

Владимирский-Буданов М. Ф.
ОБЗОР ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА
(Извлечения)

Служилые люди

Элементы, из которых составилась служилый класс. Люди, призванные к отправлению военной, придворной и приказной службы, называются людьми служилыми. Этот класс образовался из земских бояр и княжеских дружин (дворов) 1-го периода, которые (как нам уже известно) состояли из полноправных бояр и несвободных или полусвободных дворян. Те же классы видим и в XIV в. повсюду в Северной Руси. *Бояре* были служилым классом только потому, что их профессией была высшая (военная и административная) служба; но

служба эта не была обязательна для них по отношению к тому или другому князю, они пользовались правом свободного перехода и служили по договору. Владея вотчинами (независимым правом собственности), они не утрачивали их при переходе к другому князю. В вотчинах они пользовались некоторыми правами суда и управления над поселенцами; содержали свои дворы (дружины). Они получали от князей города и волости «в кормление» с судом и данью. Низший разряд землевладельцев – *дети боярские*; их важнейшее отличие от бояр состоит только в меньших земельных имуществвах. Это обедневшие потомки размножившегося боярского рода.

Слуги (дворяне). Люди, составлявшие постоянный двор князей, именовались слугами; их положение определялось не землевладением, а только службой. Они разделялись на *слуг вольных* и *слуг под дворским*. Первые были лично свободны и, подобно боярам, могли переходить от одного князя к другому (см. Двин. уст. гр. 1397 г., ст. 3, а также дог. Москвы с Тверью 1368 г.: «А кто бояр и слуг отъехал от нас к тебе или от тебе к нам... в ты села нам и тебе не вступатися»); некоторые из них владели вотчинами, но большая часть не пользовалась прочими правами боярства; они получали или готовое содержание при дворе, или временное пользование земельными участками.

Слуги под дворским, или дворяне в тесном смысле слова, занимали в отчинном государстве дворовые (которые были в то же время государственными) должности: казначеев, тиунов, дьяков, посельских, ключников. От них не отличались и слуги, исполнявшие чисто экономические поручения: бортники, садовники, псары, бобровники, бараши. Все они были люди лично несвободные – холопы, доставшиеся князю по купле или «по вине» (за преступления), по браку: «А хто моих казначеев, или тиунов, или дьяки прибыток мой ведали, или посельски, или ключники, или хто из холопов моих купленных... тех всех пуцаю на свободу» (Дух. Вас. Дм. 1406 г. в Собр. госуд. гр. и догов., I, № 39); «А хто будет казначеев, и тивунов и посельских, или хто будет моих дьяков, что будет от мене ведали прибыток ли котрый, или хто будет у тех женился, те люди не надобни моим детем, дал есмь им волю. Также хто будет моих людей полных, купленных, грамотных, дал есть им свободу» (Там же, № 25). Само собой разумеется, что слуги этого рода не могли пользоваться наравне с боярами и слугами вольными правом перехода: «А бояром и слугам, кто будет

не под дворским, вольным воля. А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают» (Там же, № 40). Дворы имели все владетельные князья; по мере присоединения уделов двор великого князя увеличивался, но эти провинциальные дворы не пользовались одинаковым положением со старым двором московских князей; отсюда впоследствии образовалось различие дворян московских и городских.

Способ образования служилого класса. Из представленных столь различных элементов в XV в. составляется один служилый класс *через понижение прав бояр и постепенное повышение прав дворян.*

Первое (т. е. понижение прав бояр) совершалось следующим путем: вместе с уничтожением уделов сами *удельные князья* начали поступать на службу к великому князю и входить в разряд боярства; но князья не могли быть уравнены с боярами относительно свободы вотчинного владения: князья приходили на службу с остатками своих уделов и сохранили в них некоторые прежние владетельные права. Еще в XVI в. князья-слуги, потерявшие владетельный характер, остаются в своих прежних уделах: князья Воротынские и Одоевские в конце XV в. идут на войну со своими удельными полками. Князья Оболенские пользуются в своем уделе полным правом суда: «пристав в. князя к ним в Оболенск не въезжает». Когда в 1493 г. была завоевана Вязьма и князья Вяземские привезены в Москву, то Иоанн «пожаловал их же вотчиною Вязмою и повелел им себе служить». Из тверских князей Микулинские владеют частью своего удела как вотчиной даже в 1570 г. Из князей ярославских – Сицкие, Прозоровские, Ухтомские и пр., сделавшиеся служилыми еще с XIV в., остались частными владельцами в своих бывших уделах во второй половине XVI в. Отношения государства к уделам служилых князей можно видеть на примере князей Ростовских и Оболенских; первые сделались служилыми еще с начала XIV в., а между тем в 1462 г. вел. князь Василий Васильевич, отдавая Ростов своей жене, пишет: «А князи Ростовские, что ведали при мне, ино по тому держат и при моей княгине, а княгиня моя у них в то не вступается». Оболенские продали Ивану III за два села и 5 тыс. рублей право на свое княжество в случае пресечения мужской нисходящей линии в их роде. При таком сохранении служилыми князьями их владетельных прав государи Москов-

ские не могли предоставить им полные права распоряжения на их владения, ибо это означало не частную свободу распоряжения имуществом, а распоряжение государственными правами по частным сделкам. Поэтому право свободного перехода с сохранением вотчин прежде всего было отнято у служилых князей, между тем как бояре еще сохраняли его: в 1428 г. договаривается вел. кн. Василий Васильевич Темный со своим дядей Юрием: «А кто имеет жити наших бояр и слуг (в) твоей отчине, а тебе их блюсти как своих... а князей, ти, моих служебных с вотчинами... не приимати».

Лишь по примеру князей *ограничиваются* потом *имущественные права и бояр*; права эти обуславливаются уже службой; вотчинное право становится условным. В 1504 г. Иоанн III пишет в своей духовной: «А боярам и детям боярским Ярославским с своими вотчинами и с куплями не отъехать от моего сына Василия, и кто отъедет – и земли их сыну моему; а служить ему, и он у них в их земли не вступается, ни у жен, ни у их детей» (Сборн. гос. гр. и догов., I, 391). То есть сначала частные права (наследования и др.) еще не сокращались, но благодаря служилому характеру владельцев и частные права распоряжения вотчинами ограничиваются (см. Ук. кн. казн., ст. XIX).

Этому особенно способствовало *сокращение личных прав бояр и вольных слуг*. Право личного перехода их было сначала ограничено: допускался переход от удельных князей к великому, но не наоборот, а затем было совсем отнято при Иоанне III; с уничтожением уделов оно и не могло иметь места: оставалось переходить только в Литву, которая не состояла в союзе с русскими княжествами и считалась государством чужим и враждебным, а переход в нее – изменой. Лишение права перехода подобно уже личному кабальному холопству: великие князья начали брать с бояр *крестоцеловательные записи* о непереходе (первая известная взята с князя Холмского в 1474 г.); такие записи почти равнялись записям на кабальную службу между частными лицами и имели те же последствия для закрепощения высших классов. Тогда бояре начали занимать дворовые должности наравне с дворянами: при Иоанне IV должность казначея занимает уже боярин; бояре начинают получать поместья наравне с дворянами (а не только «кормления»).

В то же время совершался обратный процесс *возвышения прав дворян* следующими способами: с присоединением уделов число дво-

рян у великого князя увеличилось чрезмерно; главной службой их становится не дворовая, а военная. Содержатся они уже не при дворе, а «испомещаются» на землях, составлявших частную собственность князей, на *поместном праве* (т. е. на праве временного пользования с условием службы, подобно тому как в частных отношениях – холопы, поселенные на участках, именуемые «задворными»). И это – уже значительное право для лиц несвободных. Сделавшись помещиками, они могут и сами приобретать имущество и передавать его в наследство, однако право и на это имущество остается еще также условным и зависимым от прав великого князя. «А которые дети боярские (говорил вел. князь в своем завещании) служат моей княгине, и слуги ее, *и еси холопы* ее, и кому будет аз кн. вел. давал свои села, или моя княгиня давала им свои села, или за кем будет их отчина, или купля, – и в тех своих людях во всех вольна моя княгиня и в тех селех». По мере увеличения государства отношения между вел. князьями и этими их слугами становились все менее тесными и непосредственными, и имущественные права их возрастали. Вместе с тем возрастали и их личные права: они (даже бывшие полные холопы) получают до некоторой степени право перехода с потерей лишь земли: «А (кто) тех бортников, или псарей не всхочет жити на тех землях, – ин земли лишен, поиди прочь, а сами сыну – князю Ивану не надобе, на которого грамоты полные не будет; а земли их сыну – кн. Ивану» (Сборн. гос. гр. и дог., 1, 40). Хотя право перехода было отнято потом у всех классов, но другие приобретенные дворянами личные права остались за ними и таким образом вполне уравнились с правами бояр.

Полное уравнивание бояр и дворян произошло при Иоанне Грозном, от времени которого сохранился указ об уравнивании службы бояр, князей, детей боярских и «воинов» (дворян) по их вотчинам, поместьям и денежному жалованию. Тогда и бояре становятся дворовыми слугами и дворяне землевладельцами на равных правах.

Составляет ли служилый класс сословие? Разряды служилых людей. Из вышесказанного следует, что служилыми людьми называется класс населения, обязанный службой (придворной, военной, гражданской) и пользующийся за нее частными земельными владениями на условном праве. Основание для отдельного бытия этого класса дается не правами его, а обязанностями к государству. Обязанности эти разнообразны, никакого корпоративного единства члены этого

класса не имеют. Сколь многообразны служебные обязанности, столь же различны и разряды, на которые делился этот класс. Это: а) *члены боярской думы*: бояре (высший чин, жалуемый царем), окольничьи и думные дворяне (т. е. дворяне, введенные в думу, допущенные к участию в ее заседаниях); б) *придворные чины*, как высшие: спальники, стольники, стряпчие, так и низшие; в) *военные люди*: жильцы (гвардия), дворяне московские (испомещенные в Московском уезде), дворяне городовые (самый многочисленный и центральный разряд служилого класса, давший имя будущему высшему сословию – дворянству), дети боярские (прежде примыкавшие к боярскому классу, а с XVI в. попавшие в самый низший разряд служилых людей). Переходом от военного служилого класса к тяглому населению были разряды *низших служб*, образовавшиеся с середины XVI в.: стрельцы, пушкари, казаки, драгуны, воротники, рейтары и солдаты; г) *лица гражданской службы* – дьяки и подьячие (думные дьяки, дьяки приказные, дьяки городовые, площадные и др.); д) к служилым царским людям надо присоединить *дворян и детей боярских архиерейских и знакомцев боярских* (военные дружины бояр и служилых князей); те и другие, вместе с частной службой, отправляли и государственную (военную в походах и административную в вотчинах).

Способы вступления в высший класс и выхода из него. Соответственно с понятием о служилом классе основной способ вступления в служилые люди есть *определение в тот или другой разряд государственной службы* (а не пожалование каких-либо прав потомственных или личных). Перевод лиц из одного разряда в другой есть *возвышение чиновников по степеням чинов и должностей*. Определение лиц в разряд военнослужащих называлось *верстанием* (запись в полковые списки и назначение жалованья поместного или денежного). Такое поступление на службу прежде не принадлежало исключительно какому-либо классу по происхождению: в XV, XVI и до середины XVII в. «верстали (в дети боярские) и холопов, крестьян и посадских людей». В разряд гражданской службы набирались из поповых и дьяконовых детей, торговых людей гостиной и суконной сотен, из черных сотен всяких посадских людей, из пашенных людей и их детей» (Уст. кн. зем. прик., ст. XXIX). Хотя наборы дворян и подьячих из лиц несслужилых классов были запрещены указами 1639 и 1652 гг., но на практике поступление таких лиц на службу продолжалось и во второй по-

ловине XVII в; Котошихин пишет: «А кто из них (людей посадских, духовных, боярских слуг) отпустил своего сына на службу в солдаты, или рейтары, или в приказ подьячим и иным царским человеком, а те их дети от малыя чести дослужатся повыше и за службу достанут себе поместья и вотчины, – и от того пойдет дворянский род». Лишь в конце XVII в. (указы 1675 и 1678 гг.), окончательно предписано верстать только сыновей детей боярских, что, впрочем, относится уже к периоду реформ (к началу образования из служилых людей дворянского сословия). Как лица, происшедшие не от служилых людей, могли верстаться на службу, так и сыновья лиц служилых не получали никаких особых прав с момента рождения; при совершеннолетию (15 лет) они подвергались верстанию и только тогда уже принадлежали к служилому классу. Разумеется, большая часть дворян и детей боярских верстана из сыновей прежних служилых людей; таким образом, *рождение* лишь косвенно вело к усвоению звания служилого человека.

Определение на службу не имеет ничего общего ни с выслугой дворянства, ни с пожалованием (явлениями периода империи).

Одним из видов поступления на службу является *запись на службу иностранцев и инородцев*. Всякий (не торговый) иностранец, приезжая служить, записывался в тот или другой разряд служилых людей (смотря по годности его и милости царя) без удостоверения о дворянских правах его в прежнем отечестве и без условия приобретения дворянских имений. Значительная часть русских дворянских родов ведет себя (более или менее правдоподобно) от потомков византийских императоров – Ангелов, Палеологов, Кантакузенов, Ласкарисов; египетских царей (? из ногайских князей); потомков императора Оттона (Челишевы), итальянских герцогов и простых рыцарей немецких, английских, венгерских, французских и т. п.). Но достовернее известно проникновение в служилый класс простых заграничных выходцев и «пленников в государеве имени» (т. е. военнопленных, доставшихся на долю государя), между тем как пленники, доставшиеся частным лицам, поступали к ним в холопство: (см. ук. 1558 г. в ук. кн. ведом, казн., ст. XIII). Им выделялись особые поместья и вотчины в уездах («иноземцовские»); сами «иноземцы» составляли разряд служилых людей, отличавший их от дворян городовых, но совершенно равный этим последним по правам (ук. 1613, 1616, 1630 гг., см. в указ.

кн. помест. прик.). Нет сомнения, что именно примесь иноземного элемента (западного) в служилом классе заронила в него стремление к западноевропейской сословной отдельности. Что касается до служилых татар (мурз) и мордвы, то они наделялись поместьями и вотчинами преимущественно на восточных окраинах, на основаниях, совершенно одинаковых с дворянами и детьми боярскими. Приняв христианство и обрусев, они дали начало многим родам русского дворянства (см. ук. 1635 г. 30 апр, в Ук. кн. Помест. прик.).

Выход из состояния служилого человека обуславливается подобными же причинами, что и вступление в него, а именно оставлением службы. Но дворяне были прикреплены к службе раньше прикрепления посадских и крестьян, а потому действительно служащий был лишен права выхода вовсе: в Судебнике постановлено: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит» (Суд. цар., ст. 81); но в 1558 г. было разрешено сыну дворянина, которому уже больше 15 лет, но он службы не служит и в десятню не записан (значит, в службе не пригодился), может давать на себя служилую кабалу частным лицам (ук. 1 сентября в Ук. кн. ведом, казн., ст. XII). В 1641 г. дворяне подали царю челобитную о том, что многие из их товарищей, «не хотя государевы службы служить и бедности терпети», перешли в драгуны и в другие службы или били челом в холопство во дворы боярам и дворянам; указом 1642 г. было велено всех таких дворян (кроме неверстаных) вернуть на службу и на будущее время выход из служилого состояния совершенно воспрещать.

Права и преимущества лиц служилого класса. В то самое время, когда боярство сливалось с дворянством и общий уровень его прав понижался, в высших слоях боярства зародилась мысль об аристократических привилегиях в управлении государством (в малолетство Грозного и снова при Федоре Иоанновиче и в Смутное время); эти попытки окончились новыми принижениями боярства; но и в них шла речь не о правах «дворянского сословия», а о привилегиях олигархии немногих родов, случайно стоявших тогда близ трона. Что же касается общих прав всех служилых людей, то некоторые особые права служилых лиц принадлежат им как людям, состоящим на государственной службе, а не как членам сословия. *Право на охранение чести* неодинаково для разных разрядов служилых лиц (Суд. 1550 г., ст.

26; Улож. ц. А. М., X. 90 и сл.): «бесчестие» (денежный штраф за оскорбление служилых лиц) соразмеряется с денежным жалованием или с величиной доходов от кормления «по книгам» (в которых исчислялись эти доходы); низшие разряды служилых лиц получают «бесчестья» менее гостей и торговых людей гостиной сотни (Улож. X, 94 – 95). Привилегии в *уголовном праве* изъясняются отчасти также служебным положением дворян; сначала господствовало равенство наказаний («дворяном... чинить по тому ж, как и иным вором» – Уст. кн. разб. прик., ст. 15); но потом (в XVII в.) за непредумышленное убийство крестьяне наказывались кнутом, а дети боярские – тюремным заключением (Уст. кн. разб. прик., ук. 17 февраля 1625 г.). Особенно же принцип неравенства наказаний заметен в Уложении (X, 133, 135; XXI, 39 и 40, 69 – 73, 79 и 80; XXIII, 10 и 12), но относящиеся сюда постановления случайны и объясняются каждый раз особыми мотивами (например, если помещик побьет *своих* крестьян-разбойников, не представив их в губу, то наказывается лишением поместья, а слуга его за такое же деяние подлежит смертной казни, очевидно потому, что помещик наказывается не за убийство, а за превышение предоставленной ему судебной власти над крестьянами). Особенности права при *взысканиях по обязательствам – правеж* – состоят в том, что за 100 руб. долга дворянин подвергается правежу (битью перед приказом) два месяца, а лица тяглые – один (Указ 15 декабря 1557 г.); это *privilegium odiosum* объясняется тем, что тяглый человек затем выдается головой, а дворянин отделяется только правежом; а это, в свою очередь, зависит от того, что служилый человек обязан службой и не может вступить в частную зависимость. Право выставить за себя на правеж своих слуг и холопов принадлежит всем работодладельцам. Из сферы имущественных прав дворянам принадлежит *право владеть вотчинами и поместьями*, но право на владение недвижимым имуществом (на основании тяглой службы) имели и лица тяглого класса; вотчинами владели церковные учреждения и гости; право поместное принадлежит исключительно служилым людям потому, что это есть жалование за службу, которого не может получать тот, кто не служит. *Право на государственную службу* (как было указано выше) есть прикрепление к службе, от которого многие из дворян бежали в частное холопство; но мы видели также, что на службу верстались не только дети служилых людей, особенно на службу

гражданскую (в дьяки и подьячие). В выборных учреждениях тяглые люди или заседают вместе с дворянами (в губных), или одни (в земских). Право быть избранным на земские соборы (от которого, однако, многие уклоняются, о чем см. ниже в главе о земских соборах) простиралось и на духовных, посадских и крестьян (в Польше и Литве, при действительно сословном строе государства, на сейме присутствуют только шляхтичи и наиболее значительные лица города – *in corpore*, но не мещане). Само собою разумеется, что высшие разряды службы и звания (боярское звание, окольниковство и пр.) доставались людям более знатным и богатым (особенно же – бывшим владельческим князьям) и что каждый член такого рода хотел и своих сыновей поставить в то же звание, а главное – не занимать места ниже рода равного или низшего; отсюда возникает местничество.

Местничество есть исключительно принадлежность московского государственного права и не может существовать в государствах, в которых господствует сословный строй. Оно образовалось не ранее XV в., т. е. со времени превращения бояр в обязательно-служилых людей. Сущность его состоит в споре боярских родов между собой о служебном старшинстве. *Предметом спора* были не самые места или роды службы, а относительное положение на службе одного служилого человека перед другим. Причина происхождения этого явления заключается в том, что *родовая честь зависит от служебной*: занятие низшей должности может понизить навсегда значение рода перед другим (чего не может быть в сословиях, в которых права членов не зависят от службы). Места, о которых идет спор, или *разряды*, суть степени служебных должностей (классы). Так, в военной службе различались большой полк, правая рука, передовой и сторожевой полки (равные) и левая рука. В административной службе по разрядам распределялись города – главные в отношении к пригородам; различались также и части города по своей важности (в Москве: Большой город, Китай-город, Царев-город, в других городах – Вышгород, Кремль и Земляной город) при назначении воевод и объезжих голов. Различались также по важности приказы; здесь (как и в городах) местничались главные судьи (там – главные воеводы) с товарищами. То же было и в посольствах. В придворной службе различались не только роды ее, но собственные места при встрече послов, за царским столом и

пр.; здесь местничались не только мужчины, но и женщины (по службе при царице).

Местничавшие ссылались на *случаи*, т. е. прежнее относительное положение их предков по службе; иногда они указывают такие случаи за пределами Московского государства (на прежней службе в Рязани, Твери и даже в Крыму, если то были выходцы из татар; но последние не принимались в расчет). В числе доказательств в местнических вопросах представлялись и родословные, но не с целью доказать древность рода вообще и его заслуги перед государством, а чтобы указать старшинство рода перед другими на лестнице служебной иерархии. Рассмотрение местнических счетов принадлежало боярам, а решение – царю; оно оканчивалось или признанием притязаний, или наказанием для поднявшего спор «за бесчестие» того, против кого он был начат (выдача головой; см. прим. Татищева к 55 ст. Суд. ц.). Что местничество не было проявлением аристократических тенденций, на это указывает то обстоятельство, что местничались между собою не одни родовитые фамилии, но и «худородные» люди (дьяки по приказам). Хотя при одном случае местничества князя Волконского с боярином Головиным бояре стали на сторону последнего и сказали, что «за службу государь жалует поместьем и деньгами, а не отечеством» (Разр. кн. I, 206), но этим выражали полное отрицание аристократических начал, ибо князь Рюрикович во всяком случае аристократичнее боярина из простых греков-выходцев; бояре только хотели сказать, что предки Головина служили в высших чинах, чем предки князя Волконского.

Как явление в высшей степени вредное для государственной службы, местничество ограничивалось царями еще в XVI в. (см. указ 1550 в Ук. кн. ведом, казн.). В XVII в. при частных случаях (особенно военных походов) часто объявляли: «быть без мест» (т. е. на данный случай не должны распространяться местнические счета). В 1681 г. была проведена общая реформа (по поводу нового военного устройства): земский собор (из представителей служилого класса под председательством князя В. В. Голицына) решил отменить местничество; царь и боярская дума (с собором духовенства) утвердили это решение 12 января 1682 г., повелев прежние местнические дела предать огню (что и было исполнено в печке государевой передней палаты в присутствии депутации от думы и архиереев). Но с уничтожением мест-

нических книг тотчас же были учреждены в разряде родословные. Это означало переход от служебной иерархии к сословному равенству, от состояния служилых людей к состоянию «шляхетства» (под сильным влиянием порядков Литовско-Польского государства, с которым во 2-й половине XVII в. московские люди вошли в ближайшие отношения).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Из кого состоял служилый класс?
2. Кто такие «слуги под дворским»?
3. Какие способы образования служилого класса выделял М. Ф. Владимирский-Буданов?
4. Составлял ли служилый класс сословие?
5. Перечислите способы вступления в служилый класс и выхода из него.
6. В чем состояли права и преимущества служилого класса?
7. Как М. Ф. Владимирский-Буданов характеризовал местническую систему?

СУДЕБНИКИ И УКАЗНЫЕ КНИГИ (XVI И 1-Я ПОЛОВИНА XVII В.)

(Извлечение)

Судебник великого князя Иоанна Васильевича 1497 г. Как ни однообразно было содержание уставных грамот в существенных чертах, между ними были значительные различия в подробностях: центральному правительству приходилось каждый раз справляться с этими местными законами. При многочисленных местных законах центральное управление и суд не были определены никаким законом. Поэтому, когда в конце XV в. все области Северной Руси собрались вокруг Москвы, то Иоанн III решил объединить местные законы в один общий. Проект такой работы был выполнен дьяком Владимиром Гусевым, а затем получил силу закона в 1497 г. с сентября (тогдашнего нового года), будучи утвержден великим князем с его детьми и боярами. Новый общий закон не имел никакого названия, но он обычно

именуется Судебником по аналогии с Судебником Иоанна IV и по существу своего содержания (этот памятник после появления царского Судебника был утрачен, и до XIX столетия о нем знали только по выдержкам в латинском переводе, которые приложил к своим мемуарам Герберштейн; лишь в 1817 г. он был найден и напечатан в 1819 г. Строевым и Калайдовичем). Судебник разделен на статьи, большая часть которых отделена особыми заглавиями, остальные – пунктуацией и совершенно очевидной разницей содержания. *Источник*, из которого заимствованы постановления в судебник, составляют уставные грамоты местного управления; это не только основной, но почти единственный источник первой и второй части памятника, с той разницей, что относительно центрального суда заимствуется содержание уставных грамот в выдержках, а относительно провинциального переписывается почти буквально. Но составитель Судебника имеет также в руках и *Псковскую судную грамоту*, из которой сделал (весьма бедные) заимствования материального гражданского права. При этом московский рецептор приспособлял вечевое законодательство к особенностям Низового государства: так, закон о послушестве (ст. 50) получил здесь, несмотря на внешнее сходство, совершенно иной внутренний смысл: послушество уже не зависит от воли послуха; явка на суд обязательна для послуха, как и для простого свидетеля. Затем московский рецептор сокращал узаконения Псков. судн. грам., причем иногда извращал их смысл (по ст. 54 всякий наймит, без различия – будет ли то дворный, или для урочного дела, лишается всей заработной платы, если не дослужил срока). Иногда Судебник дополняет текст Пск. судн. гр. пояснениями, совершенно излишними для юридического псковского языка, который был понятен в Москве (см. ст. 9, где к техническим словам «живота ни дата» прибавлен плеоназм: «казнити его смертною казнию»). Иногда, напротив, Судебник заимствует буквально из Псковской судной грамоты постановления, противоречащие другим законам Московского государства, которые внесены в тот же Судебник (см. 49 и 52 ст. о послушестве). Вообще же Судебник гораздо беднее Псковской грамоты по содержанию, юридической концепции и искусству редакции. Далее, перед московским законодателем была *Русская Правда*, но он взял из нее (несомненно) лишь одну статью (55 – о займе, т. е. взыскании с несостоятельного). Благодаря своему одностороннему содержанию (о су-

допроизводстве) Судебник почти совсем не мог воспользоваться живым *обычным правом*, кроме некоторых единичных понятий уголовного права (например, об отличии ведомого лихого человека от простого преступника) и немногих понятий гражданского права (ст. 63 – о трехлетней давности; ст. 61 – об ответственности за потраву соседей, обязанных огораживать поля; ст. 57 – о переходе крестьян в Юрьев день). Некоторые постановления несомненно должны быть приписаны, как новые, Иоанну III; например, запрещение отказывать в правосудии (ст. 2), законы о взяточничестве и лжесвидетельстве (67) и некоторые другие.

Содержание и система Судебника определяется отчасти его источниками. Его можно разделить на три части: *первая* (ст. 1 – 36) о суде *центральном* (с вставочной частью уголовного содержания); *вторая* (ст. 37 – 44) о суде *провинциальном* (наместничьем); так как содержание обеих этих частей взято из уставных грамот, то в той и другой части постановления иногда буквально повторяются (ср. например, 8 ст. с 39 о татьбе). *Третья часть* (ст. 46 – 55 с добавочными ст. 67 – 68) содержит в себе главным образом материальное право (о давности, наследстве, договорах займа и найма, купле-продажи, о переходе крестьян, о холопстве). Из такого состава Судебника само собой ясно, что основное содержание его есть *процессуальное право*: «уложил вел. князь... о суде, как судити бояром и окольниковичим»; таким образом, первая форма общего закона в Московском государстве далеко не охватывает всех правовых норм, бывших в юридическом обороте, а потому Судебник отнюдь не исключает огромного применения в жизни обычного права.

Судебник царский 1550 г. Такая односторонность и недостаточность 1-го Судебника обнаружилась вскоре после его создания; сын Иоанна III – вел. кн. Василий – дополнил законы отца; Судебник Василия Иоанновича не дошел до нас, но сын Василия – Иоанн IV, создавая новый Судебник, конечно, имел перед собою законы отца и включил их в свои. Судебник царский издан так же, как и 1-й, царем с участием его братьев и бояр. Говоря о земских соборах, выразили предположение, что большие реформы 50-х гг. XVI в. могли быть вызваны совещаниями с первым земским собором. Хотя в том же 1550 г. Судебник был подготовлен, но на Стоглавом соборе 1551 г. (на котором присутствовали не одни духовные лица, но и «братья в. кн.,

князи, бояре и воины») царь предложил его на рассмотрение и утверждение: «прочтите и рассудите, – говорил он – ...аще достойно сие дело, на св. соборе утвердив, подписати на Судебник и на уставной грамоте». Подлинник Судебника, подписанный членами собора, должен был храниться «в казне» (где хранились тогда вообще государственные акты). Итак, Судебник должен был получить свою силу только с 1551 г. С изданием Уложения царя Алексея Михайловича и этот Судебник, подобно 1-му, был забыт и утрачен; несколько экземпляров его открыл Татищев; сличив их, он собрал дополнительные статьи, присоединил свои примечания (с учебно-практическим направлением) и в таком виде сдал рукопись в Академию наук; но лишь в 1768 г. появился в печати этот памятник в татищевской обработке. С тех пор Судебник издавался несколько раз.

Основным источником для цар. Судебника послужил 1-й Судебник с дополнениями вел. кн. Вас. Иоанновича и новыми узаконениями самого Грозного. Из сравнения обоих Судебников оказывается, однако, что царский не просто заимствует из 1-го, а перерабатывает заимствуемое двояким образом: а) в Судебнике 1-м нередко постановления не имеют второй существенной части (о последствиях нарушения закона), которая и придается им в Судебнике царском; например, Судебник 1-й (ст. 2) запрещает судьям отказывать в правосудии тем лицам, которые им подсудны, но не полагает никакого наказания за такой отказ; Судебник царский (ст. 7) прибавляет: «быти от государя в опале». Судебник 1-й (ст. 1) запрещает судьям брать взятки и решать дела по пристрастию, но не полагает за то никакого наказания; царский (ст. 3 – 5) назначает несколько наказаний за разные виды умышленного неправосудия. Вообще 1-й Судебник представляет собою закон в виде *lex minus perfecta*; царский – *lex perfecta*; б) Судебник царский расчленяет постановления 1-го Судебника, создавая нередко из одной его статьи несколько статей: так, в приведенном сейчас примере умышленное неправосудие может быть совершено по вине боярина (судьи), дьяка или подьячего; оно может быть следствием подкупа судьи, подлога или искажения акта дьяком; все это выделено в царском Судебнике в отдельные статьи. Впрочем, гораздо чаще добавления Судебника царского вмещаются внутри текста той же статьи, не создавая новых (например, ст. 7 – 15). Значительную часть (1/3) Судебника царского составляют *новые статьи* (всех

со статьями разъяснительными – 32), из которых некоторые могли быть составлены при самом издании царского Судебника; но большая часть их должна быть отнесена на счет утраченного Судебника Василия Иоанновича и вообще указов, дополнивших 1-й Судебник от 1497 г. по 1550. Отделить эти две группы новых статей одну от другой довольно трудно; лишь до некоторой степени можно исполнить эту задачу, приписав самому Грозному те статьи, в которых заметно направление к сокращению произвола и к усилению самоуправления низших классов. Можно указать следующие цельные группы новых постановлений: 1) статьи 20 – 26, 28 – 30 (о некоторых формах обвинительного процесса и о бесчестье); 2) ст. 64, 63, 68 – 71 и 73 (о наместническом суде); 3) ст. 77 – 82, 85 (о холопстве, кабале и о праве родового выкупа); 4) ст. 97 – 98 (о силе действия и порядке составления законов). Иоанну IV можно приписать постановления об уничтожении тарханских грамот (ст. 43), дополнительные постановления об участии старосты целовальников в наместническом суде (ст. 62, 68, 69, 70).

Сила действия закона и отношение его к обычному праву в эпоху Судебников. Из сравнения содержания двух Судебников оказывается, что закон в промежуток времени, разделяющий их, сделал весьма незначительные успехи, выработав мало новых норм, и царский Судебник есть памятник преимущественно процессуального права; почти все право гражданское стояло еще вне сферы определений закона. Несмотря на такую бедность юридического содержания, второй Судебник объявил закон всеобъемлющим и единственным источником права: «вперед всякие дела судити по сему судебнику» (ст. 97); если же возникнут дела о предметах, не предусмотренных Судебником, то они должны решаться не по обычному праву, а должны быть предоставлены для разрешения законодательной власти, которая даст по этим поводам новые законы (ст. 98). Едва ли такая идеальная всеобъемлющая сила закона тотчас же осуществилась в практике: многие дела впоследствии могли разрешиться по установившимся обычаям судьями, не восходя к законодателю. В тех же статьях царского Судебника содержатся определения о способах составления закона: инициатива закона (кроме непосредственной инициативы законодательной власти, что само собою разумеется) могла исходить от подчиненных властей, представляющих к разрешению новые вопросы, возникающие на практике. Самое творчество закона принадлежит ца-

рю и боярской думе в возможно полном составе («всех бояр приговору»). Действие закона начинается с момента его издания («с которого дни уложил»), что, впрочем, на практике должно было сводиться к тому моменту, когда закон стал известным для подданных. О публикации закона Судебники молчат; они предписывают чрезвычайные меры публикации лишь для одного постановления, вошедшего в них, именно о воспрещении брать посулы и лжесвидетельствовать («веле-ти прокликати по торгам на Москве и во всех городех...»); особые меры публикации (кроме обычной рассылки списков закона в присутственные места) едва ли были нужны для такого закона, который со-держал в себе процессуальные нормы и обращен был к судьям и пра-вительствам, а не к населению. Закон не имеет обратного действия: «которые дела преж сего Судебника вершены... быти тем делом всем... как прежде сего вершены...» (ст. 97, ср. ст. 78). Общий закон действует на пространстве всего государства (ср. ст. 99 цар. Суд.) в противоположность прежним местным законам.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключались причины создания Судебника 1497 г.?
2. Перечислите источники Судебника 1497 г.
3. Как М. Ф. Владимирский-Буданов характеризовал систему и структуру Судебника 1497 г.?
4. Каковы были причины создания Судебника 1550 г.?
5. Перечислите источники Судебника 1550 г.
6. Как действовал закон в XVI в.? Как соотносилось действие закона и обычая?

ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

СУДЕБНИК 1497 года
Под редакцией Б. Д. Грекова

В сентябре месяце 1497 года Великий князь всей Руси Иван Васильевич со своими детьми и с боярами установил, как судить боярам и окольниковым.

Ст. 1. Суд осуществляется боярами и окольниковыми в присутствии дьяков. Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной.

Ст. 2. Судья обязан принять всех обратившихся к нему истцов и разобрать дело, если оно не превышает компетенции данного судьи. Если дело не подсудно данному судье, он должен доложить об этом великому князю или послать истца к тому судье, в компетенцию которого входит разбор данного дела.

Ст. 3. Со стороны, признанной судом виновной, взыскивается боярином и дьяком судебная пошлина: боярину 2 алтына, дьяку 8 денег, если цена иска в деле равна рублю. Если цена иска выше или ниже рубля, боярин получает по соответствующему расчету.

Ст. 4. О пошлинах за судебный поединок. Если стороны в процессе судебного разбирательства придут к примирению до начала поединка, с них взыскивается пошлина из расчета по 2 алтына с рубля боярину, а дьяку по 8 денег. От уплаты окольниковому, дьяку и недельщику пошлин за судебный поединок стороны освобождаются.

Ст. 5. Если стороны придут к примирению во время судебного поединка, с них взыскиваются судьями пошлины по тому же расчету, а также четвертая часть в пользу окольникового и недельщика и 4 алтына с деньгою дьяку. Недельщик взыскивает дополнительно 2 алтына за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его.

Ст. 6. Если судебным поединком решаются споры, вытекающие из обязательств по договорам займа или по делам о личном оскорблении, то с побежденного боярин и дьяк взыскивают пошлины в размере, равном сумме иска, окольниковый и недельщик – полтину, а дьяк – четверть. Недельщик взыскивает также за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его 4 алтына.

Ст. 7. Если судебным поединком решаются дела о поджогах, или убийстве, или разбое, или воровстве, то с побежденного берутся требуемая другой стороной сумма иска и пошлины:

окольничему полтина и доспехи, дьяку четверть, а недельщику полтина и за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его 4 алтына. Побежденный подвергается также наказанию и «продаже» по усмотрению судьи.

Ст. 8. О воровстве. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком «лихом деле» окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяется иск. Оставшаяся часть имущества поступает судьям. Пошлина и «продажа» делятся судьями; боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег. При отсутствии у лихого человека имущества для удовлетворения иска он не может быть выдан стороне для отработки или до выплаты долга, а должен караться смертной казнью, которая осуществляется тиуном Московского великого князя.

Ст. 9. Совершивший убийство господина, крамолу, церковную кражу или святотатство, кражу, сопровождавшуюся убийством, передачу секретных сведений или оговор невиновного, поджог города с целью предать его врагу, а также ведомый лихой человек карается смертной казнью.

Ст. 10. О ворах: если вор впервые совершит кражу, кроме кражи церковной или сопровождавшейся убийством, и никаких доказательств о совершении им ранее краж не будет, он карается торговой казнью, подвергается «продаже» по усмотрению судьи, и с него взыскиваются убытки, понесенные истцом. При отсутствии у виновного имущества для возмещения убытков, понесенных истцом, он подвергается битью кнутом и выдается истцу в холопство до уплаты или отработки нанесенных им убытков, а взыскания судьи не производятся.

Ст. 11. Вор, совершивший кражу вторично, карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает судье. При отсутствии у такого вора имущества, с которого можно взыскать убытки, понесенные истцом, он не выдается истцу до отработки или выплаты долга, а карается смертной казнью.

Ст. 12. Обвинение кого-либо в воровстве со стороны пяти-шести добрых людей из числа детей боярских или черносошных крестьян, подкрепленное присягой, в случае, если будет доказано, что обвиняемый воровства ранее не совершал, влечет для него обязанность удовлетворить предъявленный истцом иск без разбора дела по существу.

Ст. 13. О поличном. Если пойманный впервые с поличным будет признан под присягой пятью-шестью добрыми людьми вором, совершавшим кражи неоднократно, он карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом.

Ст. 14. О воровском оговоре. Кого оговорит вор, того допросить: если оговор подтвердится доказательствами, оговоренного пытаться для выяснения обстоятельств воровства, если доказательств по обвинению в прежнем воровстве не будет, то оговору вора не верить и передать оговоренного поручителя до окончания расследования.

Ст. 15. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: за приложение печати – 9 денег, за подпись дьяку – алтын, за написание документа подьячему – 3 деньги.

Ст. 16. О докладном списке. Докладной список скрепляется печатью боярина и подписывается дьяком. За список взыскивается пошлина из расчета с рубля: боярину за приложение печати по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги, подьячему за написание решения вышестоящего суда по 2 деньги.

Ст. 17. О правой грамоте по холопским искам. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с человека боярину за приложение печати по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, а подьячему за написание грамоты по 3 деньги.

Ст. 18. Об отпускной грамоте. Отпускная грамота без боярского утверждения и без подписи дьяка, а для городов – без утверждения наместником, пользующимся правом решать наиболее важные дела, является недействительной, за исключением грамоты, написанной собственноручно господином холопа.

Ст. 19. О неправомерном разбирательстве дела. Решение, вынесенное судьей без надлежащего разбора дела в суде, признается не-

действительным, а ответчику возвращается все взысканное с него. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение.

Ст. 20. Указ о наместниках. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать особо важные дела, запрещается решать дела о выдаче холопа или рабы и выдавать правые (в отношении своего господина), беглые или отпускные грамоты без утверждения вышестоящей инстанции.

Ст. 21. О суде великого князя. При осуществлении суда великим князем или детьми великого князя судебные пошлины с виновного взыскиваются в том же размере, что и при разборе дел боярским судом, то есть из расчета с рубля по 2 алтына.

Ст. 22. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику великого князя или детей великого князя за приложение печати – по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, подьячему за написание грамоты по 3 деньги.

Ст. 23. С холопа и с рабы за выдачу правой грамоты взыскивается печатнику с человека по 9 денег, а подьячему за написание грамоты с человека по 3 деньги.

Ст. 24. О докладном списке. Докладной список, утвержденный великим князем или детьми великого князя, скрепляется печатью великого князя или детей великого князя. С докладного списка взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за проставление печати – по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, а подьячему за написание решения вышестоящего суда – по 2 деньги.

Ст. 25. О бессудной грамоте. За выдачу бессудной грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за приложение печати и дьяку за подпись по алтыну, а подьячему по 2 деньги.

Ст. 26. О срочных грамотах. За выдачу срочных грамот взыскивается пошлина дьяку за подпись по 2 деньги. За изменение срока явки сторон в суд пошлина взыскивается из расчета: дьяку за подпись с рубля по 3 деньги и подьячему за написание новой срочной с рубля по 2 деньги. Если изменение срока происходит по просьбе обеих сторон, то связанные с этим пошлины (в том числе «хоженое» недель-

щику) уплачиваются сторонами поровну, а если по просьбе одной стороны, то уплата всех пошлин возлагается на нее. Срочные грамоты хранятся у дьяков.

Ст. 27. О бессудных грамотах. В случае неявки на суд ответчика в назначенный срок, наступление которого устанавливается непосредственно дьяками путем рассмотрения срочных грамот, не явившийся признается виновным без разбора дела, и явившейся стороне подьячим выдается бессудная, а не срочная грамота. Бессудная грамота выдается на восьмой день после назначенного срока.

Ст. 28. О приставных грамотах. За оформление приставной грамоты по делу с ценой иска в один рубль из суммы езда взыскивается по алтыну в пользу печатника за приложение печати и дьяка – за подпись, при увеличении или уменьшении суммы езда пошлины взыскиваются из того же расчета. Приставная по делу, в котором цена иска меньше суммы езды, дьяком не подписывается. Приставные подписываются дьяком обязательно в присутствии недельщиков. Сумма езды не зависит от того, сколько истцов участвуют по долям в оплате езды, и определяется в зависимости от расстояния до города, указанного в приставной грамоте.

Ст. 29. Пошлина недельщику за вызов в суд в пределах Москвы устанавливается в размере 10 денег и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу. За поручительство вознаграждение брать запрещается. Сумма езды зависит от расстояния и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу.

Ст. 30. Указ о пошлинах недельщику за выполнение обязанностей вне пределов города. Пошлины устанавливаются в следующем размере: от Москвы до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни 10 алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина 25 алтын, до Калуги рубль, до Ярославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 алтын, до Можайска полтина, до Медыни 25 алтын, до Вязьмы полтора рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынского 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвертью, до Белева то же, до

Мезецка 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переяславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четвертью, до Вологды 2 рубля с полтиной, до Белозера 2 рубля с полтиной, до Устюга 5 рублей, до Вычегды 7 рублей, до Двины и до Колмогор 8 московских рублей, до Владимира рубль с четвертью, до Костромы полтора рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертью, до Галича 2 рубля с полтиной, до Мурома полтора рубля, до вотчины Стародубских князей полтора рубля, до Мещеры 2 рубля, до Нижнего Новгорода 2 рубля с полтиной, до Углича рубль, до Бежецкого Верха полтора рубля, до Романова рубль с четвертью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцева и до Опок рубль, до Хлопни 40 алтын, до Ржева рубль с четвертью, до Великого Новгорода 2 московских рубля с полтиной.

Ст. 31. Поездка с приставной грамотой и выдача ответчиков на поруки осуществляется лично недельщикам. Им разрешается посылать с приставной грамотой только лиц своей фамилии, а не людей, нанятых для выполнения какой-либо работы. Во время поездки с приставной грамотой запрещается брать вознаграждение за поручительство. Указ о недельщиках. В том городе, где проживает недельщик, ему запрещается выполнять служебные обязанности по всем делам, а также посылать вместо себя каких-либо лиц.

Ст. 32. Убытки, причиненные волокитой, и расходы, связанные с оформлением срочной, правой или бессудной грамот, взыскиваются выигравшим по суду дело со стороны, признанной судом виновной.

Ст. 33. Недельщикам запрещается просить и брать вознаграждение как для судей за разбор дела, так и в свою пользу за поручительство.

Ст. 34. Недельщик, которому поручено допросить вора, должен вести допрос добросовестно, не заставляя вора оговаривать кого-либо, и сообщить результаты допроса великому князю или судье. Недельщик, посланный для ареста воров, обязан производить арест добросовестно, не потакая никому. Запрещается отпускать арестованных воров, брать с них взятки, а также арестовывать посторонних людей.

Ст. 35. Недельщику запрещается без обращения в вышестоящую инстанцию отдавать на поруки или подвергать «продаже» воров, находящихся у него под арестом.

Ст. 36. В случае передачи вора на поруки любое дело должно передаваться в суд без волокиты. Запрещается волокита при выдаче крестьянам бессудных грамот или при перенесении срока явки в суд, а также получение чего-либо за выдачу бессудных грамот. Если срок явки в суд откладывается с согласия обеих сторон, то недельщик получает с них одну пошлину («хоженое»). По взысканию езда устанавливается поручительство до окончания расследования дела. После решения по делу езд взыскивается со стороны, признанной судом виновной. Если истец или ответчик не поедет в суд лично, а пошлет вместо себя кого-либо для изменения срока явки в суд, то недельщик взыскивает пошлину («хоженое») только одну и с того, кто послан изменить срок.

Ст. 37. Указ наместникам о городском суде. Недельщик или заменяющий его человек, приехавший с приставной грамотой в город или волость, обязан предъявить приставную грамоту наместнику или волостелю или их тиунам. Если обе стороны подсудны суду того же города или волости, то недельщик обязан доставить их к наместнику волостелю или их тиунам.

Ст. 38. При осуществлении суда боярами или детьми боярскими, пользующимися правом решать наиболее важные дела, должны присутствовать представители местной администрации (дворский, староста) и верхушки посадских людей и черных крестьян («лучшие люди»). Без этих лиц не могут осуществлять суд и наместник и волостель. Наместникам, волостелям, их тиунам и людям, сборщикам пошлин запрещается за производство суда брать взятки для себя или своего господина. За производство суда, если истец докажет свой иск, взыскивается с виновного пошлина, размер которой установлен грамотами. При отсутствии грамот пошлина взыскивается в размере суммы иска. Если истец не докажет своего иска и будет призван виновным с него взыскивается пошлина наместникам 2 алтына, а тиунам 8 денег, если сумма иска равна рублю. Если сумма иска выше

или ниже рубля, пошлина взыскивается по соответствующему расчету. Размер езда и пошлин, взыскиваемых доводчиком за вызов сторон в суд, расследование дела, производство суда и организацию судебного поединка, определяется грамотами. При отсутствии грамоты пошлина в пользу доводчика с тиуном в случае примирения сторон взыскивается в размере половины суммы иска. Если судебным поединком разрешаются дела по обязательствам из договоров займа или дела о личном оскорблении, то пошлина взыскивается в размере, равном сумме иска. Если судебным поединком разрешаются дела о поджогах, убийстве, разбое или воровстве, то побежденная сторона обязана уплатить требуемую другой стороной сумму иска. Помимо этого, побежденная сторона подвергается наказанию и «продаже» по усмотрению наместника.

Ст. 39. Указ о ворах. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает наместнику и его тиуну. При отсутствии у обвиненного имущества для удовлетворения убытков понесенных истцом, он не может быть выдан стороне до отработки или выплаты долга, а должен караться смертной казнью.

Ст. 40. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты боярином или боярским сыном, которым предоставлено право решать наиболее важные дела, а также их тиунами взыскивается пошлина за приложение печати из расчета с рубля по 2,5 алтына, а дьякам за написание правой грамоты из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой грамоты тиуном взыскивается за приложение печати пошлина из расчета с рубля по 2,5 алтына в пользу тиуна и его господина и дьяка из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой или отпускной грамоты с холопа или рабы взыскивается пошлина боярином или сыном боярским, пользующимися правом решать наиболее важные дела, за приложение печати по 2,5 алтына с человека, а дьяком за написание грамоты по 3 деньги с человека.

Ст. 41. Тиуну, исполняющему обязанности судьи, запрещается выдавать холопу правые или отпускные грамоты без утверждения господином.

Ст. 42. Об отпускной грамоте. Отпускная грамота, выданная без утверждения ее боярским или наместничьим судом, пользующимся правом решать наиболее важные дела, а также без подписи дьяка является недействительной, за исключением отпускной написанной собственноручно господином холопа.

Ст. 43. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать наиболее важные дела, а также тиунам великого князя и бояр, которым предоставлено право решать все дела, запрещается без согласования с вышестоящей инстанцией отпускать холопов и рабынь на волю и выдавать отпускные грамоты, а также выпускать из-под стражи воров и убийц, передавать в холопство до отработки или выплаты убытков, наказывать и выпускать из-под стражи лихих людей.

Ст. 44. О приставах. Пристав, находящийся при суде наместника, за выполнение своих обязанностей взыскивает пошлину в виде хоженного и езда, размер которых устанавливается грамотами. При отсутствии грамот размер хоженного в городе устанавливается в 4 деньги, а езда из расчета за версту по деньге. При расследовании дела размер пошлин увеличивается вдвое.

Ст. 45. По требованию пристава, посланного по искам к наместникам, волостелям, боярам или детям боярским и их тиунам или тиунам великого князя и доводчикам, последние обязаны своевременно явиться на суд, а при неявке лично послать кого-либо вместо себя.

Ст. 46. О торговцах. Если кто-нибудь купит что-либо на рынке, за исключением лошади, не зная того, у кого купит, а о покупке будет известно двум или трем добрым людям, то если при претензии на купленное с чьей-либо стороны эти люди подтвердят, что спорная вещь действительно была куплена при них на рынке, покупатель считается оправданным и освобождается от присяги.

Ст. 47. Если кто-нибудь купит что-либо на чужой земле, а другое лицо предъявит претензии на эту вещь, то если два свидетеля или два-

три добрых человека надлежащее подтвердят, что вещь была действительно куплена при них на рынке, то покупатель считается оправданным и освобождается от присяги. При отсутствии свидетелей дело разбирается судом.

Ст. 48. О свидетельских показаниях. Если свидетель показывает против ответчика, в делах о личном оскорблении, грабежах, или по обязательствам из договоров займа дальнейший порядок решения спора зависит от воли ответчика либо он вступает в судебный поединок с послухом, либо, начав поединок, под присягой согласится добровольно на уплату суммы иска. Истец в последнем случае считается выигравшим дело без принесения присяги, а ответчик обязан уплатить пошлины за судебный поединок и освобождается от наказания. Если ответчик до начала судебного поединка под присягой добровольно согласится на уплату суммы иска, он платит пошлину судьям, а от уплаты пошлин за судебный поединок освобождается.

Ст. 49. Если ответчик, который должен участвовать в поединке со свидетелем, является престарелым, малолетним, имеющим увечья, или попом, или монахом, или монашкой, или женщиной, он может выставить наймита. Свидетель заменить себя наймитом не может. Причиненные оправданной стороне или ее свидетелю убытки возмещаются признанным судом виновным.

Ст. 50. Если свидетель не явится в суд, независимо от того, мог ли он дать показания по делу или нет, с него взыскивается сумма иска и все убытки и пошлины. Если неявка свидетеля вызвана неверным указанием приставом срока, свидетель мог предъявить иск к приставу.

Ст. 51. Если свидетель даст показания против истца, последний признается проигравшим дело.

Ст. 52. Если истцом является женщина, или малолетний, или престарелый, или больной, или имеющий увечья, или поп, или монах, или монашка, или если свидетели будут давать показания против этих лиц, то такие лица могут нанять наймитов. Истец и послухи могут приносить присягу, а наймит обязан биться. Против чужого наймита истец или ответчик может выставить своего наймита либо биться сам.

Ст. 53. Если сторона вызовет другую через пристава в суд по делам об оскорблении словом или действием или по обязательствам из договоров займа и если обе стороны не захотят судиться, они могут примириться, доложив об этом судье, в этом случае судья не подвергает их продаже, взыскивая с них лишь езд и хоженое.

Ст. 54. Если наймит уйдет до окончания обусловленных работы или срока, он лишается своего вознаграждения.

Ст. 55. О займах. Если купец поедет торговать и займет у кого-либо деньги или товар, а в пути у него этот товар погибнет не по его вине – потонет, сгорит или будет отнят войском, то, выяснив дело, боярин приказывает дьяку великого князя выдать купцу грамоту об уплате суммы, взятой займа, в рассрочку и без процентов. Если кто-либо, взяв что-нибудь для торговли, пропьет или погубит взятое без условий, не зависящих от воли человека, то он выдается истцу в холопство до отработки или уплаты долга.

Ст. 56. Холоп, попавший в плен к татарам и бежавший из плена, становится свободным, освобождаясь от холопства своему прежнему господину.

Ст. 57. О переходе крестьян. Крестьянам разрешается переходить их волости в волость, из села в село лишь в течение одного срока в году: за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после осеннего Юрьева дня. За пользование двором крестьяне платят в степной полосе рубль, а в лесной – полтину. Если крестьянин проживет у господина год, то при уходе он платит четверть стоимости двора, если два года – половину стоимости двора, три года – три четверти, а за четыре года он уплачивает стоимость всего двора.

Ст. 58. Об иностранцах. При исках иностранцев друг к другу порядок решения спора устанавливается по воле ответчика: он может принести присягу в том, что он не виноват, или, присягнув, добровольно уплатить сумму иска, причем истец получает уплачиваемое после принесения им присяги.

Ст. 59. Попа, дьякона, монаха, монахиню, церковного старосту и вдову, находящихся на иждивении церкви, судит святитель или его

судья. Если судится светский человек с духовным, то суд должен состоять из духовных и светских представителей. Если вдова не находится на иждивении церкви, а живет своим хозяйством, она не подлежит духовному суду.

Ст. 60. Если человек умрет, не оставив завещания, то при отсутствии у него сыновей все его имущество и земля передается дочери, а при отсутствии дочери наследует ближний его рода.

Ст. 61. Об изгородях. Расходы по установлению изгородей между селами и деревнями распределяются между владельцами поворну. Если из-за отсутствия или плохого огораживания произойдет потрава, убытки платит тот, кто ставил изгородь. Владелец покосов, удаленных от сел и деревень, не обязан ставить изгородь: изгородь ставит владелец той пахотной земли, которая смежена с отдаленными покосами.

Ст. 62. О межах. Если кто-нибудь перепашет межу или повредит межевые знаки у боярина и монастыря на земле великого князя или у великого князя на боярской и монастырской земле, или у боярина на боярской или монастырской земле, или у монастыря на боярской земле, он подвергается битью кнутом и с него взыскивается рубль в пользу истца. Если перепашет или перекосит межу крестьянин у крестьянина своей же волости или села, то волостель или сельский взыскивает с виновного штраф в 2 алтына и вознаграждение в пользу потерпевшего от перепалки в зависимости от человека и количества перепаханного по своему усмотрению.

Ст. 63. Разбирательство дел о землях. По искам о земле боярина к боярину, монастыря к монастырю, боярина к монастырю или монастыря к боярину устанавливается исковая давность в три года. По искам о земле чернотяглового крестьянина к чернотяглому, или помещика к помещику, получивших землю от великого князя, или чернотяглового или сельского крестьянина к помещику, или помещика к чернотяглому или сельскому крестьянину также устанавливается исковая давность в три года. По искам о землях великого князя к боярам или монастырям устанавливается исковая давность в шесть лет. Спорные земли передаются до суда под наблюдение пристава.

Ст. 64. За пересмотр дел с виновного взыскивается пошлина в размере 2 гривен; с суммы иска меньше рубля пошлина не берется. Пошлина не берется с судных списков; с холопов и по земельным делам. Пошлина берется за каждый судебный поединок. Если кто-нибудь докажет, что судный список основан на ложных фактах и требует нового расследования, назначается пересмотр дела. В этом случае с виновного взыскивается подвойским пошлина в размере 4 денег.

Ст. 65. Если в городе будет два наместника или в волости два волостеля, они и их тиуны взыскивают пошлины, установленные Судебником, в размере, определенном на одного наместника, волостеля или тиуна, и взысканное делят пополам.

Ст. 66. О полной грамоте. Холопом становится человек, продавший себя в полное холопство, поступивший в тиуны или ключники в сельской местности, независимо от того, оговаривает он свою свободу или нет. Холопство распространяется на его жену и детей, живущих вместе с ним у одного господина. Дети, живущие у другого господина или самостоятельно, не становятся холопами. Поступление в ключники в городе не влечет за собой холопства. Холопом становится тот, кто женится на рабыне, или выходит замуж за холопа, или передается в приданое или в силу завещания.

Ст. 67. О взятках и о свидетельских показаниях. Надлежит объявить по рынкам в Москве, во всех городах Московской и Новгородской земли и во всех волостях о запрещении истцам и ответчикам обещать судьям и приставам взятки за разбирательство дела, а свидетелям давать показания, не зная дела, повелев им говорить правду. В случае обнаружения впоследствии ложности показания свидетеля с него взыскиваются все убытки и расходы, понесенные потерпевшим.

Ст. 68. О пошлинах за судебный поединок. По прибытии на поединок окольников и дьяка они выясняют у истцов и ответчиков, кто является их стряпчими и поручниками. Установив это, они приказывают последним находиться у места проведения поединка, но без доспехов, дубин и жердей. Если у места проведения поединка находятся посторонние люди, то окольников и дьяк удаляют их. Если эти люди откажутся уйти, с них взыскивается вся сумма иска и пошлины, а сами они передаются на поруки и предаются суду великого князя.

СУДЕБНИК 1550 года
Перевод В. Б. Цыганова

Введение В июне месяце 1550 г. Царь и Великий Князь всея Руси Иван Васильевич со своими детьми и боярами этот Судебник утвердил: как судить боярам и окольничим, и дворецким, и казначеем, и дьякам и всяким приказным людям, и по городам наместникам, и по волостям волостелям, и их тиунам и всяким судьям.

Ст. 1. Суд Царя и Великого Князя осуществляется боярами, окольничими, дворецким, казначеем и дьяком; судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки; а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной.

Ст. 2. Если боярин, окольничий, дворецкий казначей или дьяк примет решение без надлежащего разбора дела в суде, или выдаст правую грамоту, решение признается недействительным. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение и все полученное с него вернуть назад.

Ст. 3. Если боярин, окольничий, дворецкий, или дьяк получают взятку и вынесут неправомерное решение и это подтвердится, вся тяжесть ответственности ложится на указанных судей и они уплачивают истцу всю сумму иска и возвращают в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Наказание взяточникам по усмотрению Государя.

Ст. 4. Если дьяк подделает список или дело запишет не так, как было на суде, без ведома боярина или дворецкого или казначея, и подтвердится, что он брал взятку, то на него налагается штраф, удовлетворяющий истца и он должен быть боярином посажен в тюрьму.

Ст. 5. Если подьячий подпишет документ неправильно без ведома дьяка за взятку, его наказывать торговой казнью и бить кнутом.

Ст. 6. Если кто-либо сознательно ложно обвинит боярина, окольничего, дворецкого, казначея, дьяка или подьячего и подтвердится, что он солгал, этого клеветника сверх того наказывать торговой казнью, бить кнутом и посадить в тюрьму.

Ст. 7. Боярин, дворецкий, казначей или дьяк обязаны принять всех обратившихся к ним истцов и разобрать дело, если оно не пре-

вышает компетенцию данного судьи. Если дело не подсудно указанным судьям, то они должны доложить об этом Великому Князю или отослать истца к тому судье, в компетенцию которого входит разбор данного дела. Если же судьи не возьмут у него иск, не доложат Государю, не отошлют его к другому судье и истец доложит об этом Государю, быть этим судьям в опале от Царя. Если жалобщик обращается с иском не по делу и бояре откажут ему в судопроизводстве, а он будет жаловаться Государю, подвергнуть его тюремному заключению.

Ст. 8. Если цена иска в деле равна рублю, со стороны, признанной судом виновной, взыскивается судебная пошлина: боярину, дворецкому, казначею одиннадцать денег, дьяку – семь денег, подьячему – две деньги; если цена иска выше или ниже рубля, им взять пошлину по расчету, а подьячий за запись не получает ничего. Если получит боярин, дворецкий, казначей, дьяк, подьячий или недельщик с кого-либо сверх пошлины, необходимо вернуть втрое больше. Если кто-либо будет жаловаться на этих судей, что они получили сверх пошлины и выяснится, что жалобщик солгал, его наказывать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 9. Если стороны придут к примирению до начала судебного поединка, с них взыскивается судьями по тому же расчету, а окольниковому, дьяку и недельщику полевых пошлин не платить. Если кто-либо из них возьмет сверх пошлины и это подтвердится, отдать истцу втрое больше; а если жалобщик солгал, его наказывать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 10. Если стороны придут к примирению во время судебного поединка, боярином, дворецким, казначеем, дьяком взыскиваются пошлины по тому же расчету. Окольниковый получает полевых пошлин четверть рубля, дьяк – четыре алтына, подьячий – деньги; недельщик получает четверть рубля и дополнительно два алтына за скрепление сделки. Больше они ничего не получают. Если кто-либо возьмет сверх пошлины, возвращает втрое больше, но если подтвердится, что жалобщик солгал, наказывать его торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 11. Если судебным поединком решаются дела, вытекающие из обязательств по займам или дела о личном оскорблении, то за доспех убитого три рубля с побежденного, окольниковому полтина,

недельщику полтина и за скрепление сделки сторон в поединке четыре алтына без двух денег, подьячему – две деньги. Если кто сбежит перед поединком или во время его, то окольниковому, дьяку, недельщику получать как с закончившегося примирением дела, а полевые пошлины с рубля по гривне. Больше не получать ничего; если кто-либо из них возьмет сверх этого, тому отдать втрое больше; если подтвердится, что жалобщик солгал, его наказать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 12. Если судебным поединком решаются дела о поджогах, или убийстве, или разбое, или воровстве, то с побежденного (убитого) берутся требуемая другой стороной сумма иска и пошлины: окольниковому полтина и за доспех (убитого) три рубля, дьяку – четверть рубля, недельщику полтина и за скрепление сделки сторон о поединке четыре алтына без двух денег, подьячему – две деньги. Побежденный берется на поруки и, кроме того, его накажет Государь, если его не возьмут на поруки – посадить его в тюрьму до тех пор, пока не найдутся поручители.

Ст. 13. По прибытии на поединок окольникового и дьяка они должны выяснить у истцов и ответчиков, кто является их стряпчими и поручителями. Установив стряпчих и поручителей, они приказывают им находиться у места проведения поединка, но без доспехов, дубин и жердей. Дьяк и окольниковый должны поединок устраивать равный. Если у места проведения поединка находятся посторонние люди, то окольниковый и дьяк их удаляют. Если эти люди откажутся уйти, их посадить в тюрьму.

Ст. 14. Биться следует воину с воином, или невоину с невоином, разрешается проводить поединок невоина с воином, если инициатива исходит от первого.

Ст. 15. Если свидетели показывают против ответчика по договору займа без оформления кабальной сделки или в каком-нибудь другом деле и их показания расходятся: одни свидетели поддерживают истца, другие не поддерживают, этим свидетелям назначить судебный поединок, Если проиграют на поединке те свидетели, которые подтверждали показания истца, с них взыскать исковые пошлины в пользу тех свидетелей, которые не подтверждали показания истца.

Если проиграют в поединке те свидетели, которые не подтверждали показаний истца с них взыскать пошрины по списку в пользу тех свидетелей, которые поддерживали истца. Если не потребуют поединка те свидетели, которые подтверждали показания истца, с теми свидетелями, которые их не подтверждали, или наоборот, они считаются проигравшими. А по кабальным сделкам в случае разных показаний свидетелей дьяк принимает решение в отношении их.

Ст. 16. Если свидетель показывает против ответчика в делах о личном оскорблении, грабеже или по обязательствам займа, дальнейший порядок спора решает ответчик: либо он вступает в судебный поединок со свидетелем, либо начав поединок, под присягой добровольно согласится на уплату иска или без присяги, при этом он не выплачивает полевых пошрин. В случае поединка все пошрины уплачивает проигравший.

Ст. 17. Если ответчик, выступающий против свидетеля, является престарелым, малолетним, имеющим увечья, попом, монахом, монашкой или женщиной, он может выставить против свидетеля наймита. Если свидетель будет действительно инвалидом, попом, монахом, монашкой или женщиной, он может поступить так же. Убытки выигравшего истца или свидетеля взыскать с проигравшего.

Ст. 18. Если свидетель не явится в суд, независимо от того, мог ли он дать показания или нет, с него взыскивается сумма иска и все убытки и пошрины; если неявка свидетеля вызвана неверным указанием приставом срока, свидетель может предъявить судебный иск приставу.

Ст. 19. Если истцом является женщина, ребенок, престарелый, больной, инвалид, поп, монах или монашка, им можно нанять наймита и свидетель в этом случае может нанять наймита. Истец и ответчик должны принести присягу, а наймит обязан биться; захочет истец и ответчик биться сам с наймитом, это его право.

Ст. 20. Если на судебном разбирательстве по иску истца оказывается три или четыре ответчика вместо десяти или пятнадцати или больше или меньше значащихся в заявлении истца и те отвечают за двух или трех или иных отсутствующих, а за других не отвечают: тогда решение суда распространяется на тех, за кого они отвечают; за

остальными отсутствующими, за которых они не отвечают, посылается пристав; если же срочная грамота была им прислана до суда, то истцу выдается на них бессудная грамота.

Ст. 21. Если ездок доставит срочную грамоту одному из них, а тот эту срочную грамоту не покажет товарищам, которые вместе с ним записаны в эту грамоту, а им потом предъявит бессудную грамоту, то тем людям с указанным человеком судиться, поскольку он им не показал срочную грамоту.

Ст. 22. Если какие-либо люди подадут иск на наместников или на волостелей и на их людей (подчиненных) и если наместники или волостели по искам откажутся отвечать за некоторых своих людей, то они по искам несут полную ответственность за всех своих людей без исключения.

Ст. 23. Если истцы будут требовать привлечь к ответственности людей, находящихся под юрисдикцией наместников, волостелей, городских людей или волостных, а наместники или волостели не захотят отвечать за этих людей: людей наместников и волостелей судить на той территории, где они проживают и посылать к ним пристава; а если люди живут на других территориях, они не подсудны наместникам и волостелям.

Ст. 24. Если иногородцы начнут жаловаться на насилие наместников или волостелей, совершенное в период приезда, во время исполнения обязанностей и во время отъезда, по иску иногородцев направлять приставов к тем наместникам или волостелям или к тем, кто занял их место (и привлечь к ответственности). Если иногородцы в течение года не обратятся с иском, тогда приставов к наместникам и волостелям не направлять.

Ст. 25. Если кого-то обвинят в избиении и грабеже, а ответчик скажет, что избил, но не грабил, то ответчика обвинить в избиении и ему заплатить бесчестье (пострадавшему), а наказание, смотря по положению человека. Государь укажет; в случае грабежа – суд и приговор, в другом ответчика не обвинять. Если ответчик скажет, что грабил, но не избивал, факт грабежа доказать, а наказание, смотря по положению человека, что Государь укажет, а за избиение – суд и приговор. А в других делах судить также: кто в чем окажется виноват, за

это несет ответственность, а наказание, смотря по положению человека, что Государь укажет; главное – суд, приговор и присяга.

Ст. 26. А за бесчестье детям боярским, имеющим кормление, выплачивать согласно их доходам, записанным в книгах; а женам за бесчестье вдвое больше согласно доходам (их мужей). А за бесчестье детей боярских платить в зависимости от их денежного жалованья, а женам их вдовое больше. А дьякам палатным и дворцовым бесчестья что Царь и Великий князь укажет; а женам их вдовое больше их бесчестья. Большим гостям бесчестья пятьдесят рублей, а женам их вдвое больше. Торговым людям и посадским людям и всем средним бесчестья пять рублей; а женам их бесчестья вдвое больше. Боярскому доброму человеку бесчестья пять рублей, кроме тиунов и доводчиков; а женам их вдвое больше. Тиуну боярскому, или доводчику и праветчику бесчестье оплачивать в зависимости от их дохода, а женам их вдвое больше. Крестьянину пашенному и не пашенному бесчестье рубль, а жене его два рубля. Боярскому человеку младшему или черному городскому человеку младшему бесчестье рубль; а женам их бесчестье вдвое больше. За увечье крестьянину платить исходя из нанесенного увечья и отдельно за бесчестье, и всем остальным оплачивать в зависимости от увечья и положения человека.

Ст. 27. При иске иностранца к другому иностранцу порядок решения иска устанавливается по воле ответчика: он может принести присягу в том, что не виноват, или, присягнув, добровольно уплатить сумму иска, истец получает уплачиваемое после принесения им присяги. Если человек Русского государства обратится с иском к иностранцу или иностранец к русскому человеку, то в этом случае тянуть жребий, кто жребий вытянет, тот, приняв присягу, получит искомое.

Ст. 28. Если дело будет судить Царь и Великий Князь или дети Царя и Великого Князя или бояре и суд не закончится и оставят его без приговора: дьяк должен правильно записать речи истца и ответчика и то, что было сказано другими, дела держать у себя опечатанными до тех пор, пока дело не кончится. Если дела будут даны дьяком подьячим для переписки начисто и дьяком те иски и дела подписать; как только подьячий перепишет дело начисто, дьяк должен это дело проверить лично и подписать и хранить у себя с личной печат-

тью. Подьячий у себя никаких дел не хранит. А возьмут у подьячего список или дело не опечатанное печатью дьяка и неподписанное дьяком или дело и иск будет потеряно; сумму иска и пошлины взять с дьяка, а подьячего бить кнутом. Если найдут по переписке дело у подьячего за городом или на подворье, весь ущерб от иска оплачивает дьяк, а подьячего наказать торговой казнью и уволить из подьячих, нигде ему больше подьячим не служить.

Ст. 29. Если дела судят бояре, судебный процесс правильно должен записывать дьяк, а истец во время записи судебного процесса не должен находиться в этом помещении. Если будет надобность спросить по делу истца и ответчика, их нужно вызвать к дьяку, после допроса отослать; как только дело будет дьяком записано, его перед истцом не читать, а читать его боярам.

Ст. 30. В случае создания смешанного суда истца и ответчика нельзя судить одному судье и если кого-то вызовет пристав в каком-либо деле, тот должен просить пристава послать стороне за судьей, в чьей юрисдикции он находится; если ответчик не явится в суд, с него за это взыскать и отвечать он будет перед своим судьей. Во всяком смешанном суде должен участвовать тот судья, под чьей юрисдикцией находится ответчик; пошлины обоим судьям брать по закону, делить их пополам, другие пошлины получать одинаково.

Ст. 31. Если кого-то вызовет пристав по делам об избиении, оскорблении или займа, то стороны могут не являться в суд, а доложить судье о примирении; судебных пошлин и штрафа с них не брать, кроме езда и хоженного. Если по искам, отданным судьям, оба истца помирятся до суда, по этим искам пошлин не брать.

Ст. 32. Недельщику для бояр, окольных, дворецких, казначеев, дьяков взяток не просить и самому недельщику взяток не брать. Если недельщик возьмет взятку для боярина, окольного, дворецкого, казначея или дьяка или возьмет взятку себе и его в этом уличат: недельщика наказать торговой казнью, взятки вернуть втрое больше, из недельщиков его уволить.

Ст. 33. А пошлин брать от правых грамот: боярину за печать с рубля по девяти денег, дьяку за подпись с рубля по алтыну, подьячему за написание грамоты с рубля по три деньги. Больше ничего не

братъ. А кто возьмет – вернуть нужно втрое больше; если выяснится, что жалобщик солгал, его наказать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 34. А на докладном списке боярин, дворецкий, казначей ставят свою печать, а дьяк подписывает. Получать от постановки печати боярину или дворецкому или казначею с рубля по алтыну, а дьяку с рубля по четыре деньги, а подьячему за составление списка с рубля по две деньги, а больше не брать ничего. Кто возьмет больше и его в этом уличат, он должен вернуть втрое больше; если выяснится, что жалобщик солгал, его наказать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 35. За составление правых или отпускных грамот на холопов и холопок, боярин, дворецкий, казначей за постановку печати получает с каждого человека по девяти денег, дьяк за подпись с человека по алтыну, подьячему за написание правой или отпускной грамоты с человека по три деньги.

Ст. 36. Если кто займет деньги под проценты по кабальному договору, эти кабальные договоры не утверждать без решения боярина и без подписи дьяка. А боярину за утверждение договора, вне зависимости от его суммы, получать за печать по три деньги, дьяку за подпись – по две деньги, подьячему за составление договора – по деньге.

Ст. 37. А за суд Царя и Великого Князя и его детей пошлины берутся с виноватого (проигравшего), так же как и за боярский суд – с рубля по одиннадцати денег, кому Государь укажет, а дьяку семь денег, подьячему две деньги.

Ст. 38. А печатнику Царя и Великого Князя и печатнику детей Царя и Великого Князя за печать на правых грамотах с рубля по девять денег, дьяку с рубля по алтыну, подьячему за написание списка, с рубля по две деньги.

Ст. 39. А за составление докладного списка Царя и Великого Князя, и детей Царя и Великого Князя получить печатнику Царя и Великого Князя, и детей Царя и Великого Князя за постановку печати с рубля по девять денег; а дьяку за подпись с рубля по алтыну; а подьячему за написание списка с рубля по две деньги.

Ст. 40. А за правых грамот на холопов и холопок печатнику получить по девять алтын с человека, дьяку за подпись с человека по ал-

тыну, подьячему за написание правых грамот с человека по три деньги.

Ст. 41. А за подпись на срочных грамотах дьяк получает по две деньги, а за отписных – с рубля по три деньги, подьячий – с рубля по две деньги. Если захотят обе стороны, истец и ответчик, изменить срок явки в суд, они оба платят пополам за составление новых грамот и хоженое недельщику. Если истец или ответчик не явится вовремя в суд и придется срок изменять, то ему все оплачивать одному, за обе срочные грамоты и хоженое, кроме служилых людей. А будут обе стороны, истец и ответчик, служилые люди и их пошлют на службу, и они захотят за две или три недели до отъезда на службу составить срочные грамоты, им такие грамоты составить беспошлинно. Срочные грамоты дьякам хранить у себя с печатью; при выдаче бессудных грамот все срочные грамоты дьякам собрать в одном месте, разобрать их и поручить подьячим выписывать бессудные грамоты в срок; у подьячих дьякам срочных грамот не хранить. А если дьяк будет хранить срочные грамоты у подьячего и она у него будет найдена, или ответчик с приставом изымут срочную грамоту, подписанную до срока без печати дьяка, сумму иска, что указана в срочной грамоте, взыскать с дьяка, а дьяк со своим подьячим пусть разбирается.

Ст. 42. Бессудные и правые грамоты на расстояние сто верст и ближе выдавать в течение семи дней по тому же расчету. А пошлины взимать за бессудные и правые грамоты: печатнику Царя и Великого Князя с рубля по алтыну, подьячему с рубля по две деньги, а больше ничего не брать. А кто возьмет больше и его в этом уличат, вернуть втрое больше; а кто солжет, наказать торговой казнью и посадить в тюрьму.

Ст. 43. Если по указу Государя кому-либо выдают льготную, уставную или поместную грамоту, нужно заплатить печатнику и дьяку (также). Впредь тарханные грамоты никому не выдавать, а старые изъять.

Ст. 44. За оформление приставных грамот печатнику и дьяку Царя и Великого Князя платить: если приставные до рубля езду, печатнику с рубля алтын, дьяку – с рубля алтын (недельщику); если будет до города езду больше рубля или меньше платить по тому же рас-

чету. Если будет приставной иск меньше езда, дьяком таких приставных не подписывать, а того недельщика посадить в тюрьму и доложить Государю. Без недельщика дьякам приставные грамоты не подписывать, а в приставной грамоте больше двадцати дел не вписывать; недельщику от приставной один езд, от того города в тот город, куда направляется приставная. Если дьяк подпишет приставную (грамоту) в которой иск будет меньше езда, или подпишет приставную без недельщика и его в этом уличат: иск получить с дьяку, а наказание Государь укажет.

Ст. 45. А хоженое недельщику в пределах Москвы десять денег, если расследуется дело – вдвое больше, от поручительства недельщику поминки не брать. Езд недельщику получать до того города, куда он направлен по указу, если расследуется дело – вдвое больше, сверх этого ничего не брать.

Ст. 46. А езд, от Москвы: до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни десять алтын, до Тарусы двадцать алтын, до Алексина пятнадцать алтын, до Калуги рубль, до Ярославца полтина, до Боровена полтина, до Вышгорода полтина, до Кременца двадцать алтын, до Можайска полтина, до Вязьмы полтора рубля, до Воротынска сорок алтын, до Козельска рубль с четвертью, до Одоева сорок алтын, до Белева рубль с четвертью, до Мезецка сорок алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода две гривны, до Дмитрова десять алтын, до Радонежа четверть рубля, до Переславля двадцать алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четвертью, до Вологды треть рубля, до Белоозера треть рубля, до Устюга пять рублей. До Вятки три с половиной рубля, до Вычегды семь рублей, до Двины и Холмогор восемь рублей, до Юрьева рубль, до Владимира рубль с четвертью, до Суздаля рубль с четвертью, до Костромы полтора рубля, до Галича полтора рубля, до Мурома полтора рубля, до владений князей Стародубских полтора рубля, до Мещеры два рубля, до Нижнего Новгорода треть рубля, до Углича рубль, до Бежецкого Верху полтора рубля, до Романова городка рубль с четвертью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова рубль, до Опои рубль, до Хлепни сорок алтын, до Торжка рубль с четвертью, до Вереи полтина, до Медыни пятнадцать алтын, до Великого Новгорода треть

рубля, до Пскова четверть рубля, до Смоленска треть рубля, до Ивана города четверть рубля, до Лук и Торопца четверть рубля; если где-то будет больше верст, платить по этому же расчету.

Ст. 47. Выдача на поруки и поездка с приставными грамотами осуществляется недельщиком или его ездоками; других людей с приставными грамотами посылать нельзя; недельщики и их ездовые за выдачу на поруки не должны брать ничего. Недельщик не может ездить с приставными грамотами в тот город, где живет, и ему там нельзя выполнять служебные обязанности. Если недельщика утвердят в должности, он должен определить число заговорщиков и ездовых, привести их к дьякам – кормленщикам и записать в книги, для того чтобы недельщики от своих ездовых и заговорщиков не отказывались; если ездок кого-либо оскорбит или возьмет штраф (незаконно) и его в этом уличат, иск получить с недельщика, который назначил этого ездока, а ездока наказать торговой казнью. Недельщику иметь не более семи ездовых. Если ездока обвинят, а он не будет записан ни в книгах у дьяков, ни у недельщика, того ездока наказать торговой казнью, а истцам получить с него иск без суда. Если недельщик уволится, его ездокам в тот город от других недельщиков не ездить; если же этого ездока, посланного от другого недельщика обнаружат в этом городе, этого ездока наказать торговой казнью и посадить в тюрьму; если же будут предъявлены этому ездоку иски, взыскать их без суда с того недельщика, который его послал. Если ездок живет в каком-либо городе, ему в этот город ни от какого недельщика не ездить; если же ездок окажется в том городе, где живет, с приставными грамотами, истцам получить с него все иски без суда, а его наказать торговой казнью. Если заговорщик кого-то оскорбит или незаконно оштрафует и его в этом уличат, все иски взять со всех заговорщиков, а его посадить в тюрьму; без заговорщиков недельщикам служебных обязанностей не выполнять.

Ст. 48. Если в какой-либо город или волость приедет недельщик или ездок с приставной грамотой, они должны предъявить приставную грамоту наместнику или волостелю и их тиунам; если оба истца проживают в одном городе или волости, оба будут судимы этим наместником или волостелем их тиунами. Если ездок или недельщик

не предъявят наместнику или волостелю и их тиунам приставные грамоты и истцы не предстанут перед наместником или волостелем и их тиунами, и если истец и ответчик будут из одного города или волости и будут подсудны наместнику, лишить этого недельщика и ездока езду, а доводчику получить хоженое с этого недельщика или ездока.

Ст. 49. Если в каком-либо деле недельщик выдаст кого-то на поруки, ему нельзя устраивать волокиту с истцом и ответчиком; а немедленно представить их перед судьями. Срочные и бессудные грамоты оформлять крестьянам без волокиты в установленные указом сроки; если кто станет затягивать (волочить) оформление после установленного срока, с того получить проести истцам по три деньги на день. От оформления бессудных грамот недельщикам кроме пошлин не получать ничего. Если недельщик оформит срочную грамоту об-им с истцом вместе, ему получить с обеих сторон одно хоженое, а более ничего не брать. Если во время поездки он выдаст ответчика на поруки, после чего дело будет прекращено, езд ему получить с проигравшего дело. Если истец или ответчик не приедет в суд в указанный срок, а пришлет документ с просьбой изменить время суда, с него недельщику получить хоженое.

Ст. 50. Если по иску пошлют пристава, а истец не явится в указанный срок (перед судом), или ответчик не явится в указанный срок; все убытки, понесенные после этого срока, все пошлины и все проести оплачивает виновный в пользу правого; проести получать на человека в день по три деньги.

Ст. 51. Пересудчиком (вызванного для повторного суда) получить с проигравшего по две гривны; иск меньше рубля не пересуживается; с любого судебного поединка возможен пересуд. Если кто-то подделает документ, а будет ссылаться на это как на правду, пересуд обязателен. Если подделка доказана, с виноватого правому получить с каждой десятки четыре деньги.

Ст. 52. Если кого-то приведут с поличным впервые и начнут его судить, необходимо провести допрос. Если во время допроса его назовут ведомым лихим человеком, его пытаться: если признается, казнить смертной казнью, а не признается – посадить в тюрьму до смер-

ти, а истцу заплатить из его имущества. Если во время допроса скажут, что он добрый человек, дело решать суду.

Ст. 53. Если пошлют недельщика арестовывать воров и разбойников, арестовывать ему всех одинаково, никому не потворствовать; а арестовав вора или разбойника, взятки с него не брать и не отпускать; а других (невиновных) людей не арестовывать. Если недельщик из-за взятки смягчит наказание вору или разбойнику или отпустит, а его в этом уличат, все иски получить с недельщика, наказать его торговой казнью и посадить в тюрьму, сверх того, что решит Государь.

Ст. 54. Если у недельщика сидят воры, ему их без решения (суда) на поруки не выдавать и не освобождать. Если недельщик без боярского решения и ведома дьяка воров выдаст на поруки или освободит и в этом его уличат, взять с него весь иск в двойном размере, наказать торговой казнью, посадить в тюрьму; наказание укажет Государь.

Ст. 55. Если вора поймают на воровстве впервые, кроме церковных краж и связанных с убийством, а доказательств в других кражах не будет, наказать его торговой казнью, бить кнутом. Оплатить иск истцам, выдать его на надежные поруки; если его не возьмут на поруки, посадить в тюрьму, Если не будет у вора столько имущества, чтобы оплатить иск, бить его кнутом и выдать истцу в холопы на праведо отработки выкупа. После получения выкупа истцу отдать вора боярам. Если истец не захочет взять вора для получения иска, того вора судить; посадить его в тюрьму пока его не возьмут на поруки, и как только его возьмут на поруки, с того, кто его возьмет, взыскать иск. После получения истцом иска с вора, его нужно отдать боярам, а бояре отдадут его на надежные поруки, если не будет больше к нему истцов; если же не возьмут его на надежные поруки, посадить в тюрьму до выдачи на поруки; боярам с этого не получать ничего.

Ст. 56. Если поймают вора вторично на краже, его пытаться; признается – казнить смертной казнью, иск оплатить из его имущества; если у вора не хватит имущества оплатить убытки истца, казнить его смертной казнью, а истцу его не выдавать. Если в ходе пыток вор не признается (в содеянном), устроить допрос (по месту жительства) и если подтвердят, что он лихой человек, посадить его в тюрьму до

смерти; если же назовут его добрым человеком, отдать его на поруки, если же не возьмут на поруки, посадить в тюрьму.

Ст. 57. Если вор кого-либо обвинит (в соучастии), про того человека устроить допрос населения, если в результате допроса выяснятся доказательства, что он и прежде был замечен в преступлениях, его пытать; если он признается, казнить его смертной казнью как вора; если не будет доказательств и на допросе его не назовут лихим человеком, речам вора не верить, обвиненного отдать на поруки.

Ст. 58. Если кого-либо, десять или пятнадцать детей боярских или государственных крестьян или зажиточных крестьян и целовальников обвинят под присягой в воровстве, а доказательств в прежних преступлениях не будет, не найдется людей, у которых он воровал или оплачивал ворованное, взять с него убытки истца без суда, и его освободить на поруки, если не будет порук – посадить в тюрьму и без надежного задатка не выпускать. Мошеннику такая же казнь, что и вору. Если кто-то потерпел ущерб от обманщика и не сообщит об этом (властям), его иск пропадает; в любом случае обманщика бить кнутом.

Ст. 59. Если кого-то обвинят в разбое, убийстве, ложном обвинении (должностного лица), лжесвидетельстве или в другом лихом деле и он будет явно лихой человек, боярину казнить этого человека смертной казнью, а иск оплатить из его имущества; а остаток после оплаты иска отдать на прогоны. Если не будет у лихого человека столько имущества, чтобы заплатить сумму иска, боярину этого лихого человека истцу не отдавать, а велеть тиуну Царя и Великого Князя Московского казнить его смертной казнью; боярину, дьяку, недельщику за это ничего не платить.

Ст. 60. Если кого-то обвинят в воровстве, убийстве или в другом лихом деле, кроме разбоя, в любом городе или волости и это окажется явный лихой человек: наместнику и волостелю велеть того человека казнить смертной казнью, а сумму иска оплатить из его имущества, а остаток получить наместнику или волостелю и их тиунам. Если у лихого человека не будет имущества, из чего можно заплатить истцу, его истцу не выдавать, а наказать смертной казнью; а с истца наместнику, волостелю и их тиунам не брать ничего. Если приведут разбой-

ника или на суде докажут, что он явный разбойник: таких людей наместникам отдавать губным старостам. Губным старостам, кроме явных разбойных дел, других не брать; воров и разбойников им судить по губным грамотам, данным Царем и Великим Князем.

Ст. 61. Совершивший убийство господина, сдавший город врагу, кражу с убийством, изменник, церковный вор, клеветник, поджигатель, а также явный лихой человек карается смертной казнью. Убыток истца от лихого человека заплатить из его имущества, а что после этого останется из имущества, отдать на прогоны. Если у лихого человека не будет столько имущества, чтобы оплатить иск, его истцу не выдавать, а казнить смертной казнью.

Ст. 62. Боярам и детям боярским, имеющим кормления, судить боярским судом; на суде должны присутствовать тиуны, дворский староста, лучшие люди, целовальники. Судебные дела у наместников и тиунов оформлять земским дьяком, дворецкому, старосте и целовальникам, эти судебные дела нужно подписывать. Копии с тех дел слово в слово переписывать наместническим дьяком, наместники копии должны заверять своими печатями. Выписку из этих судных дел, подписанную дворским, старостой и целовальниками, наместник хранит у себя; а копии этих дел, подписанные дьяком с печатью наместника, выдавать дворскому, старосте и целовальникам. Если старосты и целовальники неграмотны, за них судные грамоты подписывает земский дьяк; копии с этих дел, подписанных дьяком наместника, хранить у тех старост и целовальников, которые неграмотны, они их предъявляют в случае оспаривания дела. Без дворского, старосты и целовальников наместникам и их тиунам суд не устраивать; если нет дворского и не было прежде, в суде участвуют старосты и целовальники. Без старост и целовальников суд не проводить, взяток наместникам, тиунам и их людям не брать; а для своего господина (государя) тиуну и пошлиннику взяток не просить. Наместник получает судебные пошлины: если истец выиграет дело о займе, избиении, оскорблении, ему (наместнику) и тиуну получить с проигравшего с рубля по гривне; если истец не выиграет дело и окажется виноватым, им получить с истца с рубля по тому же расчету. Если будет дело меньше или больше, проигравший истец или ответчик оплачивает по

тому же расчету. Доводчику получать хоженое, езд и правду по уставной грамоте, если нет грамоты, получать хоженое в городе по четыре деньги, а езд – на версту по деньге, а правду в городе или в волости вдвое больше. В случае судебного поединка, если стороны помирятся до его начала, ему получать с рубля по гривне (ему с тиуном), полевых пошлин пятнадцать алтын; в случае поединка с убитого (проигравшего) взять полтора рубля, доспех не забирать. В случае судебного поединка из-за поджога, убийства, разбоя или воровства, если убьют ответчика, с убитого (проигравшего) взять сумму иска, а наказание и штраф ему определяют наместник и его тиун; если убьют (проиграет) истца, с него взыскать с иска четвертную пошлину по полуполтине с рубля (ему и тиуну), полевых пошлин полтора рубля, доспех не забирать.

Ст. 63. Наместник в суде боярском имеет право выдавать полные и докладные, и беглые грамоты только по докладу, а без доклада правые и беглые грамоты выдавать нельзя.

Ст. 64. Детей боярских во всех городах судить наместникам по царским жалованным и вотчинным грамотам.

Ст. 65. Боярину или сыну боярскому, имеющим кормление с судом боярским, за постановку печати получать вместе с тиуном пятнадцать денег, дьяку за написание правой грамоты получать с рубля по три деньги. За выдачу тиуном правой грамоты он получает на себя и наместника с рубля по пятнадцать денег, дьяк за написание правой грамоты – с рубля по три деньги. За составление правых и полных грамот на холопство, боярину или сыну боярскому, имеющим кормление с судом боярским, получать с каждого человека по пятнадцать денег, дьяку за составление документов с человека по три деньги.

Ст. 66. Наместники и волостели, имеющие кормления без боярского суда, не должны выдавать полные, докладные и беглые грамоты, без докладных грамот оформлять холопство. Если наместник или волостель без боярского суда выдаст правую грамоту на холопа или холопку без докладной грамоты и та же грамота судом будет признана незаконной, владелец того холопа или холопки должен указать свои убытки и на суде взять их вдвое (с наместника).

Ст. 67. Тиуну наместника владельцу холопов правых грамот не выдавать без докладных. Если тиун выдаст правую грамоту без докладной на владение холопом или холопкой, это дело передавать до окончательного решения суда; а тиуна посадить в тюрьму до решения Царя и все убытки взять с него. Если тиун выдаст правую грамоту на владение холопом без докладной, эта грамота незаконна и дело решает суд.

Ст. 68. Если наместник получил в кормление город с волостями или волости, а в них до этого времени не было старост и целовальников, ему необходимо выбрать во всех волостях старост и целовальников. Если кому-то придется из этих волостей выступать истцом или ответчиком перед наместником, волостелем и их тиунами, судиться им у наместников, волостелей, тиунов этих волостей в присутствии старост и целовальников, а судные дела оформлять земскому дьяку этой же волости. Без старост и целовальников наместникам и волостелям, имеющим кормления с боярским судом и без него, суд не производить, взятки не получать.

Ст. 69. Если наместник, волостель или их тиун пришлют судебное дело для составления докладной грамоты и при этом истец или ответчик попытаются внести ложные сведения в дело, для выяснения правды нужно послать за дворским, старостой и целовальниками, которые присутствовали в суде при разборе этого дела, и принести с собой копию дела, подписанную наместником, волостелем и дьяком с печатью наместника. Если указанные судные люди заявят, что суд был именно такой и копии сойдутся слово в слово с судным списком и будут подписаны наместником и дьяком, виноват тот, кто пытался внести ложь в дело. Если же скажут судные люди, что суд был не такой и подпись на списке не земского дьяка, и подписи не их, и текст не совпадает слово в слово: по этому делу оплатить иск судье, а штраф с судьи, что Государь укажет. Если скажет дворский, судные люди, староста, целовальники, которые грамотны, что суд был такой и их подписи на деле; а те судные люди, которые неграмотны, заявят, что суд был не такой и предъявят копию с подписью дьяка и эта копия будет не слово в слово с делом: это вина судей и тех судных людей, которые участвовали в суде, и с них (судьи и судных людей)

взять сумму иска, а штраф по указанию Государя. Если скажут дворский, судные люди и староста, и целовальники, которые грамотны, что суд был такой и дело подписано ими; но те судные люди, которые неграмотны, им возразят и заявят, что суд был не такой, а копия, подписанная дьяком наместника или волостеля, не сойдется с делом слово в слово: в этом виноваты судья и судные люди, которые подписали дело; с них взять сумму иска, а штраф сверх того, что Государь укажет. Если истец или ответчик не явится в срок за получением дела, а доводчик на него составит срочную грамоту, того, кто не явился в срок, указанный доводчиком, признать виновным; срок составления дела на расстоянии сто верст (проживания истца или ответчика) семь дней, если расстояние больше или ближе ста верст, дело оформляется по срокам исходя из того же расчета.

Ст. 70. Если люди наместника или волостеля будут отдавать кого-либо на поруки до суда или после суда, но некоторых на поруки не возьмут, их людям наместника и волостеля передать в городе городовым приказчикам, дворскому, старосте и целовальникам; в волости передать старосте и целовальникам, которые участвуют в суде у наместников и волостелей; без передачи этих людей, которые не взяты на поруки, людям наместника или волостеля их у себя не держать и в железо не заковывать. Если же люди наместника или волостеля не передадут этих людей приказчику, дворскому, старосте, целовальникам, а будут держать их у себя закованными, то их родственники должны обратиться с жалобой к приказчику, старосте, дворскому и целовальникам и им этих людей забирать, а если кто-то из них будет закован, люди наместника или волостеля должны оплатить бесчестье, в зависимости от положения этого человека; сумму иска этого человека с людей наместника или волостеля взыскать вдвое.

Ст. 71. Наместникам, волостелям, имеющим кормления, тиунам Царя и Великого Князя, тиунам боярским и детей боярских, вора, убийцу и всякого лихого человека без суда не продавать, не казнить, не отпускать. Если кто (из указанных лиц) отпустит вора, убийцу и всякого лихого человека, или без решения суда казнит, с того получить иск вдвое, посадить в тюрьму до особого указа Царя.

Ст. 72. В городах судит всех городских и посадских людей наместник, проверяя их имущество и занятия по учету: в каком размере уплачиваются подати Царю и в зависимости от этого их проверять и судить. Учетные книги старостам, сотским, десятским и всем другим жителям ежегодно посылать в Москву собственноручно подписанные и утвержденные подписью дьяка тем боярам, дворецким и их казначеям, в приказе которых на учете эти города; другие учетные книги старостам передавать тем городским старостам и целовальникам, которые участвуют в суде наместника. Если в городах посадские люди начнут обращаться с исками, превышающими размер имущества (ответчика), необходимо проверить по учетным книгам, сколько он выплачивает подати, если окажется, что у ответчика имущества столько, сколько сумма иска – судить, если же имущества окажется меньше суммы иска, виноватым является истец, он оплачивает судебные пошлины, штраф в пользу Государя, берется на поруки и отправляется в Москву. Городским и посадским людям иск к наместнику и его должностным лицам определять исходя из стоимости имущества, занятий и учета; если в каком-то году староста и целовальники учетных книг в Москву не пришлют, в том году им запрещается участвовать в суде наместника. В волостях волостелям судить государственных крестьян по их жалобам без волокиты; если кто-то по иску потребует больше стоимости имущества, а ответчик заявит, что иск превышает стоимость его имущества, в этом случае волостелю послать выборных из волости лучших людей и одного или двух целовальников для проведения допроса относительно стоимости имущества. Если на допросе выяснится, что стоимость имущества соответствует иску – судить; если не соответствует (и ответчик солгал), его признать виновным, взять с него все пошлины, Государев штраф, за клевету взять на поруки и прислать его с допросным делом в Москву.

Ст. 73. Если человек заявит, что у него было чужое имущество, его допросить: было ли у него чужое имущество и сколько? А того владельца имущества, на кого он укажет, допросить: было ли у него столько имущества и откуда оно у него. В зависимости от допроса решать дело.

Ст. 74. Если в городе два наместника или в волости два волостеля и суд между ними не поделен: им получать пошлины по делу обоим за одного, тиунам их также и делить пополам; если же города и волости поделены и будет у них общий суд, пошлину получать одну и делить ее пополам. Если два наместника, два волостеля или два тиуна с одного дела получают две пошлины и их в этом уличат, тому, с кого они взяли пошлины, уплатить наместникам, волостелям и их тиунам втрое больше.

Ст. 75. Если пошлют пристава за наместником, боярином, сыном боярским, волостелем, их тиуном, или тиуном Царя и Великого Князя: всем им приехать точно в срок, если в срок не приедут, известить об этом (заранее). Если они не приедут вовремя и не известят об этом на расстоянии сто верст на седьмой день после указанного времени (суда), с них взыскать все иски истцов, оплатить езд. С записями не посылать ни за кем, кроме ведомых разбойных дел, за наместниками, волостелями, их тиунами, за исключением тех приказных дел, в которых запись сделана по решению Государя.

Ст. 76. Суд о холопах. Холоп по полной грамоте, принявший ключничество в селе, по докладной грамоте, холоп с женой и детьми, живущие у одного владельца, рожденные от холопов; если дети родились до продажи в холопство и живут отдельно или у другого владельца, они не рабы. Принявший ключничество в городе не холоп; вступивший в брак с рабыней холоп и наоборот, переданный по завещанию холоп, переданный в приданное тоже. Тиун без оформления полной и докладных грамот не холоп; принявший ключничество в селе без докладной грамоты не холоп. Холоп не имеет права продавать своего свободного сына, рожденного до принятия холопства отца, по полной и докладной грамоте, но он может сам запродать себя тому владельцу, кому хочет. Его отец и мать не имеют права составлять на него полную грамоту и отдавать в холопы, потому что они сами являются холопами, о чем нужно писать в полных и докладных грамотах. Если отец монах или мать монашка, они не могут отдавать своих детей в холопы и составлять на них полные и докладные грамоты; в грамотах писать, что родители есть, но они приняли постриг и им нель-

зя продавать своих детей. Но дети могут запродаваться по собственному желанию.

Ст. 77. Отпускные грамоты выдавать только после решения бояр, боярам отпускные грамоты утверждать печатью, а дьякам подписывать; отпускные грамоты в Москве выдавать боярам и дьякам, в Великом Новгороде и Пскове – наместникам и дьякам. Пошлины взимать с отпускных грамот: боярину или наместнику с человека по девять денег, дьяку – по алтыну, подьячему – по три деньги. Кроме Москвы, Великого Новгорода и Пскова отпускных грамот нигде, ни в каких городах не выдавать. Если кто-то оформит отпускную грамоту без решения боярина или новгородского и псковского наместников и подписи дьяков, хотя и будет подпись владельца, она является недействительной.

Ст. 78. Если вольные люди обратятся к князьям, боярам и детям боярским с просьбой оформления кабальной грамоты: более пятнадцати рублей по кабальной грамоте (за продажу в холопство) не платить. Если старые кабальные грамоты, оформленные до принятия этого Судебника, на сумму больше пятнадцати рублей, эти грамоты необходимо принести к боярам, им поставить на них печать и подписать дьяку; если кто-то эту кабальную грамоту назовет фальшивой, дело решать суду. Кабальные грамоты оформлять только на вольных людей, а на полных, докладных, старинных холопов грамот не оформлять. Если кто-либо оформит кабальную грамоту на полного, докладного, старинного холопа, не узнав этого, и выяснится наличие прежних крепостных грамот, деньги у этого владельца пропали. Если прежний владелец холопа заявит, что от него он тайно сбежал, тому, кто, не узнав этого, оформил грамоту, вернуть его бывшему владельцу без суда.

Ст. 79. Если на холопа будут составлены две полные или докладные грамоты, владелец его тот, чья грамота составлена первой, а у второго деньги пропали. Ущерб старого владельца взыскать с того, кто составил новую полную или докладную грамоту, сумму ущерба старый владелец определяет со знатоком сам, а если что подаст на знатока в суд, их судить.

Ст. 80. Если холоп участвует в войне и попадет в плен, в случае побега из плена он становится свободным, он более не холоп старого владельца, если же он захочет вновь стать холопом у старого владельца, он должен предстать перед боярином и дьяк должен подписать старую крепостную грамоту, а пошрины брать с человека по алтыну. Если холоп, будучи не пленным на войне, прибежит один или с владельцем через какие-то иностранные государства к Москве, он является холопом у старого владельца; если владелец не выдаст ему вольную грамоту.

Ст. 81. Детей боярских служивых и их детей, которые еще не служили, в холопы не принимать никому, кроме тех, кого Государь отстранил от службы.

Ст. 82. Если кто-либо займет деньги в рост (с процентами), он не обязан служить ни у кого и должен жить самостоятельно, отдавая долг. Если кредитор будет держать этого человека у себя, а тот тайно сбежит и унесет с собой что-либо, то эта вещь пропала и кабальный договор расторгается.

Ст. 83. Если наемный работник не дослужит у владельца до положенного времени и уйдет, он лишается оплаты. Если же владелец не заплатит наемному работнику и его в этом уличат, он обязан выплатить сумму вдвое больше.

Ст. 84. Суд о земле. В случае иска боярина к боярину или монастыря к монастырю, или боярина к монастырю судить за три (последние) года, то же самое в случае иска монастыря к боярину; срок более трех лет не рассматривать. В случае иска государственного крестьянина к государственному или помещика к помещику, у которых земля является царской собственностью, или государственный крестьянин к помещику, или наоборот, судить за последние три года, более длительных исков не рассматривать. В случае иска боярина или монастыря на земли Царя и Великого Князя судить за шесть лет. Государю, боярам и всем приказным людям двух судей для разбора земельного дела не посылать, а послать одного.

Ст. 85. Суд о вотчинах. Кто вотчину продаст, то его детям и внукам до этой вотчины дела нет и ее им не выкупать; если же будут братья или племянники свидетелями в этих купчих, то им, их детям и

внукам до этой вотчины дела нет. Если же братья и племянники не были свидетелями в договоре (о продаже), тогда братья, сестры и племянники имеют право выкупить вотчину. Сделка между владельцем вотчины и покупателем может быть оформлена только полюбовно. Иски о вотчинах рассматривать за сорок лет, условия продажи не рассматривать. Если вотчину продадут вторично, то дети, братья и племянники (первого владельца) не имеют права ее выкупить. Кто передаст купленную вотчину после смерти своим детям, это их собственность и вотчина выкупу не подлежит. Если кто-то выкупит свою вотчину в указанные сорок лет, она становится его собственностью, ее нельзя ни продать, ни заложить посторонним лицам, ее можно отдать родственникам, которые не были свидетелями при продаже. Если кто-то выкупит вотчину на чужие деньги или заложит, или продаст, а продавец сообщит это: вотчина без оплаты переходит в собственность продавца. Если кто-то захочет заложить вотчину постороннему человеку, сумма залога должна соответствовать ее стоимости. Если посторонний человек выдаст заклад больше стоимости вотчины, а владелец заявит, что хочет вернуть вотчину, он возвращает только истинную цену вотчины, а излишек не возвращает. Если кто-то променяет вотчину с придачей денег, а его родственник захочет ее выкупить, при выкупе он получает столько земли, сколько он променял.

Ст. 86. Поля между селами и деревнями огораживать пополам, в случае потравы платить тому, чья изгородь. Если сенокосы расположены между селами и деревнями, владельцам сенокосов их не огораживать: огораживает тот, чья пахотная земля примыкает и сенокосам. Если кто-то потравит сенокос или хлеб, оплачивать тому, кто огораживал.

Ст. 87. Если кто-то уничтожит межу или ссечет грань на царской, боярской, монастырской земле, его бить кнутом и истцу получить с него рубль. Если же крестьяне одной волости или одного села перепашут межу или перекосят грань, волостелю или сельскому старосте получить с виновного два алтына.

Ст. 88. Крестьянам разрешается переходить из волости в волость и из села в село раз в году: за неделю до и неделю после осеннего Юрьева дня. За дворы пожилое платить: в полевой местности за

двор рубль и два алтына, в лесной местности, за десять верст до строевого леса, за двор полтина и два алтына. Владельцу земли за уход платить: за год стоимость четверти двора, за два года – полдвора, за три года – три четверти, за четыре года стоимость двора – рубль и два алтына. Пожилое взимать с ворот, а за отъезд брать со двора по два алтына; кроме этого никаких пошлин не брать. Если у крестьянина останется посеянный озимый хлеб, как только он его уберет, или с неубранного, должен заплатить с бороны два алтына. Если посеяна была рожь в его земле, он должен платить подать Царю и Великому Князю со ржи, а боярину, на чьей земле он жил, не платить ничего. Священнику пожилого не платить. Если крестьянин продается кому-либо в полные холопы, он уходит в любое время и пожилого не платит; если же у него останется посеянный хлеб, он должен с него заплатить подать Царю и Великому Князю, а не будет платить подать, он лишается всего урожая.

Ст. 89. Если убьют крестьянина в поле, в разбое или в другом лихом деле, нужно вернуть такого же крестьянина владельцу (убитого), и этот крестьянин свободно переходит к новому владельцу. За отказ отдать крестьянина владельца взять на поруки с записью: допросить крестьянина о его владельце (о причинах отказа).

Ст. 90. Если купец, поехав торговать, возьмет у кого-либо товар или деньги и в пути у него этот товар потеряется не по его вине, утонет, сгорит или будет захвачен разбойниками: боярам его допросить, дьяку выдать ему грамоту с печатью Царя и Великого Князя и, смотря по имуществу, уплатить истцу плату без процентов. Если же он взял (товар или деньги) и пропьет их или по своей вине товар погубит, его выдавать истцу в холопство до выкупа. В случае разбойного нападения грамота на потерпевшего купца действует только до поимки разбойников.

Ст. 91. Священника, дьякона, монахов, старых вдов, живущих на подаянии от церкви Божьей, судить митрополиту или его судьям; если будет судиться простой человек с церковным – суд общий. Если вдова живет не подаяниями от церкви, а в своем доме, ее судить не церковным судом. Городским торговым людям в монастырях жить запрещается, они должны жить в городских дворах; если же торговые

люди будут жить в монастырях, их оттуда выселять и судить наместникам. На монастырских дворах жить только нищим, которые собирают милостыню у церквей.

Ст. 92. Если кто-то умрет без завещания и у него не будет сына, все имущество и землю получает дочь; если не будет дочери, отдать ближайшему родственнику.

Ст. 93. Если кто-либо купит поношенную вещь у человека или в лавке, покупку нужно произвести с рядовой порукой, в случае покупки без поруки виновен сам покупатель.

Ст. 94. Если кто-то купит лошадь в Москве или Московском уезде, на эту лошадь нужно поставить клеймо у пятенщиков и записать в книги, пошлину пятенщикам платить по старине.

Ст. 95. Если кто-то купит или обменяет лошадь в городе или волости, тот должен поставить клеймо у наместников, волостелей, их тиунов и пятенщиков. Тех лошадей нужно записывать в книги у целовальников земскому дьяку, пятенщикам платить купцам по деньге и продавцам по деньге; целовальникам и земскому дьяку образец клейма записывать в книги на случай спора. Если кто-то купит или обменяет лошадь в своей волости и в положенный срок не заклеит ее и не запишет в книги и его в этом уличат, наместнику или волостелю взять с этого человека два рубля; кто поймает эту незапятнанную лошадь и подаст иск на ее владельца, иск удовлетворить без суда. Детям боярским купленных и вымененных лошадей клеймить также. Если кто-то в военном походе купит у кого-либо лошадь, а другой заявит, что это его лошадь, необходимо покупателю предоставить пять или шесть свидетелей, если продавец откажется признать сделку, дело решать суду.

Ст. 96. Наместникам, волостелям, их тиунам, пятенщикам в городах и волостях непроданных и доморощенных лошадей не клеймить. Если кто-то из них это сделает и на него заявят, все убытки ему оплатить втрое без суда, а штраф на усмотрение Государя.

Ст. 97. Если какие-либо дела рассмотрены по первому Судебнику или не рассмотрены – их не пересматривать; отныне все дела рассматривать по новому Судебнику, решения принимать как указал Царь в своем Судебнике.

Ст. 98. Если будут какие-то новые дела, не отраженные в статьях Судебника, по этим делам решения принимать по указанию Царя и приговора Боярской думы, и дописывать их в Судебник.

Ст. 99. Объявить по всем торговым местам, в Москве и во всех городах Московской земли, Новгородской земли, Тверской земли и по волостям: истцы и ответчики судьям взятки давать не должны и не обещать их; свидетель, не видев события, не должен свидетельствовать, а видев, говорить правду. Если свидетель будет что-либо доказывать, не видев этого, а потом это выявится, с этого свидетеля сумму иска и все убытки взыскать и наказать его торговой казнью.

Ст. 100. О суде с удельными князьями. В случае иска москвича к сельским волостелям, которые служат удельным князьям, судить Царю и Великому Князю; если откажется сельский волостель, он будет обвинен Царем. Иск сельского жителя к сельскому рассматривает сельский волостель; если не будет их князя в это время в Москве, решения не принимать, а ждать князя; если, повезет их волостель в Москву на решение к своему князю, а один из истцов сбежит и будет жаловаться Царю на этого волостеля, Царь пошлет к волостелю пристава, его привезут в удел и там его Царь будет обвинять. В случае жалобы Царю и Великому Князю сына боярского на удельного человека, Царь должен послать своего судью к своему брату, удельному князю; удельный князь пошлет своего судью и суд должен быть в Москве. Если сын боярский удельного князя будет жаловаться на человека Царя, суд также должен быть в Москве. Если истец из вотчины удельного князя обращается с жалобой к Царю на его человека, Царь посылает пристава и судит сам; если же на москвича поступит иск от городского жителя удельного князя, судить московскому наместнику. Иск москвича к городскому жителю удельного князя рассматривать также московскому наместнику. Иски деловых людей, живущих в монастырских станах, подлежат суду князя, в уделе которого они находятся; в случае смешного суда в монастырских селах удельного с удельным человеком, или делового с городским, или сельского с монастырским, судьям об этом доложить Царю (в свидетельстве никому быть не запрещено).

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ПЛАН ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ

Вопросы

1. Предпосылки образования централизованного государства. Объективные и субъективные предпосылки. Предпосылки возвышения Москвы: Москва как центр собирания русских земель; борьба с другими претендентами.

2. Государственный строй России в период складывания централизованного государства. Изменения в государственном строе, подданные отношения; статус главы государства, изменение титулатуры; изменение статуса Боярской думы; путная и приказная системы управления; система управления на местах; кормление и местничество.

3. Правовое положение привилегированных групп населения. Изменения в социальной структуре; начало складывания служилого сословия; изменение правового статуса бояр, «обояривание» князей, положение дворянства, складывание новой системы чинов; духовенство.

4. Общая характеристика Судебника 1497 г. Время происхождения, авторство, источники, цели законодателя, структура (редакции, списки), содержание (общие положения), вид систематизации нормативного материала, рецепции, новации.

5. Правовое положение зависимого населения. Основные категории зависимого населения, закрепощение крестьян, Юрьев день (ст. 57), «кабала», изменение положения холопов (ст. 20, 23, 56 и др.).

6. Гражданское право. Регулирование поземельных отношений, поместье; обязательственное право; наследственное право.

7. Уголовное право. Развитие общего понятия преступления (ст. 9 и др.), система преступлений (ст. 9, 10, 39 и др.), цели и система наказаний (ст. 13, 55, 62 и др.).

8. Процессуальное право. Органы, осуществляющие правосудие (ст. 1, 20, 21, 59 и др.), состязательный процесс (ст. 2, 25, 45 и др.), розыск (ст. 14).

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1

Составьте схему органов государственной власти России периода централизации.

Задание 2

Составьте схему органов, осуществлявших правосудие в первой половине XVI в.

Задание 3

Судебный процесс по Судебнику 1497 г.

<i>Вопрос сравнения</i>	<i>Состязательно-обвинительный</i>	<i>Розыскной (инквизиционный)</i>
Какие дела рассматривались		
Характер процесса		
По чьей инициативе начинался процесс		
Кто собирал доказательства		
Судоговорение		
Роль судьи		
Высшее доказательство		
Вынесение приговора		
Исполнение приговора		

Задание 4

Используя текст Судебника 1497 г., решите задачи. Ответ должен быть подтвержден соответствующей статьей.

Задача № 1

В начале XVI в. на суд наместника были доставлены два преступника. Первый был уличен в краже дароносицы из церкви, а второй – в краже холста из купеческой лавки.

Какое решение должен вынести суд в отношении каждого преступника?

Задача № 2

Осенью 1502 г. крестьянин Свято-Даниловского монастыря Михалка Жук решил переселиться в вотчину крупного боярина. Перед отъездом, злясь на взятое с него пожилое и длительные проволочки по разрешению на переселение, он поджег хозяйственные постройки монастыря.

Какое решение должен принять суд по данному делу?

Задача № 3

В 1512 г. игумен Троице-Сергиева монастыря подал жалобу великому князю на самовольный отъезд в зимнее время крестьян села Сухобалки, принадлежащего монастырю.

*Правомерны ли действия крестьян с позиции Судебника 1497 г.?
Какое решение должно быть принято по данной жалобе?*

Задача № 4

Житель города Коломны Иван Машков нанялся в работники к купцу Щелконову на хозяйский харч и три рубля сроком на один год. По истечении шести месяцев Машков решил уйти и потребовал половину годового жалованья. Получив отказ, он подал на Щелконова в суд.

Какое решение должен вынести суд по данному иску?

Задача № 5

Муромский купец Никита Клешинев занял деньги и товар для последующей перепродажи в Крыму. Но по дороге в Крым был ограблен.

*Несет ли ответственность Никита Клешинев в данном случае?
Какую ответственность предполагает Судебник 1497 г. в случае потери или растраты взятого имущества?*

Задача № 6

Боярин Колычев подал в великокняжеский суд иск об изъятии у боярина Сабурова как неправомочного владельца участка земли. В ответном иске боярин Сабуров указал, что данный участок земли обрабатывается его крестьянами в течение четырех лет, а ранее это была пустошь.

Какое решение должен принять суд по данному делу?

Задача № 7

Крестьянин Спиридон, вызванный в качестве послуха, отказался явиться в суд. При этом он сослался на незнание обстоятельств рассматриваемого там дела.

Может ли суд привлечь к ответственности крестьянина Спиридона?

Задача № 8

К судье в начале XVI в. были доставлены три преступника: первый был уличен в умышленном поджоге, второй – в краже одежды у соседа, третий – в краже сбруи из торговых рядов. Было также установлено, что третий преступник ранее уже наказывался за кражу холста из лавки.

Какие наказания следовали каждому преступнику?

Задача № 9

В черно-тяглой слободе крестьянин Архип имел дурную славу конокрада, хотя никаких прямых улик против него не было. Но однажды конюх боярина увидел, как Архип пытался увести боярского коня. Архип был привлечен к суду. Обвинение в ранее совершенных кражах он категорически отрицал. Не признался в этом и на пытке. Допрошенные по делу односельчане, в том числе имевшие репутацию «добрых» шесть целовальников губной избы и пятеро боярских детей, заявили, что Архип – «лихой человек» и известный конокрад. Однако уличающих Архипа сведений о его предыдущих кражах они привести не могли.

Как в этой ситуации следовало поступить суду?

Задача № 10

Крестьянин Анисим постоянно притеснялся помещиком, на земле которого он проживал. В 1531 г. он решил переселиться в другую волость, в волость крупного боярина. Помещик приказал приказчику возвратит Анисима. Не надеясь, что приказчик догонит по дороге Анисима, помещик послал жалобу губному старосте той волости, куда переезжал Анисим.

Правомерно ли поступил Анисим?

В праве ли был приказчик возвратит его обратно?

Какое решение должен был принять губной староста согласно Судебнику?

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Субъективные предпосылки образования Русского централизованного государства.
2. Опричнина, ее политические и правовые последствия.
3. Великокняжеский и царский судебники.
4. Состязательно-обвинительный и розыскной процессы по Судебнику 1497 г.: сравнительная характеристика.
5. И. Н. Данилевский об опричнине Ивана Грозного.
6. Формирование единой судебной системы в централизованном государстве.
7. Изменение правового положения боярства в централизованном государстве.
8. Статус бывших удельных князей в централизованном государстве.
9. Реформы Избранной Рады.
10. Государственно-политическая концепция А. Курбского.
11. Концепция православного самодержавия в мировоззрении Ивана Грозного.
12. Политико-правовые взгляды нестяжателей.
13. Политико-правовое учение И. Волоцкого.
14. Концепция «Москва – Третий Рим».
15. Принятие московскими государями царского титула: причины, сущность, значение.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы особенности процесса централизации в России по сравнению с западноевропейскими странами?
2. Какие существуют в научной литературе точки зрения о времени возникновения приказов?
3. Почему в ходе централизации происходит постепенное отмирание дворцово-вотчинной системы управления?
4. Выделите основные стадии в складывании приказной системы.
5. Что такое местничество?
6. Определите различия в понятиях преступления по Русской Правде и по Судебнику 1497 г. Чем обусловлены различия?
7. Что такое закрепощение крестьян? Какие нормы Судебника 1497 г. свидетельствуют о процессе закрепощения?
8. Какие изменения произошли в правовом положении холопов?
9. Какие новые виды преступлений появились в Судебнике 1497 г. и чем было обусловлено их появление?
10. Как и почему изменилась система наказаний по сравнению с Русской Правдой?
11. Какие изменения произошли в состязательном процессе по сравнению с Русской Правдой?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в хрестоматии теоретические и практические материалы, не претендуя на исчерпывающую полноту (в рамках данного объема издания невозможно подробно рассмотреть все аспекты развития права в период централизации Российского государства), помогут студентам в освоении дисциплины «История государства и права России».

Ответы на вопросы, частично раскрытые либо не затронутые в издании, можно найти в источниках, представленных в рекомендательном библиографическом списке.

В любом случае сведения, изложенные в хрестоматии, окажут заинтересованному читателю несомненную помощь в изучении истории государства и права России, расширят кругозор знаний выпускника-юриста, необходимый при профессиональной деятельности практического или научного характера.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

1. *Алексеев, Ю. Г.* Под знаменем Москвы: борьба за единство Руси (царствование Ивана III) / Ю. Г. Алексеев. – М., 1992.
2. *Он же.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа / Ю. Г. Алексеев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001.
3. *Амплеева, Т. Ю.* Борьба с судебным произволом чиновников в Московской Руси (XVI – XVII вв.) / Т. Ю. Амплеева // Государство и право. – 2006. – № 10.
4. *Афанасьева, В. И.* Инновация российской истории XV – XIX вв. / В. И. Афанасьева // История государства и права. – 2005. – № 3.
5. *Бабицкий, Б. Г.* Общественно-политический строй и право в период образования централизованного государства (XIV – XVI вв.) / Б. Г. Бабицкий. – Минск, 1957.
6. *Беляев, И. Д.* История русского законодательства / И. Д. Беляев. – СПб., 1999.
7. *Васильев, А. В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России / А. В. Васильев. – СПб., 2004.
8. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М., 2005.
9. *Власов, В. И.* Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие : монография. В 2 ч. Ч. 1 / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово, 1998.
10. *Они же.* История розыскного процесса в России (законодательство и практика) : монография / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово, 1997.
11. *Они же.* Организация розыска преступников в России в IX – XX веках (историко-правовое исследование) : монография. Ч. 1 / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово, 1997.
12. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн ; пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 1988.
13. *Голоднюк, М.* История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия / М. Голоднюк // Уголовное право. – 2000. – № 2.

* Приводится в авторской редакции.

14. *Градовский, А. Д.* Начала русского государственного права. В 9 т. Т. 1 / А. Д. Градовский. – М., 2006.
15. *Греков, Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. В 2 т. Т. 2 / Б. Д. Греков. – М., 1954.
16. *Данилова, С. И.* Об истории развития инквизиционного процесса / С. И. Данилова // Следователь. – 1998. – № 7.
17. *Дорская, А. А.* Церковное и уголовное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния / А. А. Дорская // История государства и права. – 2005. – № 3.
18. *Егоров, В. С.* История уголовного наказания в период становления российского права / В. С. Егоров // Государство и право. – 2006. – № 5.
19. *Еремян, В. В.* История местного самоуправления в России (XII – первая половина XX в.) : учеб. пособие / В. В. Еремян. – М., 1999.
20. *Зимин, А. А.* Холопы на Руси / А. А. Зимин. – М., 1973.
21. *Исаев, И. А.* История государства и права России : учебник / И. А. Исаев. – М., 2006.
22. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова. – М., 2006, 2008.
23. *Казаков, Р. Б.* Судебник 1497 года / Р. Б. Казаков // Вопросы истории. – 2000. – № 3.
24. *Кобрин, В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.) / В. Б. Кобрин. – М., 1985.
25. *Коллманн, Н. Ш.* Буква «Р» на правой щеке: Как метили преступников в Московской Руси / Н. Ш. Коллманн // Родина. – 2006. – № 11.
26. *Коновалов, И. А.* История государства и права : учеб. пособие / И. А. Коновалов, А. А. Маручек, Т. Ф. Ящук. – Омск, 1998.
27. *Кутафин, О. Е.* Первый суд / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин // Российская юстиция. – 2005. – № 3.
28. *Они же.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. I. Начала формирования судебной власти / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин ; науч. консультант проекта Е. А. Скрипилев ; отв. ред. Н. М. Золотухина. – М., 2003.
29. *Кутулько, А. М.* Судебник 1497 г. / А. М. Кутулько // Вопросы истории. – 1999. – № 3.

30. *Кучкин, В. А.* Судебник 1497 года и договорные грамоты московских князей XIV – XV вв. / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 2000. – № 1.

31. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3: Памятники права Московского государства : кн. 1 / Т. Ю. Амплеева [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2013.

32. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М., 1986.

33. *Рогов, В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVIII вв. / В. А. Рогов. – М., 1995.

34. Российское законодательство X – XX веков : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 т. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1985.

35. *Сахаров, А. И.* Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. / А. И. Сахаров. – М., 1980.

36. *Смирнов, С. Н.* К вопросу о развитии права собственности на землю в Русском государстве в XV – XVII вв. / С. Н. Смирнов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 2.

37. *Смыкалин, А. С.* Зарождение судебной системы Русского государства / А. С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2000. – № 10.

38. *Он же.* Русское законодательство конца XVI – начала XVII в. Судебник 1589 г. Судебник 1606 – 1607 гг. : учеб. пособие / А. С. Смыкалин. – Екатеринбург, 2005.

39. Судебники XV – XVI вв. ; под общ. ред. [и с предисл.] акад. Б. Д. Грекова. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 619 с.

40. *Цечоев, В. К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. : учеб. пособие / В. К. Цечоев, В. И. Власов, О. В. Степанов. – Ростов н/Д., 2000.

41. *Черепнин, Л. В.* Образование русского централизованного государства / Л. В. Черепнин. – М., 1978.

42. *Шевченко, М. М.* История крепостного права в России / М. М. Шевченко. – Воронеж, 1971.

43. *Штамм, С. И.* Судебник 1497 г. : учеб. пособие по истории государства и права СССР / С. И. Штамм. – М. : Госюриздат, 1955. – 112 с.

44. *Юткин, В.* Судебник Ивана III – первый кодифицированный правовой акт на Руси / В. Юткин // Российская юстиция. – 1997. – № 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев, И. Д. История русского законодательства : учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. спец. / И. Д. Беляев ; МВД России ; С.-Петерб. ун-т. – СПб. : Лань, 1999. – 639 с.
2. Вернадский, Г. В. История России. Монголы и Русь : [пер. с англ.] / Г. В. Вернадский. – Тверь : ЛЕАН ; М. : Аграф, 1997. – 476 с.
3. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов ; науч. ред. А. Л. Глазычев [и др.]. – М. : Территория будущего, 2005. – 800 с.
4. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий (Очерки социально-политической истории) / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1982. – 333 с.
5. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / В. О. Ключевский ; послесл. и коммент. сост.: В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – М. : Мысль, 1987. – 447 с.
6. Костомаров, Н. И. Собрание сочинений : истор. моногр. и исслед. Т. 12 / Н. И. Костомаров. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1872. – 465 с.

ГЛОССАРИЙ

Алтын – русская монета достоинством в три копейки. Деньга – медная монета достоинством в полкопейки (грош), восемь («осьмь») денег составляют алтын с четвертью

Беглая грамота – официальный документ о побеге холопа, дающий основу для его розыска

Бессудная грамота – судебное решение, выдаваемое судьей без судебного разбирательства вследствие неявки другой стороны в суд. Бессудная грамота выдавалась на восьмой день, считая от назначенного судом срока разбора дела

Бесчестье – оскорбление словом, ложный донос, ложное обвинение

Большие гости – богатейшие купцы, имеющие именные грамоты от Царя с перечислением их привилегий

Ведомый лихой человек – рецидивист, совершивший несколько преступлений и живший за счет воровства и разбоя

Волокита – затяжка, проволочка дела, большей частью умышленная, обычно с целью вымогательства

Городовой приказчик – должностное лицо в городе, назначаемое Великим Князем

Деловые люди – все население делилось по «чести» на четыре группы; деловые люди занимали следующее место в 4-й группе: служилые по прибору, крестьяне, деловые люди, гулящие люди

Дети боярские – средние и мелкие землевладельцы

Добрые люди – лица состоятельные, пользующиеся положительной репутацией у властей

Доводчик – судебное должностное лицо, осуществляющее функции недельщика в волостях

Доклад – перенесение дела на рассмотрение в высшую инстанцию

Докладной список – протокол суда низшей инстанции с предписанием, как решить дело, сделанным в вышестоящей инстанции

Доспех – обмундирование, снаряжение, в котором сторона участвовала в судебном поединке

Дьяк – должностное лицо, участвующее в разборе дела судом

Езд – пошлина за поездку пристава, недельщика за пределы города для вызова сторон в суд или для производства иных судебных функций. Размер езда зависел от расстояния до того пункта, куда направлялся недельщик, и устанавливался ст. 30 Судебника от 8 рублей до 10 алтын

Ездок – должностное лицо, доставляющее судебные документы

Заговорщик – помощник недельщика

Кабальная сделка – сделка, оформленная кабальной грамотой. Кабала была выданная, заемная, подложная, закладная, ростовая, служилая

Коромола (крамола) – возмущение, мятеж, восстание, измена

Наймит – в данном случае работающий по найму

«*Наймита нанять*» – Судебником устанавливается, что в случае невозможности стороны самой биться на поле, ей предоставляется право выставить за себя нанятого для этого человека. В отличие от сторон свидетель (послух) не мог заменять себя наймитом, а должен был участвовать в суде непосредственно

Наместник – должностное лицо, которое управляет и вершит суд от имени князя (вместо князя) на территории города и уезда

Недельщик – пристав, должностное лицо, в обязанность которого входят вызов в суд сторон, исполнение решения суда, арест и пытка обвиняемых и передача в суд дел о воровстве

Обчий суд – объединенный государственный суд с церковным

Окольничий – думный чин, часто назначаемый князем в качестве судьи или распорядителя и наблюдателя за судебным поединком

Отписные срочные – грамоты об изменении срока явки в суд по просьбе обеих («а коли ищя или ответчик, оба вместе, хотят срок отписати») или одной стороны («а которой ищя или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать»)

Отпускная грамота – грамота, заверенная подписью отпускающего лица холопам, с целью вступления в брак

Печатник – должностное лицо, хранившее печать и скреплявшее ею судебные решения

Подвойский – пристав, вызывавший ответчика в суд

Подьячий – писарь, делопроизводитель в суде, помощник дьяка

Полевая пошлина – взималась за проведение судебного поединка (поля)

Поличное – вещь, уличающая в преступлении, непосредственная улика в виде украденных вещей

Поместная грамота – грамота, определяющая размеры поместья дворян

Правая грамота – документ, вручаемый стороне, выигравшей дело, и состоявший из протокола судебного разбирательства и решения суда по данному делу

Правезж – уголовное телесное наказание, обычно избивание кнутом или батогами с целью получения иска или штрафа

Праветчик – судебное должностное лицо

Приставная грамота – выдававшаяся приставу грамота о даче на поруки ответчика и вызове его в суд, а также о производстве необходимого расследования по делу или о приведении в исполнение приговора суда

Прогон – пошлина, уплачиваемая приставу

Продажа – денежный штраф, а в отдельных случаях – полная или частичная конфискация имущества

Проести – пошлина, с целью обеспечить питанием истца в случае затягивания оформления дела после установленного срока

Смесной суд – суд, состоящий из представителей центральных органов и местных

Срочная грамота – грамота, извещающая стороны о сроке явки в суд

Стряпчий и поручники – лица, объявляемые сторонами, между которыми происходит судебный поединок, в качестве свидетелей поединка (своего рода секунданты)

Тиун – представитель местной администрации, осуществляющий судебные функции по поручению наместника или волостеля

Тиун дворский – представитель княжеской администрации, управлявший обычно дворцовым персоналом княжеских слуг, а также осуществлявший судебные функции по делам, поручаемым ему князем

Уставная грамота – грамота, выдаваемая Царем уездам по поводу организации института губных и земских старост

Хоженое – пошлина за выполнение судебными лицами обязанностей (вызов в суд и т. п.) в пределах одного города

Холопья правая грамота – судебное решение по искам о холопстве

Целовальник – выбранные местным населением дворяне, дети боярские или «добрые люди» из среды городского и сельского населения, выполняющие судебные и административные функции

Черные – крестьяне, жившие на общинных землях и несшие определенные повинности

Черный городской человек – член так называемой черной сотни, корпорации основного городского населения

Юрьев день – 26 ноября, дата, к которой приурочивалось установление срока перехода крестьян от одного владельца к другому

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Костомаров Н. И. НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (<i>Извлечения</i>)	4
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	12
Зимин А. А. РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XV – XVI СТОЛЕТИЙ (ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ) (<i>Извлечения</i>)	12
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	27
Государь всея Руси	28
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	45
Вернадский Г. В. РОССИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА (<i>Извлечения</i>)	46
Боярская дума и секуляризация церковных земель	46
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	51
Рост имперской идеологии	51
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	56
Беляев И. Д. ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (<i>Извлечения</i>)	56
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	66
Ключевский В. О. КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ (<i>Извлечения</i>)	67
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	84
Владимирский-Буданов М. Ф. ОБЗОР ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА (<i>Извлечения</i>)	84
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	95
СУДЕБНИКИ И УКАЗНЫЕ КНИГИ (XVI И 1-Я ПОЛОВИНА XVII В.) (<i>Извлечение</i>)	95
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	100
ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ	101
ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	150
ГЛОССАРИЙ	151

Учебное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ
В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Хрестоматия

Авторы-составители:

БОРИСОВА Ирина Дмитриевна
ОШМАРИН Александр Александрович

Редактор А. А. Амирсейидова

Технические редакторы: О. В. Балашова, С. А. Володин

Компьютерная верстка Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор А. А. Амирсейидова

Подписано в печать 11.11.22.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,07. Тираж 40 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.